

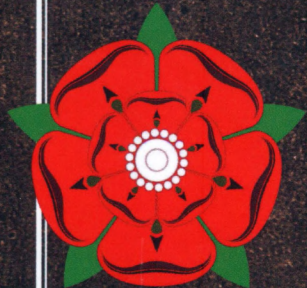
Е.Д. Браун Войны Роз: История. Мифология. Историография

Е.Д. Браун

ВОЙНЫ РОЗ:

История.
Мифология.
Историография

Е.Д. Браун

Войны Роз:
История.
Мифология.
Историография

Центр гуманитарных инициатив

Москва – Санкт-Петербург
2016

УДК 94(100-87)(09)

ББК 63.3(0)4

T50

Серия MEDIAEVALIA
СРЕДНЕВЕКОВЬЕ КАК ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЙ ФЕНОМЕН.
Основана в 2015 г.
Составитель и главный редактор А.К. Гладков

Рецензенты:

член-корреспондент РАН Л.П. Репина
доктор исторических наук, профессор Н.И. Басовская

Браун Е.Д.

T50 Войны Роз: История. Мифология. Историография / Е.Д. Браун. — М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. — 208 с. — ил. — (MEDIAEVALIA)

ISBN 978-5-98712-645-5

В рамках данного исследования последовательно реконструируются три слоя восприятия Войн Роз: глазами джентри, живших во времена противостояния Йорков и Ланкастеров, с точки зрения англичан XVI в. и с позиции профессиональных историков.

За более чем пятьсот лет представления о Войнах Роз сделали почти полный круг. Современники принципиально не вникали в детали престолонаследия, уважительно относились ко всем королям и королевам. Они сетовали, что борьба за престол не лучшим образом сказывается на положении дел в королевстве, но не считали происходящее катастрофой.

В конце XV—XVI вв. конфликт Йорков и Ланкастеров все больше драматизировали и систематизировали. Шекспир прибавил полотну ярких красок, и следующие три столетия историки некритически воспроизводили драматическую версию тюдоровского мифа. В XX столетии стереотипы были сломлены, и в итоге исследователи пришли к тому же, что и современники. Как и людям XV в., нынешним историкам очень многое не ясно; подобно современникам они почти не критикуют участников конфликта; наконец, в оценке степени воздействия Войн Роз на повседневную жизнь исследователи теперь склонны полагаться на мнение очевидцев.

ISBN 978-5-98712-645-5

© Браун Е.Д., 2016

© Гладков А.К., составление серии, 2016

© Центр гуманитарных инициатив, оформление,
2016

Оглавление

Введение	7
Глава I. «Мир джентри» эпохи Войн Роз: социальное и культурное измерения	
Источники по истории джентри	18
§1. Семейный архив Пастонов	21
§2. Собрание документов Пламптонов	24
§3. Эпистолярный комплекс Стоноров	27
§4. Нарратив Роберта Пилкингтона	31
«Страна» как основной элемент мировосприятия джентри	35
Место и роль семьи в социальных связях джентри	40
Джентри второй половины XV столетия и их «слуги».	
К проблеме «свит» или «ливрей»	47
«Дружеские союзы» и «партии» в социальной структуре Англии	
эпохи Войн Роз	55
Ценностные ориентации и культурная специфика	
локальных сообществ джентри в эпоху Войн Роз	69
Глава II. Война, мир или немирье? Войны Роз глазами джентри	
Причины Войн Роз	85
Функционирование местной судебно-административной системы	
в эпоху Войн Роз	89
Проблема начала Войн Роз. События 1450—1462 гг.	
глазами джентри центра, юго-востока и севера Англии	98
Период 1463—1471 гг. в восприятии джентри юго-востока, центра	
и севера королевства	112
Второй период царствования Эдуарда IV (1471—1483 гг.) глазами	
джентри северных, центральных и юго-восточных графств	120
Завершающий этап Войн Роз	123
Глава III. Создание мифа о Войнах Роз	
(середина XV—конец XVI столетия)	135

Глава IV. Войны Роз в зеркале историографии

Противостояние Йорков и Ланкастеров в англоязычной историографии	153
Войны Роз в отечественной исторической науке	168
Заключение	175
Приложения	
Ланкастеры, Йорки, Тюдоры.....	185
Родословное древо семьи Пастонов.....	186
Генеалогическое древо семьи Пламптонов	187
Родословное древо Стоноров	188
Схема родственных отношений фамилий Эйнсвортов и Пилкингтонов	189
«Свитские» Пастонов, Пламптонов и Стоноров.....	190
Библиография.....	195

Эпоха Войн Роз (1452—1485) — удивительное время. Начнем с того, что это классический пример придуманной войны. Современники этот термин не употребляли; более того, они не замечали связи между событиями. Англичане ругали «дурные времена», слишком частую смену королей, но никогда не воспринимали узурпации второй половины XV в. как единый династический конфликт.

Концепция борьбы роз появилась лишь в так называемой тюдоровской историографии, то есть в трудах историков, кормившихся от щедрот династии Тюдоров. Как убедительно доказал Э. Гудман, изобретение этой идеи преследовало вполне определенную, как мы выразились бы сегодня, политико-технологическую цель — показать тридцатилетие, предшествовавшее воцарению Генриха VII Тюдора, единым периодом кровавых усобиц и смут, чтобы укрепить тем самым не слишком крепкий трон представителей новой династии¹.

На первый взгляд, годы Войн Роз были кризисом едва ли не во всех сферах. В экономике — это спад манориального хозяйства, начало огораживаний, закат цеховой системы. В социальном смысле — время отнюдь не безболезненной трансформации структуры английского общества. Наконец, тот факт, что Британия во второй половине XV в. переживала глубокий политический кризис, не подлежит сомнению.

Думается, имеет смысл вкратце напомнить событийный ряд Войн Роз. Всё началось с мятежа, который один из самых могущественных аристократов Англии — Ричард, герцог Йорк — поднял против слабоумного короля Генриха VI Ланкастера. В 1452 г. Ричард Йорк собрал армию по численности почти равную королевским войскам. Отряды мятежного магната и королевские воины выстроились напротив друг друга, но сражение так и не произошло — буквально в последний момент дело удалось уладить миром. Первая битва произошла чуть позже — в 1455-м.

¹ Goodman A. The Wars of the Roses: Military Activity and English Society (1452—1497). L., 1981. P. 321.

Стоит отметить, что в 1452 г. Ричард Йорк вряд ли думал о короне. Его желания были куда скромнее. За несколько лет до начала конфликта герцог Йорк и его сторонники лишились выгодных государственных должностей — Генрих VI передал их представителям других аристократических кланов. Между тем, в Средневековье государственные посты обычно распределялись не по желанию короля, а по праву рождения. Таким образом, в глазах современников, Ричард Йорк не был потенциальным узурпатором, он всего лишь боролся за свои законные права.

В жилах герцога Йорка текла королевская кровь и теоретически он имел право претендовать на трон. Однако в XV столетии в любой европейской стране можно было найти несколько таких претендентов. Сами по себе династические права ничего не решали. Для того чтобы они были реализованы, требовался целый комплекс дополнительных обстоятельств, которые появились гораздо позже.

Итак, поначалу Войны Роз ничем не напоминали династический конфликт. Предпринятая Ричардом Йорком попытка силой вернуться на государственную службу имела лишь кратковременный успех. Очень скоро Генрих VI вновь отобрал у йоркистов должности и вернул их своим собственным фаворитам. Личная вина короля в данном случае была минимальной. Слабоумный монарх был неспособен оценить объективные последствия такого шага — он всего лишь желал видеть во главе аппарата людей, которых привык считать своими друзьями. Между тем, в Позднее Средневековье, для английских аристократов борьба за должности фактически превратилась в борьбу за выживание. Доходы от имений катастрофически падали, и даже самый богатый дворянин Англии — Ричард Йорк — без государственных должностей буквально не мог свести концы с концами.

Неудивительно, что в 1459 г. вооруженное противостояние возобновилось, Ричард Йорк одержал несколько побед. За 7 лет, прошедших с момента первого сбора войск йоркистов, стало ясно, что Генрих VI вряд ли способен принимать взвешенные решения — его преследовали приступы безумия, а в промежутках королем управляли жена и фавориты. Между тем, правительство было крайне непопулярным. Англия проиграла Столетнюю войну, в налогообложении и системе местного управления царил настоящий хаос, а про королевские указы открыто говорили, что «каждый может купить такую бумагу за нобль».

Только в 1460 г., т.е. спустя 8 лет после начала конфликта, Ричард Йорк потребовал корону. Впрочем, огромное большинство англичан оказалось не готово к такому повороту событий. После долгих дискуссий парламент признал герцога Йорка не королем, а всего лишь наследником престола. С этим не смогли смириться уже сторонники Генри-

ха VI. 1460—1461 г. ознаменовались целой серией сражений. Ричард Йорк был убит, но его «партию» возглавил старший сын — восемнадцатилетний Эдуард, который в 1461 г. короновался под именем Эдуарда IV. Первые годы нового царствования были очень беспокойными, но все же Генриха VI удалось взять в плен, а жена и маленький сын «прежнего короля» бежали во Францию.

Новый виток Войн Роз был вызван вовсе не династическими притязаниями Ланкастеров, а конфликтом среди сторонников Эдуарда IV. Молодой король поссорился с одним из самых влиятельных соратников своего покойного отца — лордом Уорвиком, позже прозванным «Создателем королей». Уорвик бежал во Францию и заключил вынужденный союз с супругой Генриха VI Маргаритой Анжуйской. Результатом этого объединения стал следующий этап гражданской войны. В 1470—1471 г. Генрих VI был на несколько месяцев восстановлен на престоле, но в итоге победа осталась за Эдуардом IV. Генрих VI нашел свою смерть в казематах Тауэра, а его наследник — принц Эдуард Ланкастер — был убит в битве при Тьюксбери. Династия Ланкастеров пресеклась.

Следующий акт исторической драмы, которую мы по традиции именуем Войнами Роз, начался только через 12 лет и не имел ни малейшего отношения к противостоянию Йорков и Ланкастеров. В 1483 г. Эдуард IV скончался, оставив сыновей-подростков. Младший брат короля Ричард, герцог Глостер, отстранил от власти своих племянников, но процарствовал всего 2 года.

В 1485 г. оставшиеся сторонники Ланкастеров и недовольные узурпацией Ричарда III вновь подняли мятеж. Их кандидатом на престол стал дальний родственник Ланкастеров Генрих Тюдор. В итоге Ричард III был убит в битве при Босворде, а Тюдор стал основателем новой королевской династии. Мятежи сторонников Йорков продолжались еще несколько лет, но к началу XVI в. политические катаклизмы, наконец, завершились.

Итак, как минимум тридцать лет Англия страдала от политических неурядиц. Армии Йорков и Ланкастеров не раз встречались на полях сражений, и даже в мирные годы Британию нельзя было назвать спокойной и комфортной страной. И все же, это захватывающе интересная эпоха. Перипетии борьбы за престол зачастую оказываются увлекательнее любого приключенческого романа. Например, в 1470 г. Эдуард IV вынужден был бежать из страны буквально без гроша в кармане; король отдал за переправу через Ла-Манш единственную бывшую при нем ценную вещь — меховую накидку.

Для профессиональных исследователей эпоха Войн Роз также оказывается удивительно привлекательной. Она открывает широчайший простор для анализа, ведь в истории этого конфликта огромное количество

белых пятен. На первый взгляд, лакуны не так уж заметны. Противостояние аристократических кланов, интриги и борьба за престол воссозданы в деталях. Мы довольно хорошо представляем, что происходило в сфере высокой политики, однако, не всегда понимаем, почему. Например, мы понятия не имеем, почему всячески обласканный Ричардом III герцог Бэкингем поднял против него восстание. И это далеко не единственная загадка. Многие битвы Войн Роз мы представляем только в общих чертах. Глубокой тайной окутана судьба сыновей Эдуарда IV, знаменитых «принцев в Тауэре». Каких только версий не выдвигается. Одни обвиняют в убийстве детей Ричарда III², другие полагают, что принцы не погибли, а были увезены в Бургундию³, третьи утверждают, что самозванец Перкин Уорбек был младшим из пропавших сыновей Эдуарда IV⁴; четвертые обвиняют в убийстве принцев Генриха VII⁵; пятые полагают, что точная дата смерти принцев неизвестна, а их убийцами с равным успехом могут быть и Генрих VII, и герцог Бэкингем⁶.

Впрочем, дело не только в том, что не все факты восстановлены. Среди ученых нет согласия относительно хронологических рамок Войн Роз, называются даты 1455—1485⁷, 1450—1502⁸, 1452—1497⁹ и др., т.е. историки спорят о том, следует ли включать то или иное сражение в упомянутую серию конфликтов. Существует также ряд более серьезных разногласий. Российские и английские историки не пришли к единому мнению относительно того, можно ли считать Войны Роз проявлением глобального кризиса английского общества¹⁰, или же это был не более чем период «нестабильной ситуации с наследованием престола»¹¹; влияла ли борьба аристократов на жизнь простых англичан¹², или они обитали «в мирной и процветающей по меркам того

² Weir A. *The Princes in the Tower*. L., 1992. P. 196—201.

³ Williamson A. *The Mystery of the Princes*. Gloucester, 1978. P. 203—246; *Fields B. Royal Blood: Richard III and the Mystery of the Princes*. N.Y., 1998. P. 200—217.

⁴ Pollard A.J. *Richard III and the Princes in the Tower*. Gloucester, 1991. P. 115—127.

⁵ Marius R. *Thomas More*. Harvard, 1999. P. 98—121.

⁶ Kendall P.M. *Op. cit.* P. 418.

⁷ Штокмар В.В. *История Англии в Средние века*. М., 1973. С. 52.

⁸ Кузнецов Е.В. *Борьба магнатских партий в Англии в 50-х гг. XV в. Политическая программа Йоркской партии // Ученые записки Горьковского государственного университета*. Горький, 1959. Вып. 46. С. 123.

⁹ Goodman A. *The Wars of the Roses: Military Activity and English Society (1452—1497)*. L., 1981. P. 12.

¹⁰ Ульянов Ю.Р. *Рост нового дворянства в Англии в XV в. // Из истории средневековой Европы (X—XVIII вв.)*. М., 1957. С. 131—151.

¹¹ Lander J.R. *Government and Community: England 1450—1509*. L., 1980. P. 388.

¹² Филимонова О.Н. *К социально-психологической характеристике английского нового дворянства // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века*. М., 1975. С. 313.

времени стране»¹³. В рамках англоязычной историографии широко обсуждается проблема взаимосвязи Войн Роз как преимущественно политического феномена и событий социально-экономической истории. Даже возможность употребления термина «Войны Роз» является объектом серьезных дискуссий. В качестве сомнительной альтернативы словосочетанию «Войны Роз» был предложен еще более далекий от реалий XV в. термин «война кузенов»¹⁴.

Таким образом, несмотря на горы специальной литературы, Войны Роз остаются сплошной историографической проблемой. В плане воссоздания фактологической стороны конфликта возможности источников исчерпаны — все тексты многократно, скрупулезно проанализированы; незначительное приращение знаний происходит в основном в результате археологических раскопок.

Вероятно стоит временно отказаться от попыток написать историю Войн Роз в позитивистском ключе и обратиться к исследованию субъективных моделей восприятия. Существуют как минимум три уровня субъективности, каждый из которых по-своему интересен и заслуживает самого пристального внимания — это восприятие эпохи современниками, ближайшими потомками и историками. «Сквозной» подход, сочетающий анализ всех трех «слоев», сделает наше восприятие Войн Роз объемнее и позволит прийти к существенно более обоснованным выводам.

Итак, в первой части исследования мы попытаемся взглянуть на противостояние Йорков и Ланкастеров глазами современников. На этом уровне ключевым является вопрос о взаимосвязи феномена Войн Роз и остальных сфер истории Англии второй половины XV столетия. Его решение подводит нас к сущности Войн Роз. Наличие или отсутствие явной взаимосвязи между борьбой за престол и течением повседневной жизни позволит определить Войны Роз либо как череду неурядиц с наследованием престола, либо как гражданские войны, явившиеся проявлением всеобъемлющего кризиса, переживаемого Англией во второй половине XV в., либо как-то что-то среднее между этими двумя крайностями.

Таким образом, нам необходимо найти критерий, который позволил бы «свести воедино» две сферы — противостояние аристократических кланов и не столь богатую событиями жизнь рядовых англичан. Возможно, имеет смысл подойти к исследованию Войн Роз через рассмотрение событий не общенационального, а местного значения, т.е. по-

¹³ Lander J.R. Op. cit. P. 387.

¹⁴ Wagner J.A. Encyclopedia of the Wars of the Roses. Santa Barbara, 2001. P. 294—295; Weir A. The Wars of the Roses. N.Y., 1995. P. 4—7.

пробовать взглянуть на политические катаклизмы второй половины XV столетия не из столицы, а из графств.

Если мы попытаемся проанализировать Войны Роз через события локальной истории, т.е. реконструируем социально-политическую обстановку в графствах в указанный период и установим, менялась ли ситуация на местах в то время, когда «партии» Йорков и Ланкастеров переходили к активным действиям, то, фактически, выясним, оказывали ли Войны Роз влияние на жизнь современников, и если оказывали, то в какой степени.

Подыскивая критерий для сопоставления событий общенациональной и локальной истории через восприятие современников, лучше всего обратиться к видению конфликта какой-либо социальной группой. Такое ограничение задаст четкие рамки анализа — групповые интересы, стереотипы, и, наконец, мнения отдельных членов группы. Идеальным объектом исследования в данном случае будут джентри. Джентри, как правило, мало бывали в столице, их жизненные интересы ограничивались рамками графства; т.е. они воспринимали столкновения сторонников Йорков и Ланкастеров сквозь призму местных дел. Через систему покровительства провинциальное дворянство было связано с аристократией; джентри нередко участвовали в сражениях, и все же не были прямо заинтересованы в том или ином исходе борьбы за корону.

Итак, нашей фокус-группой будут джентри. Попробуем восстановить динамику политических событий и развития земельных конфликтов в графствах; реконструировать субъективное восприятие джентри политических событий эпохи Войн Роз в целом; и, наконец, выявить степень влияния Войн Роз на жизнь джентри и, уже, на ситуацию в графствах. Однако, для того, чтобы взглянуть на Войны Роз глазами джентри, необходимо сначала проанализировать особенности менталитета провинциального дворянства; определиться с тем, настолько их ценностные ориентации искажали восприятие политической истории. Прежде чем увидеть Войны Роз «в зеркале» мировосприятия джентри, стоит разобраться с тем, насколько «кривым» было это самое зеркало. Таким образом, наш анализ имеет смысл начать с реконструкции «мира джентри» в его социальном и культурном измерениях.

Восприятие эпохи Войн Роз ближайшими потомками участвовавших в них людей — тема очень непростая. Противостояние Йорков и Ланкастеров всегда было предельно политизированно. Даже современным событиям документы содержат огромное количество умолчаний, преувеличений, а нередко и прямой лжи. Эта тенденция достигла логического завершения в трудах придворных историков Тюдоров. В указанных работах политики уже не в пример больше, чем истории. Например, знаменитая «История Ричарда III» Томаса Мора настолько не

точна в деталях¹⁵, что большинство историков полагает — Мор вообще не имел намерения создать историческое сочинение¹⁶. Его произведение называют и сатирической драмой¹⁷, и нравоучительным трактатом¹⁸, и политическим памфлетом¹⁹.

В отношении Войн Роз разделить правду и вымысел предельно сложно. В нашем случае такая задача и не стоит. Вместо того, чтобы «отделять зерна от плевел» стоит изучить их «в комплексе». Тюдоровский миф интересен сам по себе как общепризнанная модель восприятия недавнего прошлого. Во второй части нашего исследования мы попытаемся проанализировать причины зарождения, этапы формирования и основные особенности указанной мифологемы. Иными словами, будет сделана попытка взглянуть на Войны Роз глазами людей, живших в эпоху Тюдоров. Наконец, третья часть будет посвящена реконструкции историографических моделей Войн Роз.

Итак, в рамках данного исследования последовательно реконструируются три слоя восприятия Войн Роз: глазами современников (в нашем случае джентри), с точки зрения англичан XVI в. и с позиции профессиональных историков. В совокупности это позволит создать относительно целостную картину изменения восприятия Войн Роз в XV—начале XXI в.

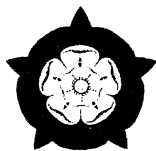
¹⁵ Мор на 12 лет завышает возраст Эдуарда IV, неверно указывает имя герцога Бэкингема, путает даты и искажает порядок событий, в подробностях рассказывает о событиях, не имевших места в действительности, например, описывает якобы состоявшееся в соборе св. Павла венчание Эдуарда IV и Елизаветы Вудвиль и т.д.

¹⁶ Барг М.А. Шекспир и история. М., 1979. С. 38; Осинковский И.Н. Томас Мор и его время // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998. С. 330—331; Kinney D. Kings' Tragicomedies: Generic Misrule in More's History of Richard III // Moreana. 1985. № 86. P. 128—150; Candido J. Thomas More. The Tudor Chroniclers and Shakespeare's Altered Richard // English Studies. 1987. № 68. P.137—141; Pollard A.J. Op. cit. P. 78; Hanham A. Op. cit. P. 152—190; Anderson J.H. More's Richard III: History and Biography // Biographical Truth: The Representation of Historical Persons in Tudor-Stuart Writing. New Haven, 1984. P. 75—109.

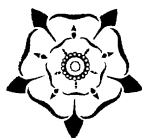
¹⁷ Hanham A. Richard III and His Early Historians, 1483—1535. L., 1975. P. 152.

¹⁸ Осинковский И.Н. Указ. соч. С. 330.

¹⁹ Grant P. Thomas More's Richard III: Moral Narration and Humanist Method // Language and the Discovery of Method in the English Renaissance. L., 1985. P. 19—47.

Глава I
«Мир джентри»
эпохи Войн Роз:
социальное
и культурное
измерения

Прежде чем приступить к воссозданию автопортрета джентри, имеет смысл сказать несколько вводных слов. Одной из наиболее спорных проблем социальной истории Англии XV столетия является проблема постепенного изменения структуры английского общества, связанная, прежде всего, с увеличением той роли, которую играли в нем джентри или т.н. «новое дворянство». Термином «джентри» в англоязычной историографии обозначаются «все землевладельцы рангом ниже барона и выше йомена»¹. Начало формирования этой социальной группы англоязычные историки относят ко второй половине XIV столетия. Именно в этот период оформляется граница, отделившая пэров королевства, имеющих право заседать в палате лордов, от остального дворянства — джентри².

Аристократы являлись непосредственными вассалами короны, в XV столетии все более заметную часть их доходов составляют поступления от занятия придворных должностей. Именно столкновения интересов двух враждовавших дворянских родов — Йорков и Сомерсетов (сторонников царствовавшего дома Ланкастеров), и вылились, по мнению современных британских историков, в Войны Роз³.

В отличие от аристократов, джентри уделяли основное внимание управлению собственными манорами, в которых ведение интенсивного домениального хозяйства сочеталось с наиболее доходной сдачей земли в краткосрочную аренду⁴. Джентри отнюдь не являлись замкнутой социальной группой, их ряды пополняли богатые представители третьего сословия, охотно женившиеся на дворянках и приобретающие земельные владения⁵.

В ходе Войн Роз социальная роль джентри значительно возросла, во-первых, в силу физического истребления многих представителей аристократии, и, во-вторых, ввиду того, что враждующие партии стремились заручиться их поддержкой (ведь именно джентри и их свитские составляли основу вооруженных отрядов баронов, а значит выбор джентри мог повлиять на исход сражений)⁶. Еще больший вес данная социальная группа приобретает в правления королей из династии Тюдоров, для которых она была основной опорой⁷.

¹ *Flaming P.W.* Charity, Faith, and the Gentry of Kent // *Property and Politics. Essays in Later Medieval English history.* New York, 1984. P. 36.

² *Pugh T.B.* The Magnates, Knights and Gentry in Later Medieval England // *Fifteenth-Century England 1399—1509.* Barnes, 1972. P. 96.

³ *Lander J.R.* Crown and Nobility 1450—1509. L., 1976. P. 123.

⁴ *Ульянов Ю.Р.* Рост нового дворянства в Англии в XV в. // *Из истории средневековой Европы (X—XVIII вв.).* М., 1957. С. 132.

⁵ Там же. С. 139.

⁶ *Гутнова Е.В.* Англия в XI—XV вв. // *История Средних веков.* М., 1998. С. 361.

⁷ *Винокурова М.В.* Англия // *История Европы.* М., 1993. Т. III. С. 40—41.

В данной главе автор предпринимает попытку воссоздать субъективную модель мировосприятия джентри в той ее части, которая касается видения структуры современного им общества и ценностных ориентаций указанной группы. Полученная картина не претендует на объективность. Однако, как отмечает А.Я. Гуревич, «исследование человеческой субъективности является тем узлом, в котором связываются все линии исторического развития»⁸. Анализ данной модели восприятия социальной структуры Англии дает возможность по-новому взглянуть на английское общество того времени, что может дать материал для подхода к решению комплекса проблем, связанных с пониманием феномена Войн Роз. Рассмотрение означенной темы позволит пролить свет так же и на проблему постепенного возвышения джентри, на тот этап истории «нового дворянства», когда закладывалась основа его отношений с королевской властью.

Источники по истории джентри

В распоряжении исследователей находятся захватывающие вторую половину XV в. архивы трех семей джентри — Пастонов, Стоноров и Пламптонов. Данные комплексы документов состоят преимущественно из писем членов упомянутых дворянских родов и их корреспондентов, большинство которых также принадлежали к сословию джентри.

Перед тем, как перейти к более подробной характеристике каждого из указанных семейных архивов, необходимо очертить видовую специфику эпистолярных комплексов джентри XV столетия. Прежде всего, следует упомянуть о том, что письма, дошедшие до нас в составе указанных семейных архивов, еще не могут быть названы частной перепиской в полном смысле этого слова, поскольку они не обладают всеми отличительными особенностями данного вида источников. В современном российском источниковедении бытует мнение, что источники личного происхождения как тип сформировались в Европе в XVI—XVII вв.⁹ Анализ семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов позволяет предположить, что начало складывания такого вида источников, как частная переписка, в Англии может быть отнесено к XV в. В письмах из означенных семейных архивов наличествует ряд черт, благодаря которым их можно отнести к данному виду источников, но есть и ряд особенностей, характерных скорее для официальных документов.

⁸ Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993. С. 273.

⁹ Источниковедение: Теория, история, метод. М., 1998. С. 319.

С официальными документами письма джентри XV века сближают следующие черты. В данный период письма, за редчайшим исключением, писали не просто из желания общения; поводом для написания письма в среде джентри была необходимость сообщить корреспонденту информацию, имеющую существенное значение для автора письма, или его адресата, или для них обоих. Основными темами писем, дошедших до нас в составе эпистолярных комплексов XV столетия, были перипетии, связанные с наследованием земельных владений, брачными отношениями, хозяйственными вопросами или политическими катаклизмами. В эпистолах, написанных в Лондоне, неизменно сообщалось о политической жизни в столице, перераспределении придворных должностей и т.п. В письмах, написанных в графствах, пересказывались местные новости того же характера.

Стоит подчеркнуть, что исследуемые письма на практике предназначались не только непосредственному адресату. В среде джентри обнародование содержания писем было нормой¹⁰, о чем лишний раз свидетельствует тот факт, что в них никогда не сообщались секретные сведения. Детали значимых политических событий, подробности судебных процессов и т.п. передавались устно, обычно через подателя письма. Типичной для данных эпистолярных комплексов является следующая фраза Джеймса Грэхема: «Моя госпожа, ваша мать... просила меня написать вам о том, что она достоверно узнала от верного и надежного человека, имя которого она сообщит вам устно при вашей следующей встрече...»¹¹. Более того, письма, в которых содержалось упоминание о каких-либо важных политических событиях, воспринимались джентри как документы, подтверждающие достоверность упомянутых событий. В качестве примера можно привести следующее высказывание Джона Пастона, относящееся к 1461 г. Он писал: «Если ты привезешь какие-либо вести от лордов, то позаботься о том, чтобы они были написаны; ведь новостям, привезенным Дерквортом, не поверили, поскольку он не привез никакого письма, которое могло бы их подтвердить»¹².

Не случайно тон писем из семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов исключительно ровный. Упоминание о чувствах, которые испытывал автор письма, встречается крайне редко, и в них практически никогда не упоминаются эмоции, которые нельзя было бы выразить публично.

¹⁰ *Bennet H.S. The Pastons and their England... P. 112.*

¹¹ "My mistress your mother... bade me write to you that she hath very knowledge by a true and trusty man, whose name she shall tell you by mouth at your next meeting..." // *The Paston Letters / Ed. by J. Warrington. N.Y.;L., 1956. Vol. I. P. 13.* (Далее — *The Paston Letters*)

¹² *The Paston Letters. Vol. I. P. 167.*

Наконец, для джентри, впрочем, как и для представителей других социальных групп, письмо было трудным искусством, отнимавшим, к тому же, довольно много времени¹³. Исследователями установлено, что значительную часть писем анализируемых семейных архивов джентри не писали сами, а диктовали секретарю¹⁴, что также не характерно для частной корреспонденции.

С другой стороны, письма джентри XV столетия отличает ряд черт, присущих частной переписке. То обстоятельство, что джентри писали письма лишь по существенным поводам, не мешало им добавлять к основному содержанию письма личную информацию. В письмах семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов встречаются упоминания о состоянии здоровья корреспондентов, их опасениях, надеждах, и т.д. В качестве примера можно привести следующую фразу из письма Маргарет Пастон к ее мужу: «Я благодарю тебя за письмо, которое ты мне прислал, потому что, по правде говоря, на душе у меня и у твоей матери было беспокойно с тех пор, как мы узнали о твоей болезни и до того времени, когда мы получили известия о твоём выздоровлении»¹⁵.

От официальных документов письма указанных семейных архивов отличается также их стиль. Практически, он являет собой зафиксированную на бумаге устную речь со всеми ее повторами и междометиями. Необходимо также отметить, что джентри XV в., как правило, не затрудняли себя изложением известных им деталей, поэтому их письма изобилуют намеками и недомолвками. Типичной в этом отношении является следующая фраза из письма Маргарет Пастон к ее мужу Джону Пастону: «Я рассказала ему, о чем мы говорили, и получила желаемый ответ»¹⁶.

Необходимо указать также на особенность писем семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов, которая значительно увеличивает ценность указанных источников для данной работы — Пастоны, Стоноры, Пламптоны и их корреспонденты никогда не скрывали своего отношения к событиям, о которых они упоминали. Оценочный момент в документах, входящих в состав данных эпистолярных комплексов, выражен достаточно ярко. Тем не менее, следует помнить, что, коль скоро письма джентри изначально были рассчитаны на то, что их содержание станет известно не только непосредственному адресату, то и содержащиеся в них оценки были, что называется, рассчитаны на публику. Иными словами, в своих письмах джентри высказывали лишь те суж-

¹³ *Bennet H.S. The Pastons and Their England...* P. 114.

¹⁴ *Ibid.* P. 115.

¹⁵ “I thank you for the letter that ye sent me, for by my troth my mother and I were not in heart's ease from the time that we wist of your sickness, till we wist of your amend-
ind” // *The Paston Letters. Vol. I. P. 3.*

¹⁶ *The Paston Letters. Vol. I. P. 67.*

дения, которые без колебаний можно были придать гласности. О полной откровенности в данном случае речь не идет и идти не может.

Эпистолярные комплексы Пастонов, Стоноров и Пламптонов были введены в научный оборот еще в конце XIX в. Наиболее изученным является семейный архив Пастонов¹⁷, меньше других внимание исследователей привлекало собрание Стоноров¹⁸. Несмотря на эту, по большому счету, не такую уж существенную разницу в степени научной разработанности, коллекции документов Пламптонов, Стоноров и Пастонов объединяет одна общая черта. Традиционно все они использовались при реконструкции социально-экономической и бытовой истории Англии второй половины XV в., а также для исследования менталитета джентри.

Выявленная специфика указанных семейных архивов позволяет предложить новый подход к этим достаточно давно введенным в научный оборот комплексам источников. Эти коллекции документов могут рассматриваться как своего рода автопортрет джентри. Как уже было сказано выше, в своих письмах Стоноры, Пламптоны, Пастоны и их корреспонденты сообщали друг другу лишь ту информацию, те сведения и оценки, которые они сами были готовы обнародовать. Таким образом, мы имеем дело с дошедшим до нас в текстовом выражении представлением социальной группы о самой себе и современном ей обществе.

§1. Семейный архив Пастонов

Архив Пастонов состоит из документов, собранных представителями этой семьи на протяжении практически всего XV столетия. Пастоны (Pastons) — дворянский род, проживавший в графстве Норфолк в восточной Англии. Родословное древо Пастонов представлено в приложениях. Свое родовое имя эта семья получила от деревеньки Пастон, расположенной в двадцати милях к северу от города Норидж¹⁹. Основатель семьи — Клемент Пастон (умер в 1419 г.) — имел крестьянское владение чуть больше ста акров. Его сын Уильям (1378—1444), получивший

¹⁷ В частности, детальная история семьи Пастон на материале их архива была восстановлена в монографии Х. Беннет «Пастоны и их Англия»: *Bennet H.S. The Pastons and Their England. Cambridge, 1932.*

¹⁸ Редактор последнего издания переписки Стоноров — Кристин Карпентер — отмечает, что этот архив привлекается в качестве источника значительно реже, чем собрания Пастонов и Пламптонов. См: *Carpenter C. Preface to 1996 edition // Stonor Letters and Papers. Cambridge, 1996. P. X.*

¹⁹ *Филимонова О.Н. Переписка Пастонов как источник по аграрной истории Англии XV в. // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975. С. 249.*

юридическое образование, сделал карьеру от управляющего герцога Норфолка до судьи в Суде Общих тяжб и мужа наследницы сэра Берри. Он же получил дворянский титул в 1420 г. После него все мужские семьи Пастон женились исключительно на женщинах дворянского происхождения. Сын Уильяма Джон (1420—1466) был уже сквайром и депутатом Палаты Общин²⁰. При нем Пастоны получили в наследство земли своего родственника — лорда Фастольфа, что сделало их одними из самых уважаемых и влиятельных людей графства²¹, способных конфликтовать за спорные земли с герцогами Норфолк и Саффолк. Наследник Джона Пастона — Джон Пастон-младший (1440—1479) имел рыцарский титул и принимал участие в турнирах²². Таким образом, земельные владения семьи на протяжении второй половины XV в. неуклонно росли (за счет скупки соседних маноров, выгодных браков и получения наследства), а социальный статус повышался. История семьи Пастон представляет собой летопись их постепенного вхождения в дворянское сословие и укрепления позиций внутри него.

Архив Пастонов состоит более чем из тысячи документов, относящихся к периоду 1430—1506 гг. Основную часть данного источникового комплекса составляют письма. Начало коллекции положил Джон Пастон, который бережно сохранял письма своих отца и матери (Уильяма и Агнесс), а перед смертью (1466) передал их, вместе с письмами, принадлежащими ему и его жене Маргарет, своему старшему сыну²³.

Отличительной особенностью собрания писем Пастонов является то, что Пастоны сохранили не только адресованные им письма, но и черновики собственных посланий. Таким образом, указанный эпистолярный комплекс дошел до наших дней во всей возможной полноте. В данном случае мы видим зафиксированный на бумаге диалог, в котором слышны голоса всех его участников.

Более половины писем данного семейного архива написаны членами трех поколений семьи Пастонов. Архив Пастонов дает практически бесценный материал, касающийся структуры внутрисемейных отношений. Следующую группу составляют письма «друзей» Пастонов, то есть джентри Норфолка, связанных с ними общими земельными интересами. Значительная часть писем архива Пастонов написана людьми, которые пользовались их покровительством (последние могли принадлежать как к благородному, так и к городскому сословию)²⁴. И, наконец,

²⁰ Там же. С 250—251.

²¹ Там же. С 253.

²² The Paston Letters. Vol. II. P. 56.

²³ Bagley J.J. Historical Interpretation. L., 1972. P. 190.

²⁴ Список людей, пользовавшихся покровительством Пастонов, представлен в приложениях.

Пастоны обменивались письмами с теми из лордов, покровительства которых они искали.

Стоит отметить, что костяк данного эпистолярного комплекса составляют послания, принадлежащие перу джентри — это приблизительно две трети коллекции. Оставшаяся треть почти целиком приходится на долю людей недворянского происхождения, которых связывали с Пастонами отношения покровительства. Что касается писем аристократов, то они составляют крайне незначительную часть архива. Таким образом, архив Пастонов предоставляет обширный материал, касающийся взаимоотношений джентри и представителей городского сословия, а также структуры социальных связей внутри провинциального дворянства, но в нем содержится сравнительно мало информации, касающейся взаимоотношений джентри и пэров королевства.

Кроме писем в архиве Пастонов находятся также копии официальных документов, которые были сочтены достаточно важными, чтобы их сохранить. В основном, это письма королей, адресованные членам семьи Пастонов, и те документы, которые во время Войн Роз руководители партий Йорков и Ланкастеров рассылали наиболее влиятельным дворянам с пропагандистской целью.

В настоящее время семейный архив Пастонов хранится в Британском музее. Он неоднократно публиковался как в XIX, так и в XX в. Наиболее полной из публикаций семейного архива Пастонов является трехтомное издание Джеймса Гарднера, вышедшее в свет в 1872—1875 гг.²⁵ Существует также сокращенное двухтомное издание, отрецензированное Джоном Варрингтоном в середине XX в.²⁶ В издание Варрингтона вошло более четырехсот писем, «описывающих наиболее широко политические и религиозные представления, которые лучше всего отражают характеры тех, кто доминировал на политической сцене, и проливают свет на обычаи и привычки того века»²⁷.

Большинство документов архива Пастонов относятся к периоду 1449—1480 гг., когда члены этой семьи активно боролись за расширение собственных владений, а Англию потрясли политические катаклизмы. Непокойная политическая обстановка, в которой обладание нужной информацией нередко являлось вопросом жизни и смерти, в немалой степени способствовала оживленному обмену корреспонденцией. После 1480 г. количество писем резко снижается, возможно, потому, что смерть двух старших сыновей Джона Пастона (1479 и 1481 гг.) дважды оставляла семью без главы, что не позволяло Пастонам активно вмешиваться в земельные тяжбы.

²⁵ The Paston Letters 1422—1509 A.D. A New Edition Containing Upwards of Four Hundred Letters & Hitherto Unpublished / Ed. by J. Gardner. L., 1872—1875. Vol. I—III.

²⁶ The Paston Letters / Ed. by J. Warrington. N.Y.;L., 1956. Vol. I—II.

²⁷ Ibid. P. I.

Необходимо подчеркнуть, что письма, находящиеся в семейном архиве Пастонов, писались, в основном, либо в Лондоне, либо в Норфолке. Из Норфолка в Лондон сообщались местные новости и слухи, хозяйственная информация и т.п. Семейный архив Пастонов предоставляет самую обширную информацию, касающуюся политической ситуации в Норфолке. Пастоны и их корреспонденты уделяли огромное внимание обсуждению окружающей обстановки. Частые отлучки глав семьи в столицу делали необходимым самое детальное сообщение им местных новостей, а в этих новостях свидетельства о локальных политических катаклизмах эпохи Войн Роз занимали одно из первых мест.

Из столицы в Норфолк сообщали о важных политических событиях, придворных интригах, действиях первых лиц королевства. Существование заметного числа писем, в которых рассказывается о новостях общеанглийского значения, дает возможность судить о том, как Пастоны и их корреспонденты воспринимали Войны Роз, т.е. восстановить их отношение к политическим событиям не только на местном, но и на общенациональном уровнях.

§2. Собрание документов Пламптонов

Семейный архив Пламптонов относится ко второй половине XV— началу XVI столетия. К этому времени семья Пламптонов (Plumptions) насчитывала не одно поколение благородных предков. Первое упоминание об этой дворянской семье относится к 1168 г., когда Уильяму Перси принес оммаж некто Нигеллус (Найджелл) Пламптон (Nigellus de Plumpton). Своим родовым именем Пламптоны обязаны деревне Пламптон (Plumpton), расположенной в графстве Йорк, в трех милях от городка Кнарсбороу (Knaresborough). Владения Пламптонов находились в графствах Йорк, Нортумберленд и Дерби.

На протяжении практически всей известной истории семьи, члены рода Пламптон находились на службе у Перси, герцогов Нортумберленда. Пламптоны по своему социальному положению неизменно были, если можно так выразиться, средней дворянской фамилией, не поднимавшейся до уровня пэров королевства, но и не опускавшейся до уровня обедневших родов. Значительно упрочить положение семьи удалось Роберту Пламптону (ум. в 1421 г.), чрезвычайно удачно женившемуся на дочери и наследнице сэра Фолжамба (Foljambe). Этот брак принес Роберту Пламптону несколько маноров в Ноттингеме и Дерби. Также при жизни Роберта Пламптона (с 1416 г.) в фактически наследственное владение главы семьи перешла должность смотрителя леса Кнарсбороу. Возвышение семьи продолжилось при сыне и наследнике Роберта Пламптона — Уильяме Пламптоне (1404—1480). В 1439 г. Уильям Пламптон стал констеблем замка Кнарсбо-

роу, в 1442 г. — пожизненным сенешалем всех маноров и владений Генри, герцога Нортумберленда в Йорке, а в 1448 г. — еще и шерифом графства Йорк. Дальнейшему карьерному росту семьи Пламpton помешало то, что в конфликтах 1460 гг. они выступили на стороне Ланкастеров. Однако им удалось сохранить за собой должности смотрителя леса Кнарсбороу, констебля одноименного замка и смотрителя владения Споффорд (Spofford). В последней трети XV—начале XVI в. положение семьи вновь начало укрепляться. Следующий глава семьи — Роберт Пламpton (1453—1523) — сын Уильяма Пламптона, унаследовал все должности своего отца. В данном случае наследование прошло далеко не гладко. Роберт был сыном от второго, тайного брака, законность которого была признана лишь после нескольких судебных процессов, состоявшихся еще при жизни Уильяма Пламптона. Последний судебный процесс касался попытки других наследников оспорить завещание Уильяма Пламптона. В результате Роберту Пламptonу не удалось сохранить имения своего отца в Йоркшире. В противостоянии Ричарда III и Генриха Тюдора Роберт Пламpton последовал за своим сеньором и покровителем — герцогом Нортумберлендом — и встал на сторону Тюдоров, которой придерживался и в дальнейших политических катаклизмах. В частности, Роберт Пламpton был приглашен на коронацию королевы Елизаветы в 1487 г., а его племянник Уильям Гасконь (William Gascoigne) перед церемонией был посвящен в рыцари Бани²⁸.

Семейный архив Пламптонов состоит из двух коллекций писем — «Книги писем сэра Уильяма Пламптона» и «Книги писем сэра Роберта Пламптона»²⁹. Части носят такие названия, поскольку первоначально они представляли собой именно книги, в которые были подшиты соответствующие коллекции писем. Подлинники писем не сохранились, но в распоряжении исследователей находится копия, созданная сэром Ричардом Пламptonом, капелланом церкви Иделл (Idell) в 1613 г.³⁰ На настоящий момент наиболее полным является издание архива Пламптонов, предпринятое Томасом Степлтоном в 1839 г.³¹

«Книга писем сэра Уильяма Пламптона» состоит из 29 писем, относящихся к 1460—1479 гг. Необходимо подчеркнуть, что эти 29 писем хронологически распределяются чрезвычайно неравномерно. Количество документов, относящихся к первым 15-ти годам собрания коллекции,

²⁸ Stapleton T. Notices of the Family of Plumpton // Plumpton Correspondence: a Series of Letters, Chiefly Domestic, Written in the Reigns of Edward IV, Richard III, Henry VII and Henry VIII / Ed. by Th. Stapleton. L., 1839. P. IX—XCIX.

²⁹ Introduction // Ibid. P. I.

³⁰ Ibid. P. II—III.

³¹ Plumpton Correspondence: a Series of Letters, Chiefly Domestic, Written in the Reigns of Edward IV, Richard III, Henry VII and Henry VIII / Ed. by Th. Stapleton. L., 1839. (Далее — Plumpton Correspondence).

крайне невелико. По несколько писем приходится на 1460, 1461 и 1462 гг. Далее — по одному документу на 1463, 1465, 1472, 1473, 1474 гг. Начиная с 1475 г. количество писем значительно возрастает. Поэтому, семейный архив Пламптонов не дает возможности в полной мере реконструировать события на Севере Англии периода 1460—1474 гг. При столь низкой сохранности писем (в частности, на 1466—1471 гг. не приходится ни одного документа) их выборка оказывается в достаточной степени случайной и позволяет воссоздать лишь крайне фрагментарную картину. Верхняя хронологическая граница «Книги Уильяма Пламптона» объясняется предельно просто — коллекция обрывается в год его смерти.

«Книга писем сэра Роберта Пламптона» значительно более обширна, она включает в себя более 240 писем, охватывающих период 1480—1520 гг. Хронологическое распределение документов в «Книге Роберта Пламптона» значительно более равномерно. Они охватывают период с вступления Роберта Пламптона в права наследования после смерти его отца — Уильяма Пламптона — и практически до смерти Роберта Пламптона (1523 г.). Если учесть, что Роберт Пламpton скончался в почтенном возрасте 70-ти лет, то его коллекция писем, вероятно, охватывает весь активный период его жизни. Наибольшее количество документов приходится на начало 80-х годов XV столетия что, по-видимому, связано с тем, что именно в эти годы Роберт Пламpton, законность прав которого долгое время оспаривалась, прилагал энергичные усилия к тому, чтобы полностью вступить в права наследования.

Обе книги содержат письма, адресованные, соответственно, Уильяму и Роберту Пламптонам. Отличительной особенностью эпистолярного комплекса Пламптонов является следующая черта — как Уильям, так и Роберт Пламpton сохраняли лишь письма, адресованные им, и не сохраняли черновики своих собственных посланий. Поэтому в обеих книгах писем мы сталкиваемся с односторонним потоком информации. В каждой из «Книг» собраны письма нескольких десятков людей, направленных к одному единственному адресату.

Огромное большинство писем из архива Пламптонов принадлежат перу джентри Нортумберленда и других графств — т.н. «друзей» Пламптонов. Данный эпистолярный комплекс предоставляет самый широкий материал по социальным отношениям в среде джентри. Весомую часть эпистолярного комплекса составляют письма от сеньора и покровителя Пламптонов — герцога Генри Нортумберленда. Этот факт, в сочетании с присутствием писем от других влиятельных лордов, делает семейный архив Пламптонов чрезвычайно ценным источником, освещающим взаимоотношения джентри и аристократии. В архиве содержатся также письма людей, находившихся под покровительством Пламптонов и называвших себя их «слугами». Часть указанной категории корреспонден-

тов Пламптонов не принадлежала к дворянскому сословию³². Это дает возможность восстановить связи семьи Пастонов с людьми, стоявшими ниже их на социальной лестнице. В общей сложности в собрание Пламптонов включены письма от более чем 50-ти корреспондентов.

В эпистолярном комплексе Пламптонов почти нет личных писем, все они касаются лишь деловых вопросов. Поэтому семейный архив Пламптонов практически не позволяет судить об отношениях внутри круга близких родственников. Документы данного эпистолярного комплекса условно можно разделить на две группы. В одну из них входят письма, касающиеся владений Пламптонов, их службы и т.п. в рамках графства Нортумберленд. К другой могут быть отнесены письма, написанные в Лондоне и касающиеся событий общенационального значения, либо же дел Пламптонов, которые могли быть улажены исключительно в столице. Необходимо отметить, что письма второй категории составляют очевидное меньшинство. Почти вся информация, содержащаяся в архиве Пламптонов, касается событий местного масштаба. Думается, это объясняется методом отбора писем. В архив попали лишь деловые письма, адресованные соответственно Уильяму и Роберту Пламптонам, а все основные интересы джентри второй половины XV столетия были сосредоточены в пределах их графства. Кроме того, достаточно тесные отношения с герцогом Нортумберленда позволяли Пламптонам получать информацию из столицы непосредственно от своего покровителя.

В тех письмах семейного архива Пламптонов, которые касаются различных аспектов жизни в Северной Англии, заметное место уделяется обсуждению политической обстановки в этом регионе. Этот вопрос так или иначе затрагивается приблизительно в каждом третьем письме архива. Соответственно, эпистолярный комплекс Пламптонов вполне позволяет пролить свет на то, какие события происходили на Севере Англии в эпоху Войн роз, и сопровождался ли конфликт «партий» Йорков и Ланкастеров обострением обстановки на местах.

§3. Эпистолярный комплекс Стоноров

Семейный архив Стоноров содержит в себе документы, относящиеся к 1290—1483 гг. Указанный эпистолярный комплекс служит источником большей части сведений о семье Стоноров, которыми мы располагаем. Первое упоминание о Стонорах относится к 1290 г., когда Ричард Стонор подарил своему сыну Ричарду и его жене Сесилии манор Биксбэнд (Bixband). Первым членом семьи Стонор, о котором известно что-то, кроме

³² Список корреспондентов Пламптонов, пользовавшихся покровительством этой семьи, содержится в приложениях.

имени, является Джон Стонор (род. до 1285—ум. после 1354 г.). История возвышения семьи Стонор во многом схожа с историей семьи Пастон, повторившей их путь в XV столетии. Джон Стонор был преуспевающим юристом, имел обширную адвокатскую практику, а вершиной его юридической карьеры явилась должность главного судьи в Суде общих тяжб. В течение жизни Джона Стонора семья не только поднялась по социальной лестнице, были также приобретены несколько маноров, в том числе манор Эрмингтон. В карьере Джона Стонора проявилась черта, характерная для всей дальнейшей истории этой семьи — ее главы почти никогда не принимали активного участия в политических катаклизмах, поэтому им удавалось избегать связанных с ними превратностей. Джон Стонор, в частности, совершенно не пострадал в ходе баронских восстаний 1310—1326 гг., он продолжал занимать должность в Суде общих тяжб и при Эдуарде II (до его смещения с престола в 1326 г.), и в период фактического правления фаворита королевы Изабеллы Французской — Роджера Мортимера (1326—1330), и при Эдуарде III³³.

Подробно проследить историю семьи и родословную Стоноров на протяжении второй половины XIV—начала XV в. в данной работе нет никакой необходимости. Родословное древо семьи представлено в приложениях. К сороковым годам XV столетия Стонорам принадлежали земли, разбросанные по всему королевству. Ядро земельных владений семьи располагалось в Оксфордшире, именно там находится манор Стонор, от которого семья получила свое родовое имя, и в котором ее потомки проживают по сей день. Владения семьи располагались также в Беркшире, Бедфордшире, Девоншире и Кенте. В середине XV столетия главой семьи был Томас Стонор (1424—1474), который вел жизнь обычного сельского джентльмена — он представлял Оксфордшир в парламентах 1447 и 1449 гг., был шерифом Оксфорда и Беркшира в 1453—1454 и в 1465—1466 гг. Томас Стонор участвовал в кампаниях 1463 и 1470 гг. на стороне Эдуарда IV, но тот факт, что сам он не пострадал во время этих катаклизмов, лучше всего свидетельствует о его, по сути, нейтральной позиции. Томас Стонор оставил трех сыновей — Уильяма, Томаса и Эдмонда. Старший из них — Уильям Стонор (1449—1494) значительно упрочил положение семьи. Он представлял Оксфордшир в парламенте 1478 г., в том же году он получил титул рыцаря Бани по случаю женитьбы Ричарда Глостера. Третий брак Уильяма Стонора, соединивший его с Анной Невиль (старшей дочерью маркиза Монтагю, брата знаменитого Создателя Королей), стал одним из высших его социальных достижений и еще более укрепил связь семьи Стонор с ее неизменным покровителем — маркизом Дорсетом. Именно эта связь заставила

³³ *Kingsford C. The Stonor Letters and Papers // Stonor Letters and Papers 1290—1483. Cambridge, 1996. P. 35—42.*

Уильяма Стонора примкнуть к восстанию Бэкингема в 1483 г., после которого семейный архив Стоноров был конфискован³⁴, также, как и его земли. Уильям Стонор принял участие в экспедиции Генриха Тюдора в Англию в 1485 г., получил свои владения обратно и вплоть до своей смерти в 1494 г. вел жизнь вполне преуспевающего дворянина³⁵.

После конфискации эпистолярный комплекс Стоноров попал в государственный архив в Тауэре. Начиная с начала XIX в. отдельные документы из коллекции Стоноров публиковались в различных изданиях. Несмотря на то, что первоначально архив Стоноров представлял единое собрание документов, в XVIII—XIX вв. он был раздроблен, и составлявшие его документы оказались в разных отделениях государственного архива. Фактически собрание документов Стоноров было воссоздано заново благодаря усилиям британского историка С. Кингсфорда. В начале XX в. он собрал сохранившиеся документы архива в единый комплекс, который издал в 1919 г. под названием «Письма и бумаги Стоноров»³⁶. Издание Кингсфорда и по сей день остается классическим. В 1996 г. собрание документов Стоноров было переиздано К. Карпентер. В это переиздание вошло несколько документов, принадлежность которых к семейному архиву Стоноров была выявлена за последние десятилетия³⁷.

Следует подчеркнуть, что, учитывая тематику исследования, нас интересует не все собрание Стоноров, а лишь та его часть, которая относится к сороковым — восьмидесятым годам XV столетия. Если ориентироваться по критериям, предложенным самим источником, то это годы, когда главой семьи были Томас Стонор (с 1431 по 1474 гг.) и его сын Уильям (с 1474 по 1483 гг.). В дальнейшем изложении будет анализироваться лишь эта часть указанной коллекции документов.

В собрании Стоноров документы, относящиеся к 1431—1483 гг. хронологически распределены достаточно неравномерно. До 1462 г. число документов крайне незначительно³⁸. Наибольшее количество документов приходится на вторую половину 1470-х—начало 1480-х гг.

Заметное большинство документов семейного архива Стоноров составляют письма, причем более девяти десятых их них — это письма, адресованные к главе семьи, в данном случае, последовательно, к Тома-

³⁴ Ibid. P. 43—61.

³⁵ Ibid. P. 62—63.

³⁶ Carpenter C. Kingsford's Stonor Letters and Papers // Ibid. P. 10.

³⁷ Stonor Letters and Papers 1290—1483. Cambridge, 1996. (Далее — Stonor Letters and Papers).

³⁸ Хронологическое распределение документов таково: по одному письму приходится на 1432, 1450, 1455, 1457, 1460, 1461 гг. На 1462г. приходится уже 7 писем, на 1463 — 4, на 1464 г — 1, на 1465 — 4; далее количество документов, приходящихся на каждый год, возрастает.

су и Уильяму Стонору. Это обстоятельство позволяет предположить, что семейный архив Стоноров формировался по преимуществу из бумаг главы семейства. Наличие писем, адресованных не только главе семьи, но и другим ее членам делает собрание Стоноров менее одноstonорным, чем архив Пламптонов.

Более детальный анализ состава эпистолярного комплекса Стоноров показывает, что письма от людей, пользовавшихся покровительством этой семьи³⁹, от джентри, с которыми семью связывали «дружеские» отношения, и от влиятельных лордов представлены в данном собрании в приблизительно равной пропорции. Сведения, содержащиеся в письмах архива Стоноров, предоставляют возможность самого широкого анализа системы социальных связей, в которую была включена данная семья.

Небольшая часть писем семейного архива Стоноров написана в рамках близких родственных отношений, они позволяют судить об отношениях внутри круга родственников первого-второго колена. Стоит отметить, что число свидетельств о внутрисемейных отношениях в архиве Стоноров сравнительно невелико.

Письма, собранные в семейном архиве Стоноров, отличает та же особенность, которая присуща эпистолярным комплексам Пастонов и Пламптонов. Их условно можно разделить на две группы — на написанные в столице и сообщающие о событиях общенационального значения, придворных новостях, поездках и словах влиятельных лордов, и на письма, посвященные вопросам местного значения, в которых подробно повествуется о земельных тяжбах, матримониальных вопросах, ведении хозяйства и т.п. Ярким примером писем первой категории являются сообщения Саймона Столворта о захвате регентства Ричардом Глостером⁴⁰, не менее ярким примером документа второй группы может служить письмо Томаса Малла к Томасу Стонору, целиком посвященное деталям земельной тяжбы⁴¹. В эпистолярном комплексе Стоноров известия из столицы и придворные новости встречаются достаточно редко. Возможно, в данном случае свою роль сыграло то обстоятельство, что расстояние между Оксфордширом и Лондоном сравнительно невелико, и новости вполне могли предаваться изустно.

Кроме писем, в состав собрания Стоноров входят ряд официальных документов, которые тот или иной глава семьи счел достойными сохранения. В качестве характерного примера можно указать на сохраненное Стонорами официальное сообщение Йоркской партии об исходе битвы при Сент-Олбансе⁴². Уникальной особенностью архива Стоноров яв-

³⁹ Список «свитских» Томаса Стонора приводится в приложениях.

⁴⁰ Stonor Letters and Papers. P. 416.

⁴¹ Ibid. P. 192.

⁴² Ibid. P. 140.

ляется наличие в нем нескольких десятков приказчиьих отчетов и хозяйственных записей. Они свидетельствуют о том, сколь много внимания и сил джентри XV столетия посвящали управлению собственными землями. В данном случае важным является сам факт наличия таких документов, однако изучение этих сторон жизни джентри не входит в задачу настоящего исследования. Вопросы функционирования хозяйства Стоноров, его экономические связи и т.п. уже были с исчерпывающей полнотой проанализированы Ю.Р. Ульяновым⁴³.

В составе семейного архива Стоноров сохранилось несколько писем, связанных с деятельностью Томаса Стонора на посту шерифа Оксфордшира⁴⁴ (напомним, что эту должность Томас Стонор занимал в 1453—54 и в 1465—66 гг.), что позволяет пролить свет на особенности функционирования местной администрации в эпоху Войн Роз.

Необходимо подчеркнуть следующий факт. В обширном эпистолярном комплексе Стоноров упоминания о политических катаклизмах второй половины XV столетия встречаются намного реже, чем в других архивах джентри. Однако кажущееся отсутствие информации вызвано вопросами сохранности и комплектования данного семейного архива. Хронологическое распределение документов в собрании Стоноров в принципе не дает возможности судить о реакции джентри Центральной Англии на события 1452—1461 и 1485—1497 гг. На период 1452—1461 гг., т.е. на 9 лет, приходится всего 4 документа, а на 1483 г. коллекция обрывается. Из данного источникового комплекса можно получить сведения лишь об одном из трех периодов обострения обстановки — о короткой реставрации Ланкастеров в 1470—1471 гг. Утрата документов, относящихся к периодам наивысшего обострения конфликта, существенным образом затрудняет возможность реконструкции динамики развития политической ситуации в Центральной Англии в эпоху Войн Роз.

§4. Нарратив Роберта Пилкингтона

Как уже было сказано выше, семейные архивы Пастонов, Стоноров и Пламптонов достаточно давно введены в научный оборот. При анализе данных комплексов источников крайне трудно избежать давления предыдущих интерпретаций. В идеале выводы, полученные на основании

⁴³ См. Ульянов Ю.Р. Новая вотчина в Англии в XIV—XV вв. // *Аграрная история эпохи феодализма*. Ижевск, 1982. С. 28—43; *Он же*. Образование и эволюция структуры манора Стонор в XIV—XV вв. // *Средние века*. М., 1971, 1972. Вып. 34—35; *Он же*. Рост нового дворянства в Англии в XV в. // *Из истории средневековой Европы (X—XVIII вв.)*. М., 1957. С. 131—151; *Он же*. Экономическое развитие манора Стонор в XIV—XV вв. // *Средние века*. М., 1986, 1987. Вып. 49—50.

⁴⁴ Письма 78, 80, 81 и др.

эпистолярных комплексов указанных семей джентри, необходимо проверить данными какого-либо другого источника или источников сходного характера. В ходе библиографических поисков автору удалось обнаружить нарратив Роберта Пилкингтона (Robert Pilkington). В нем Р. Пилкингтон описывает борьбу за манор Меллор в Дербишире (Mellor in Derbyshire), развернувшуюся между его семьей и семьей Эйнсворт (Aynesworths) в царствования Эдуарда IV и Генриха VII, (приблизительно в 1477—1501 гг.).

Упомянутый нарратив бесспорно относится к источникам личного происхождения, что касается точного определения его видовой принадлежности, то здесь исследователь сталкивается с определенными трудностями. Неслучайно, в собрании документов из частных коллекций, где опубликован этот источник, он характеризуется следующим образом: «Среди документов, написанных на бумаге, старейшим является весьма курьезный рассказ некоего Роберта Пилкингтона о борьбе... за земли Меллор...»⁴⁵.

Тот факт, что в своем рассказе Роберт Пилкингтон попытался по возможности связно изложить перипетии, связанные с борьбой за манор Меллор, непосредственным участником которой он был на протяжении почти 25 лет, позволяет предположить, что данный источник близок к мемуарам. Тем не менее, от мемуаров указанный нарратив отличают два узловых момента. Прежде всего, это цель создания документа. Р. Пилкингтон не уточняет, почему он счел необходимым запечатлеть на бумаге все подробности означенного соперничества. Из содержания же нарратива вытекает, что он взялся за перо для того, чтобы помочь своим наследникам выиграть затянувшийся спор за манор Меллор, напомнив им соответствующий фактический материал. Не случайно Р. Пилкингтон особенно подробно описывает те случаи, когда Эйнсворты пытались реализовать свои претензии на спорное владение незаконными методами. Иными словами, рассказ Р. Пилкингтона писался с сугубо практической целью.

От мемуаров данный источник отличает и то, что личность автора в нем ощущается достаточно слабо. Стиль подачи материала в нарративе Р. Пилкингтона весьма напоминает хроники. Изложение хотя и ведется с позиции «партии» Пилкингтонов, но носит подчеркнуто отстраненный характер. В написанном от третьего лица рассказе о борьбе за манор Меллор действия участников конфликта не описываются, а скорее излагаются, сухо и неэмоционально. Таким образом, точно определить видовую принадлежность нарратива Р. Пилкингтона вряд ли возможно. Думается, в данном случае имеет смысл ограничиться отнесением данного источника к типу источников личного происхождения.

⁴⁵ Macray W.D. Introduction // Report on Manuscripts in Various Collections. L., 1903. Vol. II. P. VI.

Нарратив Роберта Пилкингтона дошел до нас в составе коллекции документов, собранной сэром Джорджем Вомбвеллом (sir George Wombewell) из Йоркшира. Упомянутая коллекция включает в себя документы преимущественно XVI—XVII столетий, ранее принадлежавшие семьям Беласис (Belasyse), Факонберг (Faukonberg), Фейрфакс (Fairfax). Коллекция сэра Вомбвелла, в свою очередь, опубликована в собрании манускриптов из частных коллекций⁴⁶. Само по себе нахождение документа, относящегося к эпохе Войн Роз, среди многотомного собрания разрозненных бумаг из частных архивов XVI—XVII вв. делает его обнаружение исследователями событием во многом случайным.

Предисловие, которым снабжено указанное издание манускрипта, крайне незначительно по объему и представляет собой преимущественно пересказ содержания самого нарратива. В нарративе Роберта Пилкингтона история его семьи практически не упоминается, поэтому в данном исследовании можно привести лишь самые сжатые данные по этому вопросу.

Как Пилкингтоны, так и Эйнсворты по своему социальному статусу принадлежали к джентри⁴⁷. Пилкингтоны были представителями старинного дворянского рода Ланкашира, получившего свое название от имени — деревни Пилкингтон, расположенной к северу от Манчестера. Эйнсворты также принадлежали к древнему дворянскому роду. Эти семьи находились между собой в родстве по женской линии. Степень этого родства отобразена в приложениях. Никаких дополнительных сведений, касающихся происхождения и истории этих семей из данного издания извлечь не удалось.

Нарратив Роберта Пилкингтона в оригинале представляет собой рукописную книгу, написанную на пергамене и законченную не ранее 1501 г. Несколько верхних строк каждой страницы смыто водой, но смысл этих утраченных фрагментов более-менее ясен из предшествующих и последующих абзацев⁴⁸.

Очевидно, что отраженная в книге Роберта Пилкингтона картина противостояния семей джентри является в высшей степени субъективной, поскольку представляет собой фиксацию взглядов одной из спорящих сторон. Необходимо подчеркнуть, что сама субъективность изложения материала в данном случае является достоинством, ведь именно заинтересованное изображение событий существенно облегчает реконструкцию субъективного мировосприятия джентри как социальной группы.

⁴⁶ Report on Manuscripts in Various Collections in III volumes / Ed. by W.D. Macray. L., 1901—1904.

⁴⁷ Macray W.D. Introduction ... P. VI.

⁴⁸ Narrative of Robert Pylkington // Report on Manuscripts in Various Collections... Vol. II. P. 28. (Далее — Narrative of Robert Pylkington).

Если эпистолярные комплексы Пастонов, Стоноров и Пламптонов представляют собой обширные коллекции документов, фиксирующие восприятие реальности второй половины XV в. достаточно широкой группой лиц, то нарратив Роберта Пилкингтона отражает историю лишь одной земельной тяжбы, отображенной в нем глазами главы одной из враждующих сторон. Нарратив Роберта Пилкингтона предоставляет возможность на примере развития конкретного земельного конфликта проследить особенности, присущие земельным спорам джентри Севера Англии. Такое обобщение в данном случае представляется вполне уместным. Необходимо помнить, что Пилкингтоны и Эйнсворты, как и другие семейства джентри, были вписаны в сложную систему социальных связей, поэтому на практике в их конфликт оказались втянуты не только члены указанных фамилий. В ходе борьбы за манор Меллор Пилкингтоны прибегали к покровительству лорда Стенли, герцога Дерби, а Эйнсворты пользовались поддержкой епископа Рочестера, Лондона и Йорка — Томаса Сэведжа (Thomas Savage). Упомянутое соперничество длилось десятилетиями, в течение этого времени то одна, то другая сторона, при поддержке своих сторонников из числа джентри, удерживала фактическое владение спорными землями, собирая ренту с держателей. В борьбе за обладание манором Меллор враждующие стороны с одинаковым успехом использовали как легальные методы (судебные тяжбы и прочее), так и угон скота, угрозы, взятие в плен и даже попытки убийства⁴⁹.

Нарратив Роберта Пилкингтона отличает четкое следование поставленной задаче — его автор скрупулезно повествует обо всех деталях земельной тяжбы, не отвлекаясь на описание каких-либо посторонних событий. В документе содержится несколько упоминаний о выступлениях йоркистов в царствование Генриха VII. Тем не менее, эти отступления не только редки, но и делаются в совершенно определенном контексте — тогда, когда подавление восстаний мешало Генриху VII и его сановникам уделить достаточное внимание тяжбе Пилкингтонов и Эйнсвортов. Достаточно типичной является следующая реакция на беспорядки: говоря о событиях 1497 г. Роберт Пилкингтон сообщает, что рассмотрение его дела в Лондоне королем было отложено, потому что «король был озабочен восстанием»⁵⁰. Столь скупая реакция в данном случае, думается, была обусловлена целью, которую преследовал Роберт Пилкингтон в своем сочинении — запечатлеть все детали борьбы за манор. По-видимому, данный нарратив не содержит сведений, которые сделали бы возможным воссоздание реакции джентри на политические катаклизмы второй половины XV столетия.

⁴⁹ Macray W.D. Op. cit. P. VI—VII.

⁵⁰ Narrative of Robert Pylkington. P. 40.

Итак, книга Роберта Пилкингтона не только дает возможность выявить особенности протекания затяжных земельных конфликтов на Севере Англии, она позволяет взглянуть на эти конфликты изнутри, глазами их участников. Поэтому, несмотря на незначительный объем нарратива Пилкингтона, он оказывается исключительно информативным источником. Он не только позволяет еще раз проверить выводы, сделанные на материале семейных архивов джентри, но и дает возможность более глубокого анализа роли земельных конфликтов в жизни указанной социальной группы.

«Страна» как основной элемент мировосприятия джентри

Известно, что восприятие социальных реалий какой-либо группой может значительно отличаться от реального устройства общества. Своеобразие этого взгляда зависит от многих причин: многочисленности группы, степени ее сплоченности, взаимоотношений с другими стратами, места на социальной лестнице и т.д.

Одним из самых существенных факторов менталитета джентри XV в. была локальность сознания. Исследователи проблемы подчеркивают, что практически все жизненные интересы этой социальной группы были сосредоточены в том графстве, в котором находились их земли⁵¹.

В настоящее время в англоязычной историографии широко обсуждается проблема так называемого “country community” — что оно собой представляло, насколько влияло на жизнь джентри и, наконец, целесообразно ли вообще изучать сообщества джентри в рамках «их страны»⁵². Попытаемся ответить на эти вопросы с использованием эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов.

Прежде всего, необходимо подчеркнуть, что используемый в данном случае вариант русского перевода термина “country” — «страна» является условным. Упомянутый термин может переводиться на русский язык и как «родина», «деревня», «округа», «графство». Однако исследование данных эпистолярных комплексов Стоноров, Пастонов и Пламптонов показало, что в словаре джентри второй половины XV в. слово “country” имело смысл, который не соответствует ни значению этого слова в английском языке конца XX—начала XXI в., ни содержанию любого из возможных вариантов его русского перевода. Соответственно, точный перевод упомянутого термина невозможен. Думается, русское слово «страна» более всего приближается к пониманию ука-

⁵¹ Robertson M. L. “Sires, Remember We Are Neyghboures...” ... P. 114.

⁵² Carpenter C. Gentry and Community in Medieval England... P. 340—381.

занного термина, поскольку: во-первых, акцентирует внимание на внутренней сплоченности региональных сообществ джентри, и во-вторых, не несет столь мощной семантической нагрузки как понятия «родина», «деревня» или «графство». Попробуем очертить границы смыслового поля этого термина.

Следует заметить, что термин «наша страна» — “our country”⁵³ — в эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов и встречается, как правило, не один раз даже в самом коротком письме. Это обстоятельство лучше других свидетельствует о том, насколько большое значение «страна» играла в жизни джентри XV в.

Географические рамки «страны джентри» совпадали с границами графства. Например, в прокламации герцога Норфолка, адресованной жителям одноименного графства, понятия «наша страна» (в данном случае имеется в виду «страна Норфолк») и «графство» (earldom) употребляются практически как синонимы. Их смысловое отличие состояло в том, что «страной» эта территория называлась при обращении герцога к общественному мнению, а «графством» — при упоминании владельческих прав герцога Норфолка⁵⁴.

Пытаемся выяснить, как джентри воспринимали свой «мир». Прежде всего, «страна» представляла собой единое и относительно замкнутое информационное пространство, в котором на собственном диалекте циркулировала информация, имеющая лишь локальное значение, то есть слухи о рождениях, смертях, помолвках и т.п. Неслучайно, при передаче любой местной информации в письмах Пастонов, Стоноров и Пламптонов встречаются фразы вроде следующей: «В нашей стране говорят, что...»⁵⁵.

Любопытно, что в письмах из Лондона, как правило, упоминается о том, где находится и что делает король и самые влиятельные лорды; в посланиях, составленных в графствах, в свою очередь, рассказывает, в каком имении в данный момент проживает и чем занимается тот или иной знакомый дворянин⁵⁶/ Соответственно, местные новости для джентри имели почти такое же значение, как информация о местопребывании и действиях первых лиц государства.

Стоит отметить, что термин “country” представители провинциального дворянства употребляли в одной и той же форме для обозначения и территории графства, и его обитателей. Например, Клемент Пастон писал Джону Пастону старшему: «Страна всегда готова при-

⁵³ The Paston Letters. Vol. I. P. 9.

⁵⁴ Ibid. P. 62.

⁵⁵ Ibid. P. 14.

⁵⁶ В качестве примера можно указать в частности, на письма 9, 12 и другие из архива Пламптонов, на письма 82, 127 из архива Стоноров и т.д.

йти и пешими, и конными, как только за ними пошлют»⁵⁷. На современный русский язык эту несколько корявую фразу можно перевести так — «все, кто живет в стране, явятся по первому зову в пешем и конном строю». Фактически, термин “country” для джентри эпохи Войн Роз включал в себя не только земли графства, но и живущих на них людей.

Попробуем чуть более подробно рассмотреть второй — социальный — компонент понятия «страна». Думается, в данном случае полезно будет проанализировать контекст употребления слова «страна», а также часто встречающегося в эпистолярных комплексах Стоноров, Пастонов и Пламптонов словосочетания «вся страна» в его социальном смысле. Результаты этого анализа таковы. Если в письмах джентри речь идет о «стране» в ее «человеческом» измерении, дальнейшее перечисление, как правило, включает более или менее обширный список имен джентри.

В качестве наглядного примера можно привести письмо Ричарда Бингхама к Уильяму Плампону. В нем, в частности, сказано: «Если и вы поступите так же, то мы, к облегчению Вашему и всей остальной страны (в данном случае имеется в виду — к облегчению остальных жителей графства), возьмем это дело на себя»⁵⁸.

Далее в письме перечислено пять фамилий, чьи обладатели принадлежали именно к той группе, которую современные историки обозначают термином джентри. Если же в письмах, принадлежащих перу представителей провинциального дворянства, говорится о лицах из других социальных страт, то к их имени прибавляются дополнения вроде следующих: «свитский такого-то», «держатель такого-то», или, наконец, «господин такого-то»⁵⁹. Соответственно, употребляя словосочетание «вся страна (все люди страны)» джентри XV столетия имели в виду, прежде всего, других джентри того же графства.

Таким образом, семантические границы термина «страна» для провинциального дворянства эпохи Войн Роз были очерчены достаточно четко. Пространственный компонент термина замыкался рамками графства, а социальный ограничивался сообществом джентри.

Сплоченность джентри была тем сильнее, что все дворяне графства знали друг друга в лицо, а родословная соседа и детали его биографии были известны им почти также хорошо, как собственные.

⁵⁷ “The country is always ready to come, both footmen and horsemen, as soon as they will be send for” // The Paston Letters. Vol. I. P. 158.

⁵⁸ “And if ye will do the same, we for the ease of you both and the rest of the country will take the matter upon us” // Plumpton Correspondence. P. 4.

⁵⁹ The Paston Letters. P. 12, 14, 18, 24, 27, 31, 32, 34; Plumpton Correspondence. P. 3, 7, 8, 11, 13, 15, 18, 24.

Внутреннему единству «страны» в немалой степени содействовало то, что обратная связь с центральной властью осуществлялась через двух депутатов в Палате Общин. Эти депутаты с 1430 г. выбирались на общем собрании всех свободных землевладельцев, постоянно проживавших на территории графства и обладавших годовым доходом более чем в 40 шиллингов⁶⁰. Для того, чтобы стать одним из двух «рыцарей графства» с 1445 г. рыцарский титул был необязателен. Вполне достаточно было быть сквайром и джентльменом по рождению и иметь владения на территории своего «избирательного округа»⁶¹. Помимо вышеприведенной письменной нормы существовало и неписаное правило, гласившее, что депутату необходимо не просто владеть манором в графстве, но и постоянно проживать на его территории. Так, попытка герцогов Йорка и Норфолка провести в депутаты от Норфолка человека, не живущего там постоянно, вызвала следующую реакцию джентри графства: «Это поистине дьявольский прецедент для нашего графства, и то, что мои лорды Йорк и Норфолк поддерживают этого человека, не делает им чести»⁶². Следует заметить, что попытка эта окончилась неудачно — ставленник упомянутых влиятельных господ потерпел поражение на выборах⁶³.

Британские исследователи показали, что депутатами от графств, как правило, становились джентри, от них же, в большинстве случаев, зависел и исход выборов⁶⁴. Неслучайно, многие письма в семейном архиве Пастонов содержат недвусмысленные пожелания герцога Норфолка, касающиеся исхода выборов в Палату Общин, обеспечить который предписывалось Пастонам и другим дворянам графства⁶⁵.

По мнению джентри, основная задача депутатов от графства состояла в том, чтобы, не стесняясь в средствах, отстаивать в Лондоне интересы своих соотечественников. Лучшей иллюстрацией может служить следующая фраза из письма Маргарет Пастон Джону Пастону: «у тебя есть множество прошений бедных людей... они живут надеждой, что ты сможешь помочь им найти способ улучшить жизнь в нашей стране»⁶⁶.

Депутаты Палаты Общин были не просто представителями провинциального дворянства. Во время пребывания в Лондоне они фактически отождествлялись со всей «страной». Так, одному из депутатов — Джону Пастону — довелось получить письмо, в котором говорилось:

⁶⁰ Roskell J.S. *Parliament and Politics in Late Medieval England...* Vol. I. P. 101.

⁶¹ Ibid. P. 102.

⁶² The Paston Letters. Vol. I. P. 106.

⁶³ Ibid. P. 115.

⁶⁴ Lapsley G. *Crown, Community and Parliament in the Later Middle Ages: Studies in English Constitutional History*. Oxford, 1951. P. 171.

⁶⁵ The Paston Letters. Vol. I. № 49, 52.

⁶⁶ Ibid. P. 152.

«Люди здесь очень боятся, что им причинят вред... они говорят, что точно знают, что у вас не все хорошо, а если с вами не все в порядке, то, они говорят, что они точно знают, что все, что плохо для вас — плохо и для них, и это почти свело их с ума»⁶⁷.

Сами джентри осознавали интересы «своей страны», в особенности своих непосредственных соседей, как тесно связанные. Так, например, в переписке Пламптонов нередко фразы вроде следующей: «Если в это дело включатся все его соседи, то, мы считаем, «страна» (в данном случае речь идет об общественном мнении, то есть о мнении джентри) будет на его стороне»⁶⁸. Соответственно, одной из основных характеристик сообщества джентри была его внутренняя сплоченность, то есть осознание его членами своей принадлежности к четко определенной социальной группе. Лучшим доказательством этого утверждения является то обстоятельство, что даже длительное пребывание в другом графстве не вносило изменений в самоидентификацию джентри. В частности, Джон Пастон-младший на третьем году вызванного конфликтом с отцом пребывания в другом графстве, говоря о Норфолке, употреблял словосочетание “our country”, а применительно к месту своего нынешнего пребывания — “this country”⁶⁹.

Еще одним моментом, обособлявшим графства друг от друга и, одновременно, укреплявшим их внутренне единство, было то, что их жители говорили на разных диалектах. Это обстоятельство констатировал, в частности, отец английского книгопечатания Кэксон. В прологе к собственному переводу «Энеиды» Вергилия он писал, что: «тот народный язык, на котором говорят в одном графстве, сильно отличается от языка другого графства»⁷⁰.

Анализ семантического наполнения термина «наша страна» в эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов позволяет занять определенную позицию в споре о возможности изучения джентри в рамках “country community”. Автор полагает, что такое изучение является одним из наиболее продуктивных способов анализа истории провинциального дворянства XV в., поскольку понятие «страны» было одним из основополагающих компонентов мировосприятия членов данной социальной группы.

⁶⁷ Ibid. P. 206.

⁶⁸ “If the matter could be tryed by all his neighbours, we deem the country should be found of his appeal” // Plumpton Correspondence. P. 24.

⁶⁹ The Paston Letters. Vol. I. P. 123.

⁷⁰ Цит. по: Тревельян Д.М. Социальная история Англии... С. 103.

Место и роль семьи в социальных связях джентри

Самым маленьким, но в то же время самым важным и сплоченным элементом социального «мира» джентри второй половины XV в. была семья. Важно отметить, что значение слова «семья» в словаре джентри XV в. не совпадало с тем смыслом, которое вкладывается в это понятие в современном английском, и тем более русском языке.

Джентри XV в. использовали два термина: “family” (обычно переводится как «семья») и “kin” (традиционно переводится как «род»); они употреблялись как взаимозаменяемые, причем слово “kin” встречается в источниках несравненно чаще. Следует отметить, что применительно к истории XV в. указанные переводы не отражают исторической реальности. Попробуем прояснить семантические границы терминов “family” и “kin” в языке джентри эпохи Войн Роз.

Анализ контекста употребления вышеуказанных терминов позволяет нарисовать следующий условный портрет родственника в обобщенном смысле. Это человек, которого связывает с членами «семьи» кровное родство или же свойство до пятого-шестого колена. Родственники уважительно относятся друг к другу и оберегают честь семьи. Так, Епископ Нориджа, уговаривая Марджери Пастон отказаться от идеи выйти замуж за купца Ричарда Кале, в качестве основного аргумента использовал следующий — ей следует заботиться о чести семьи и уважать требования своих родственников и их положение в обществе⁷¹.

Родственники оказывают друг другу денежную, юридическую и военную поддержку. В частности, кузен Уильяма Стонора — сэр Ричард Харкорт (Harcourt) неоднократно одалживал ему деньги⁷². Другой кузен Уильяма Стонора — Томас Рамсей (Ramsey) выступал посредником в земельной тяжбе между Уильямом Стонором и Гарри Догетом (Doget)⁷³. Кузен Джона Пастона — Джон Хевенингхэм (Heveningham) в 1461 г. просил Джона Пастона прислать нескольких солдат, которые помогли бы ему оборонять его владения⁷⁴.

Родственники в идеале имеют общие земельные интересы. Пламптоны, Стоноры и Пастоны как правило помогали друг другу в разрешении земельных конфликтов. В качестве наиболее наглядного примера можно привести борьбу Пастонов за замок Кайстер. В то время как два младших брата главы семьи и его мать находились в указанном замке,

⁷¹ The Paston Letters. Vol. II. P. 76.

⁷² Stonor Letters and Papers. P. 238, 221.

⁷³ Ibid. P. 238.

⁷⁴ The Paston Letters. Vol. I. P. 200.

осажденном отрядом герцога Норфолка, сэр Джон Пастон хлопотал о разрешении конфликта перед королем Эдуардом IV⁷⁵.

Если кому-то из родственников удалось добиться благосклонности влиятельного лорда, то его покровительством зачастую пользовались все члены семьи. В частности, лорд Эссекс был «добрым лордом» не только для Томаса Стонора, но и для мужа его сестры⁷⁶.

Данные эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов, а также нарратива Р. Пилкингтона, не дают возможности судить о том, насколько важной для родственников была моральная поддержка. Сам характер имеющихся в нашем распоряжении источников, во многом близких к официальным документам, не позволяет обратиться к ним для извлечения сведений такого рода.

В целом, можно выделить три «круга» родственных отношений, каждый из которых обозначался взаимозаменяемыми терминами “family” или же “kin”. Рассмотрим последовательно каждый из этих кругов.

Прежде чем мы перейдем к анализу данных эпистолярных комплексов джентри, необходимо отметить, что среди англоязычных историков не существует единого мнения относительно размеров и структуры семьи джентри XV столетия. В частности, Л. Стоун высказывается в пользу гипотезы о господстве в среде джентри эпохи Войн Роз большой семьи, включавшей в себя всех родственников⁷⁷. В то же время Р. Хоубрук полагает, что уже во второй половине XV в. основную роль играла малая семья, состоявшая из супружеской пары и ее детей⁷⁸. Думается, исследование данных эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов может дать некоторый материал для решения указанной проблемы.

К самому тесному из родственных объединений принадлежали потомки до второго колена одной супружеской пары. Так, большинство писем из семейного архива Пастонов написано в рамках именно этих взаимоотношений. В дальнейшем мы будем обозначать этот круг родственников самым близким из употребляемых в литературе терминов — «малая семья». Выделение малой семьи в отдельный объект анализа представляется возможным в силу того, что отношения ее членов были значительно более интенсивными, чем контакты с более дальними родственниками. В частности, в рамках малой семьи всемерная поддержка считалась не только нормальной, но и необходимой, а отсутствие таковой вызывало общественное осуждение. Например, Маргарет Пастон писала своему старшему сыну: «Никто из нас не может помочь друг другу к вящему удовольствию наших врагов... Кроме того, люди го-

⁷⁵ Ibid. Vol. II. P. 19.

⁷⁶ Stonor Letters and Papers. P. 191.

⁷⁷ Stone L. Family, Sex, and Marriage in England... P. 85.

⁷⁸ Houbrooke R. The English Family 1450—1700... P. 231.

ворят, что я так сильно разошлась с тобой, что ни я сама, ни мои друзья не будут помогать тебе, в чем нет чести; и это заставляет людей хуже думать о нас»⁷⁹. Зачастую малая семья проживала под одной крышей (именно так поступали Пастоны, Пламптоны, Стоноры и большинство их соседей). Кроме того, лишь члены малой семьи в эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Плаптонов пишут о том, что испытывают друг к другу родственную любовь⁸⁰. Напомним, что обнаружение содержания писем в среде джентри было скорее правилом, чем исключением, поэтому сам факт упоминания эмоциональной привязанности свидетельствует — джентри считали наличие упомянутых родственных чувств не только приличным, но и необходимым.

Главой малой семьи был старший из мужчин, который мог отдавать приказания другим ее членам хотя бы потому, что ему принадлежала большая часть семейного имущества. Так, в одном из составленных в Лондоне писем Джон Пастон-старший, давая детальнейшие указания по поводу ведения хозяйства в его манорах, замечает, что, когда придет домой, то «не примет никаких извинений», если что-либо будет сделано не так, как он говорит⁸¹.

После смерти отца его главенствующее положение переходило к старшему сыну. Наиболее наглядно этот переход можно проследить в отношениях Джона Пастона-младшего и других членов семьи Пастон. При жизни отца Джон занимал явно подчиненное положение, вплоть до того, что после ссоры отец запретил ему показываться в семейных владениях⁸². Но после его смерти, Джон Пастон-младший уже отдает распоряжения остальным членам семьи, за исключением матери⁸³. Точно так же письма Уильяма Стонора к его отцу Томасу Стонору написаны в исключительно почтительном тоне. В частности, достаточно характерным является следующее начало письма: «Мой дорогой, достопочтенный, добрый отец, я вверяю себя Вашей родительской благосклонности и прошу дать мне Ваше ежедневное благословение»⁸⁴.

Вопрос о главенстве в семье бывал не совсем решен, если жена переживала своего мужа, и наследство получали ее дети (чаще всего старший сын). Сыновняя почтительность обязывала нового главу семьи прислушиваться к мнению матери, которую он должен был уважать. Неслучайно, большинство писем детей к матери начинается с просьбы дать им благословение «ее и Божье», а письма матери к детям обыч-

⁷⁹ The Paston Letters. Vol. I. P. 101.

⁸⁰ Ibid. P. 32, 46, 128.

⁸¹ Ibid. P. 247.

⁸² Ibid. Vol. II. P. 15.

⁸³ Ibid. P. 159.

⁸⁴ Stonor Letters and Papers. P. 213.

но начинаются словами: «Я горячо тебя приветствую и посылаю тебе благословение мое и Божье»⁸⁵. Сыновняя почтительность считалась, по-видимому, одним из правил приличия, и нарушение ее могло неблагоприятно отразиться на репутации всей семьи. В то же время, положение старшего сына во внутрисемейной иерархии после смерти отца теперь было выше, нежели статус матери.

По всей видимости, в такой ситуации все зависело от характеров конкретных людей, их отношения друг к другу, наконец, от того, насколько большими были личные владения вдовы. Семья Пастонов предоставляет нам уникальный пример — после смерти мужа Маргарет Пастон стала главой клана, настоящим матриархом. Это вполне объяснимо, если учесть, что Маргарет была женщиной с исключительно сильным характером, а ее старший сын вырос робким и нерешительным. К тому же, Маргарет была весьма обеспеченной дамой. Она виртуозно манипулировала сыновьями и при малейшем неповиновении угрожала лишить их не только «своего материнского благословения», но и наследства⁸⁶. Не удивительно, что номинально считавшийся главой семьи Джон Пастон-младший писал матери: «Ваше приказание заставит меня сделать то, что не в силах будут заставить меня сделать ни моя жена, ни друзья»⁸⁷.

Семейный архив Пастонов — самый богатый из находящихся в нашем распоряжении — дает возможность проанализировать статус супруги. В вышеприведенной цитате Джон Пастон-младший упоминает о том, что к мнению жены он прислушивался значительно меньше, нежели к мнению матери. Однако, на момент написания этого письма Джон Пастон был женат лишь чуть больше года. В данном случае возможно проследить, как с течением времени менялась степень участия супруги в семейных делах.

В первые пару лет после свадьбы жены писали мужьям о здоровье, погоде, общих знакомых и тому подобных незначущих вещах. Так поступала и Маргарет Пастон⁸⁸ и жены трех ее сыновей⁸⁹. Со временем содержание писем заметно менялось. Особенно хорошо эта тенденция прослеживается в письмах супруги главы семейства, которой в отсутствие мужа приходилось выполнять его обязанности — в первую очередь управлять семейными владениями. В том случае, если женщина оставалась вдовой, она уже совершенно свободно могла распоряжаться собственным имуществом и командовать детьми, за исключением разве что старшего сына, но и он должен был относиться к ней с сыновней почтительностью. Тем не менее, положение женщины изначально мыслилось как несамостоятель-

⁸⁵ The Paston Letters. Vol. II. P. 45.

⁸⁶ Ibid. P. 158.

⁸⁷ Ibid. P. 228.

⁸⁸ Ibid. Vol. I. P. 5.

⁸⁹ Ibid. Vol. II. P. 206.

ное. Примером этому может служить хотя бы высказывание леди Морлей, написавшей Маргарет Пастон — «поскольку я всего лишь женщина, то должна поступать так, как мне велит мой совет»⁹⁰.

Итак, какова же была внутрисемейная иерархия? В порядке убывания авторитета схема выглядит приблизительно следующим образом: глава семьи (старший из мужчин главной ветви), его мать, его жена, его братья (в порядке старшинства) с семьями, его незамужние сестры и, наконец, его дети в порядке старшинства.

Следует отметить следующий любопытный факт. То, что младшие члены семьи пользовались финансовой поддержкой старших, было само собой разумеющимся. В частности, дети Маргарет Пастон, за исключением старшего сына, не раз писали ей с просьбой прислать денег. Нередко они даже отчитывались, на что именно собираются их потратить. В качестве наиболее яркого примера можно привести письмо Вальтера Пастона к матери, в котором содержится исчерпывающий перечень необходимых ему вещей с указанием их предполагаемой стоимости, завершающийся просьбой к матери прислать ему эти деньги⁹¹. Если же главе семьи требовалось получить деньги, они давались исключительно в форме займа⁹².

Обязанности главы малой семьи состояли, прежде всего, в защите ее интересов. Если отношения с непосредственным сеньором были натянутыми, как у Пастонов, то главе семьи было жизненно необходимо самому устраивать семейные дела в столице. Например, Джон Пастон-старший очень часто навещался в Лондон даже в то время, когда не был депутатом Палаты Общин. После его смерти в столицу отправляется его наследник, а когда и он скончался, его место занял младший брат⁹³. Если же малая семья была прочно вписана в систему иерархических объединений внутри дворянского сословия, их интересы отстаивал глава «партии», соответственно необходимости присутствия при дворе главы семьи не возникало. Так, Пламптоны и Стоноры могли всегда рассчитывать на поддержку, соответственно, герцога Нортумберленда⁹⁴ и Джорджа Невиля, епископа Йоркского⁹⁵. О «партиях» речь пойдет ниже, но уже сейчас необходимо заметить, что конфликт, разделивший Пастонов и их сеньора — герцога Норфолка — ставит эту семью в исключительное положение, Именно в этом отношении семья Пастонов была действительно нетипичной для среды джентри эпохи Войн Роз.

⁹⁰ Ibid. Vol. I. P. 14.

⁹¹ Ibid. P. 56.

⁹² Ibid. P. 227.

⁹³ Ibid. Vol. II. P. 203.

⁹⁴ Plumpton Correspondence. P. 40.

⁹⁵ Stonor Letters and Papers. P. 51.

Как отмечает Дж. Розенталь, для джентри отношения внутри семьи не были частным делом, мораль регламентировала их не менее жестко, чем индивидуальное поведение⁹⁶. Такой контроль было тем легче осуществить, что в замкнутом информационном пространстве графства дела семейные были известны всей округе лишь немногим хуже, чем самим членам семьи. Так, в октябре 1461 г. весь Норфолк обсуждал рождение незаконнорожденного ребенка у жены Хейдона (Heydon's wife). Маргарет Пастон сообщила своему мужу в Лондон не только о самом факте, но и передала две дошедшие до нее версии разговора, состоявшегося по этому поводу между супругами Хейдон, не забыв упомянуть о том, какая из них кажется ей более правдоподобной⁹⁷. В данном случае мнение Р. Хоубрука о практически полной свободе дворянина XV в. внутри семьи⁹⁸ не подтверждается материалами семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов, так же как и позиция Л. Стоуна, отстаивающего существование диктаторского контроля общества за матримониальным поведением, который делал дворянина XV в. «узником создавшейся системы»⁹⁹.

Перейдем от малой семьи к большой. Следующим по интенсивности отношений был круг родственников до третьего-четвертого колена, включавший в себя многочисленных кузенов, кузин, дядей и племянников. Степень близости указанного круга приблизительно соответствовала той помощи, которую оказывали друг другу члены «дружеских союзов» (о них речь пойдет ниже). Родственники в третьей-четвертой степени поддерживали друг друга в случае судебного разбирательства (личным присутствием или ходатайством)¹⁰⁰; ссужали друг друга деньгами¹⁰¹; вступали по поручению друг друга в права вла-

⁹⁶ Rosenthal J. *Patriarchy and Families of Privilege in Fifteenth-Century England*. Philadelphia, 1991. P. 252.

⁹⁷ The Paston Letters. Vol. I. P. 161.

⁹⁸ Houbrooke R. *The English Family 1450—1700...* P. 232.

⁹⁹ Stone L. *Family, Sex, and Marriage in England...* P. 88.

¹⁰⁰ Например, кузина Джона Пастона — Алиса Огарт (Ogard) — во время судебного разбирательства, затрагивавшего ее земельные интересы, обратилась к Джону Пастону с просьбой приехать к ней и «присоединиться к ее совету», чтобы помочь ей выиграть дело. The Paston Letters. Vol. I. P. 116.

¹⁰¹ Материалы имеющихся в нашем распоряжении источников позволяют установить, что денежные займы между родственниками были в среде джентри XV в. вполне обычным делом. Денежным расчетам родственников посвящена весомая часть писем архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов. В частности, дядя Уильяма Стонора Уильям Харлстон (Harleston) посвятил значительную часть адресованному племяннику письма заверениям, что он вернет долг в С марок «как сможет скорее... но в любом случае не позже 26 января». См.: Stonor Letters and Papers. P. 354.

дения землями¹⁰² и даже временно управляли означенными манорами в отсутствие владельца¹⁰³; а также перепродавали друг другу должности, если по какой-либо причине оказывались не в состоянии занять их сами¹⁰⁴. В случае потери кем-либо из родственников своих земельных владений остальные члены семьи в складчину могли купить ему новые земли¹⁰⁵.

Наконец, существовал круг еще более дальних родственников, в эпистолярных комплексах джентри XV в. обозначаемых термином "one man of my kin"¹⁰⁶. В данном случае важна сама семантическая конструкция, которую на русский язык можно перевести как «один из моих родственников», что несет в себе некоторую долю отстранения. В языке джентри XV в. указанное словосочетание употреблялось лишь по отношению к дальним родственникам, от которых не ждали никакой существенной помощи.

Употребление одних и тех же слов для обозначения всех категорий родственников в языке джентри XV в. позволяет предположить, что у этой социальной группы существовал некий идеал родственника, обобщенными чертами которого были: всемерная поддержка членов своей семьи, соблюдение общих земельных интересов, отсутствие конфликтов с другими родственниками, уважительное к ним отношение, и, наконец, забота о семейной чести. По отношению к этому идеалу члены семьи оценивались как родственники в большем или меньшем смысле слова. Этот широкий круг родственников состоял из отдельных малых семей, члены которых были связаны не только более тесными материальными отношениями и частым проживанием под одной крышей, но и считавшимся необходимым наличием родственных чувств.

¹⁰²В качестве наиболее характерного примера можно привести следующую фразу из письма Джона Пастона-младшего, адресованного его матери. «Также, матушка, я прошу, чтобы мой брат Эдмонд поехал в Мерлингфорд, Окснед, Пастон, Кромнер и Кайстер и вступил во владение всеми этими землями от моего имени» // *The Paston Letters. Vol. II. P. 222.*

¹⁰³В частности, в цитированном выше письме Джон Пастон не только просит мать проследить, чтобы его брат Эдмонд вступил во владение землями от имени старшего брата, но и дает целый ряд рекомендаций, касающихся управления перечисленными манорами. См.: *The Paston Letters.*

¹⁰⁴Например, в письме герцога Норфолка, адресованном его кузену Джону Ховарду, содержится следующее предложение. Поскольку герцог тяжело болен и не может исполнять свои обязанности маршала, то не желает ли его родственник занять эту должность на время его болезни за соответствующую плату. См.: *The Paston Letters. P. 44.*

¹⁰⁵В частности, Клемент Пастон писал своему брату Джону Пастону, что земли их сестры захвачены людьми герцогини Нортумберленд, и если положение дел не изменится, то придется приобрести новые земли. См.: *The Paston Letters. Vol. I. P. 175.*

¹⁰⁶*Plumpton Correspondence. P. 13.*

Анализ роли семьи в жизни джентри с использованием материалов эпистолярных комплексов Пламптонов, Стоноров и Пастонов позволяет предположить, что ко второй половине XV столетия ведущую роль играла вполне оформившаяся малая семья. Именно в рамках этих взаимоотношений считалось необходимым и приличным проживание под одной крышей, оказание всемерной помощи и поддержки, а также наличие родственных чувств. К. Карпентер, основываясь на анализе завещаний джентри Уорикшира, также приходит к выводу об ограничении реальных рамок семьи кругом братьев, сестер, родителей и детей¹⁰⁷, т.е. потомками до второго колена одной супружеской пары. Возвращаясь к существующей в англоязычной историографии дискуссии относительно размера семьи джентри XV в., необходимо отметить следующее. Материалы семейных архивов джентри указанного периода позволяют присоединиться к мнению Р. Хоубрука, отстаивающего преобладающее значение малой семьи¹⁰⁸. Позиция же профессора Л. Стоуна, который говорит о господстве в среде джентри эпохи Войн Роз большой семьи, включавшей в себя всех родственников¹⁰⁹, данными источников не подтверждается.

Джентри второй половины XV столетия и их «слуги». К проблеме «свит» или «ливрей»

Следующей по отношению к семье социальной группой был круг людей, которые сами себя обозначали словом «слуги» (servants). Семантическое поле этого термина имеет крайне мало общего со значением данного слова в современном английском языке; некоторые исследователи переводят его как «свитский»¹¹⁰.

В данном случае речь идет об одной из важнейших проблем истории Англии XV в. — проблеме так называемых «свит», или «ливрей» — основы сложившейся в данный период системы феодальных отношений¹¹¹. Именно свитские называли себя «слугами», а тех, кто оказывал им покровительство — «господами» (masters)¹¹². Термин «свитский» в

¹⁰⁷ Carpenter C. *Locality and Polity: A Study of Warwickshire Landed Society...* P. 211.

¹⁰⁸ Houbrooke R. *The English Family 1450—1700...* P. 231.

¹⁰⁹ Stone L. *Op. cit.* P. 85.

¹¹⁰ Филимонова О.Н. К социально-психологической характеристике английского нового дворянства // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и средние века. М., 1975. С. 314.

¹¹¹ McFarlane K.B. *The Nobility of Later Medieval England...* P. 123.

¹¹² The Paston Letters. Vol. I. P. 2.

данном случае представляется предпочтительным, он не является общеупотребительным и, соответственно, акцентирует наше внимание на реалиях, характерных для эпохи Войн Роз.

Итак, попробуем проанализировать необходимые семантические компоненты термина “servant” (свитский) в языке джентри XV в. Все эти люди писали своим покровителям примерно следующее: “I am your servant and ever will be with the grace of God”¹¹³ («я — ваш слуга (*свитский*) и всегда им пребуду с божьей милостью»). Предполагаемая «вечность» службы, по всей видимости, должна была подчеркнуть значимость этих отношений в жизни свитского. Действительно, как отмечал еще Д. Тревельян, в Англии XV в. «каждый человек должен был находиться под защитой какого-нибудь магната, чтобы он был его «хорошим лордом»¹¹⁴. По-видимому, в отношении господин — свитский, было включено все английское общество.

Для того, чтобы уяснить себе, какое значение джентри эпохи Войн Роз придавали слову “servant”, следует, прежде всего, установить кто входил в категорию свитских. В общем случае к свите джентри принадлежали люди, стоявшие ниже их на социальной лестнице. В приложениях приведены списки тех, кто называл себя «свитскими» Пастонов, Стоноров и Пламптонов. В основном тексте будет достаточно привести результаты в обобщенном виде.

«Свитскими» этих семей именовали себя клерки, телохранители, курьеры, преуспевающие купцы, мелкопоместные дворяне и даже некоторые родственники означенных родов. Таким образом, мы можем выделить две основных категории свитских джентри. К первой принадлежали свитские в собственном смысле этого слова, то есть те, кто и составлял свиту своего господина. Это были люди, не имевшие практически никакого дохода, кроме того, который они получали на службе. Неслучайно, говоря о «слугах», Джон Пастон упоминает, что многие из них живут «благодаря своему господину и за его счет»¹¹⁵. Обеспечение это могло выдаваться не только в денежной форме. В архиве Пастонов встречаются письма, в которых «слуги» просят своих господ о зимней одежде¹¹⁶ и тому подобных вещах. В случае смерти свитского господин оплачивал оставшиеся после него долги¹¹⁷ и становился его душеприказчиком¹¹⁸.

¹¹³Ibid. P. 23.

¹¹⁴Тревельян Д.М. Указ. соч. С. 81.

¹¹⁵The Paston Letters. Vol. I. P. 15.

¹¹⁶Ibid. P. 46.

¹¹⁷В частности, после смерти Джона Бокинга (Bocking) его господин Джон Пастон оплатил оставшиеся от него долги. См: Ibid. P. 132.

¹¹⁸В качестве примера можно привести следующий факт — Джон Пастон-младший являлся основным душеприказчиком своего свитского — Джона Доберней. Подробнее см.: Ibid. Vol. II. P. 90.

Свитские исполняли функции вооруженной охраны, управляющих¹¹⁹ и т.п. Именно свитские составляли ядро тех вооруженных отрядов, которые дворяне задействовали при обороне собственных замков¹²⁰ или при нападении на чужие владения¹²¹. Следует заметить, что гибель свитских в столкновениях вооруженных ливрей в эпоху Войн Роз была вполне обычным делом¹²². Служба свитских занимала практически все их время и подразумевала, что они должны постоянно находиться в распоряжении своего господина. В частности, Томас Тейлор (свитский Томаса Стонора) счел необходимым отпроситься, когда ему понадобилось поехать на несколько дней в другое графство повидать заболевшего отца¹²³.

Попасть в число свитских можно было лишь по надежной рекомендации. Рекомендация эта могла исходить либо от другого свитского данной дворянской семьи, либо от одного из их «друзей» или «доброжелателей». Например, свитский покойного лорда Фастольфа для приобретения аналогичного положения при его наследниках — Пастонах — вынужден был обратиться за протекцией к человеку, уже пользующемуся их покровительством¹²⁴. В любом случае, о людях, пытающихся поступить к нему на службу, дворянин старался разузнать как можно больше. Например, Джон Пастон-младший попросил своего дядю Эдмонда выяснить все о двух людях, желавших служить ему¹²⁵. Рекомендации хотя бы частично страховали от возможности нанять «не того человека». В данном случае работала система устной передачи

¹¹⁹Свитские Роберта Пламптона — Роберт Бэк (Beck) и Джон Персон (Person) исполняли при нем обязанности телохранителей и курьеров. См.: Plumptre Correspondence. P. 57. Свитский Томаса Стонора — Джон Френд (Frende) управлял именными семьями Стонов в Девоншире. Подробнее см.: Stonor Letters and Papers. P. 143, 145, 151, 162, etc.

¹²⁰В частности, когда Пастоны обороняли замок Кайстер от отряда герцога Норфолка, основную часть обороняющихся составляли свитские семьи Пастон, например Дебенхем, Тимперли и Уайт (Debenham, Tymperley, White) — The Paston Letters. Vol. I. P. 53, 54, etc.

¹²¹В эпистолярных комплексах Патонов, Пламптонов и Стоноров, а также в нарративе Роберта Пилкингтона достаточно часто встречаются фразы вроде следующей — такой-то напал на земли или замок такого-то со своими людьми. В частности, в во время упоминавшейся выше осады принадлежавшего Пастонам замка Кайстер герцог Норфолк осаждал его «со своими людьми», т.е. с отрядом свитских.

¹²²Например, в коллективном письме, описывающем преступления шайки под предводительством одного из джентри, орудовавшей в Норфолке в начале 1460-х гг., убийство двух свитских епископа Нориджа упоминается в одном ряду с такими событиями, как ограбления, угон скота и т.п. См.: The Paston Letters. Vol. I. P. 65—66.

¹²³Stonor Letters and Papers. P. 226.

¹²⁴The Paston Letters. P. 182.

¹²⁵Ibid. Vol. II. P. 158.

информации, причем работала превосходно. Например, слухи о прошлых «подвигах» человека, пытавшегося поступить к нему на службу, дошли до Джона Пастона, хотя дело было давнее и дальше — соискатель «вышел из воли своего прежнего господина» несколько лет назад, к тому же произошло это не в Норфолке, а в Кенте.¹²⁶

Таким образом, свитский XV столетия мог исполнять самые разные обязанности (телохранителя, посланника, управляющего и т.п.). Эти люди нередко рисковали жизнью, были обязаны безоговорочно подчиняться приказам своего покровителя, и все же их положение считалось завидным — желающих войти в свиту дворянина было гораздо больше, чем вакантных мест, и господин мог позволить себе придиричиво отбраковывать кандидатов.

Ко второй категории свитских принадлежали небогатые джентри или же преуспевающие представители третьего сословия, как например Ричард Кале. Этот человек, пользовавшийся покровительством Пастонов, был купцом, дела которого шли настолько успешно, что он регулярно одалживал деньги своим патронам¹²⁷. Следует заметить, что такого рода услуги могли нанести существенный ущерб состоянию покровительствуемого¹²⁸, а значит выгоды, получаемые им на службе у господина, стоили этих потерь. В эпоху Войн Роз, когда земельные отношения внутри дворянства окончательно запутались, джентри старались включить в число «своих людей» хотя бы одного профессионального юриста. Например, в свите Пламптонов профессиональным юристом был Годфри Грин (Godfrey Grene)¹²⁹.

В письмах, адресованных членам семей Пастонов, Стоноров и Пламптонов, эти люди обозначали себя словом “servants”; тем не менее, их социальный статус значительно отличался от статуса свитских в собственном смысле слова. Показателем указанного отличия может служить следующий факт. После двухлетнего сопротивления семья Пастонов все же согласилась на брак одной из своих дочерей с купцом Ричардом Кале. Любопытно, что даже после свадьбы Кале продолжал именовать себя «слугой» Пастонов¹³⁰.

Заклучение брака между членом семьи патрона и свитским не было чем-то из ряда вон выходящим. Исключением скорее был казус Ричарда Кале. Семья невесты воспротивилась этому союза не потому, что г-н

¹²⁶Ibid. P. 194.

¹²⁷Ibid. P. 98.

¹²⁸В частности, Маргарет Пастон писала своему сыну о больном свитском: “For God’s sake let none unkindness be showed to him, for... he have sold a great part of his lands therefor” (имеется в виду на службе семье Пастонов — Е.Б.) // Ibid. P. 121.

¹²⁹Plumpton Correspondence. P. 9.

¹³⁰The Paston Letters. Vol. II. P. 76.

Кале пользовался их покровительством, проблема крылась в другом — жених был богатым, но не слишком, и, к тому же, совершенно безродным. Пастоны сами не так давно получили дворянство, поэтому последнее обстоятельство было для них особенно важным.

В рамках дворянского сословия отношения покровительства нередко закреплялись матримониальными узами. Например, внучка Уильяма Пламптона была выдана замуж за сына одного из «свитских» этой фамилии — Брайана Роклифа (Roucliff)¹³¹. Еще раз подчеркнем — в данном случае никакого конфликта не было, поскольку Роклифы были джентльменами.

Приведем еще один пример. Преуспевающий купец, пользовавшийся покровительством Стоноров — Джон Элмс (Elmes) женил своего сына на родственнице Стоноров. Необходимо отметить, что после свадьбы Вальтер Элмс (сын Джона Элмса) в письмах к сыну главы семьи Стоноров — Уильяму — изменяет обращение и начинает именовать нового родственника «мой достопочтенный кузен»¹³². Причина настолько свободного стиля общения более чем прозрачна. Джон Элмс был очень богат, а Стоноры весьма нуждались в деньгах. К тому же, в отличие от Пастонов, Стоноры не были нуворишами и могли позволить себе породниться с купеческим родом.

Таким образом, если не сосредотачиваться на буквальном переводе, термин “servants” в применении к этой второй категории свитских целесообразно интерпретировать следующим образом — «люди, пользующиеся покровительством».

Попытаемся вкратце перечислить, что же отличало свитских от людей, пользующихся покровительством семьи джентри. Покровительствуемые, в отличие от свитских, жили не в доме господина, а в собственных имениях, которые зачастую находились в других графствах. В их обязанности входила, в том числе, передача господину той информации, к которой они имели доступ в силу собственного социального положения, и в которой он мог быть заинтересован. Весомую часть переписки Пастонов, Стоноров и Пламптонов составляют письма, в которых люди, пользующиеся их покровительством, уведомляют их о местных новостях, сплетнях, планах недоброжелателей. Соответственно, люди, пользующиеся покровительством джентри, в терминах современного языка могут быть обозначены скорее как его деловые партнеры, связанных с «господином» долгосрочным исполнением обязанностей юриста, осведомителя и, наконец, кредитора.

Теперь попытаемся чуть более подробно рассмотреть отношения господина и «его людей». Обязанности патрона состояли, прежде всего, в

¹³¹Plumpton Correspondence. P. 8.

¹³²Stonor Letters and Papers. P. 236.

юридической, физической и иной защите его свитских. Помощь следовало предоставить в любом случае — и если неприятности были нажиты на службе господину, и если они явились результатом преследования свитским собственных целей. Более того, степень вины покровительствуемого не имела ни малейшего значения. Любопытно, что когда свитские Пастонов, Стоноров и Пламптонов просили помочь им, они далеко не всегда указывали причину своих злоключений. В большинстве случаев, они ограничивались стандартной и не слишком правдивой фразой — выдвинутые против них обвинения якобы «были подлыми и лживыми»¹³³.

Чрезвычайно показательным является и следующий казус. Человек, пользовавшийся покровительством Джона Викса (John Wykes) в 1462 г. попал в тюрьму за контакты с ланкастерцами и попытку пересечь море без разрешения властей (в эпоху Войн Роз это считалось преступлением). Тем не менее, его господин просил Джона Пастона посодействовать тому, чтобы его человек был переведен в другую тюрьму, которая находилась бы ближе к его владениям. В этом случае Виксу будет, как он сам же сообщает, значительно легче хлопотать о его освобождении¹³⁴. Таким образом, даже доказанная вина «своего человека» была недостаточным поводом для того, чтобы не помочь ему, обратившись к влиятельным знакомым, как это было сделано в приведенном выше примере, или даже подкупить должностных лиц¹³⁵.

В обязанности господина входило также обеспечение физической безопасности покровительствуемых, особенно если угроза для их жизни или здоровья стала результатом «доброй службы». В качестве примера можно привести письмо, написанное Маргарет Пастон своему мужу в июле 1465 г. В это время конфликт Пастонов с герцогом Саффолком за спорные земли уже несколько месяцев напоминал военные действия. Осада замка в спорном маноре формально была снята, но свитские Пастонов находились в серьезной опасности, поскольку «вооруженные люди герцога Саффолка ежедневно преследуют Доберней (Dawberney)... и Ричарда Кале (они помогали Пастонам оборонять упомянутый замок во время осады), и если только они смогут их достать, то непременно убьют... Поэтому я сердечно прошу тебя изыскать возможность, которая позволила бы твоим слугам жить в мире, поскольку каждый день им приходится опасаться за свою жизнь»¹³⁶. То есть предполагалось, что Джон обязан найти средство для того, чтобы обезопасить людей, находящихся у него на службе. Не менее красноречива и следующая фраза из письма Джона Френда (Frende), пользующегося

¹³³The Paston Letters. Vol. I. P. 112.

¹³⁴Ibid. P. 213.

¹³⁵Ibid. P. 152.

¹³⁶Ibid. Vol. II. P. 19.

ся покровительством Стоноров, адресованного Томасу Стонору: «Довожу до вашего сведения, что Томас Барон, Джон Паперелл и его сын Роберт Паперелл угрожают мне ежедневно, и они заставляют меня настолько бояться за свою жизнь, что я не смею выйти ни в церковь, ни за покупками»¹³⁷. То обстоятельство, что и Пастоны и Стоноры продолжали пользоваться услугами указанных людей, свидетельствует о том, что обе эти ситуации удалось успешно разрешить.

Анализ эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов позволяет установить, к каким средствам джентри прибегали для того, чтобы обезопасить людей, пользующихся их покровительством. Чаще всего они обращались к какому-либо влиятельному лицу, которое приказывало противнику прекратить враждебные действия. В качестве примера можно указать на письмо покровителя Пламптонов — герцога Нортумберленда, адресованное сэру Джону Моливереру (Mauliverer), с которым у Пламптонов была земельная тяжба. В нем есть следующие строки: «Довожу до вашего сведения, что сэр Уильям Пламптон, послал ко мне... говоря, что Томас Вейт и Ричард Крофт¹³⁸ ежедневно пытаются побить и даже убить его свитских... Поэтому я желаю и прошу вас сделать так, чтобы указанные Томас и Ричард прекратили свои означенные преследования»¹³⁹.

Господин нередко способствовал успешной карьере своих свитских. В частности, покровительством Томаса Стонора на протяжении более десяти лет пользовались небогатые джентльмены — Джон Френд и Джон Йем (Yeme). В те годы, когда Томас Стонор занимал пост шерифа, его свитские — Френд и Йем — исполняли обязанности бейлифов¹⁴⁰. Такая практика, несомненно, была взаимовыгодной, поскольку обеспечивала должностному лицу полную поддержку его подчиненных. В данном случае действия джентри ничем не отличались от практики, принятой в среде аристократии и при королевском дворе, где, как отмечает Д.А. Морган, должности распределялись среди родственников, и тех, кому удалось заручиться покровительством влиятельного лица¹⁴¹. К тому же выводу позволяет прийти и анализ имеющихся в нашем распоряжении источников. В частности, Ричард, герцог Глостер, получив в феврале 1472 г. должность Верховного Сенешаля герцогства Ланкастерского, передал пользующемуся его покровительством Уильяму Пламптону небольшое земельное владение и должность бейлифа в

¹³⁷Stonor Letters and Papers. P. 144.

¹³⁸Эти люди принадлежали к свите Джона Моливерера.

¹³⁹Plumpton Correspondence. P. 25.

¹⁴⁰Stonor Letters and Papers. P. 151.

¹⁴¹Morgan D.A. The House of Policy: the Political Role of the Late Plantagenet Household... P. 33.

округе Кнарсбороу¹⁴². О том, как такое положение вещей отражалось на функционировании системы местного управления, речь пойдет во второй главе. В данном случае следует подчеркнуть сам принцип — административные и другие должности распределялись только через многоуровневую систему покровительства, пронизывавшую все английское общество.

Следует заметить, что услугами свитских пользовалась вся семья. Например, когда сэр Джон Пастон был в Лондоне, его люди обороняли замок под предводительством его младшего брата¹⁴³.

Подведем промежуточные итоги. Словом “servant” джентри обозначали две совершенно разные категории людей. Их объединяло то, что они стояли ниже «господина» на социальной лестнице. Однако свитские и покровительствуемые оказывали патрону разные услуги и получали от него далеко не равную помощь и поддержку. Это обстоятельство позволяет выдвинуть следующую гипотезу. Слово “servant” в языке джентри эпохи Войн Роз в полной мере относилось лишь к свитским. Если же покровительствуемые употребляли его по отношению к себе, то это могло быть знаком их готовности оказывать «господину» посильную поддержку. Известно, что в более поздние эпохи широко употреблялась словесная конструкция «ваш покорный слуга», бывшая скорее риторической фигурой. В пользу этого предположения свидетельствует следующий факт. Люди, пользовавшиеся покровительством джентри, неизменно именовали себя их свитскими, однако то же делали Пастоны, Стоноры и Пламптоны, когда писали своим «добрым лордам».

Необходимо отметить следующий факт. Покровительствуемые именовали себя «свитскими» джентри, но ни Пастоны, ни Стоноры, ни Пламптоны ни разу не назвали кого-то из них «слугой» даже заочно. В эпистолярном комплексе Стоноров есть любопытный пример употребления словосочетания «чей-то свитский» третьим лицом. Родственник Стоноров — Томас Рокс (Roks) пишет: «я отсылаю вам вашу лошадь с подателем этого письма — вашим свитским»¹⁴⁴. Очевидно, что в этом случае речь может идти только о человеке, принадлежащем к категории непосредственно свитских, более того, в данном конкретном случае термин “servant” вполне может быть переведен как «слуга». Таким образом, можно предположить, что употребить по отношению к человеку, пользующемуся покровительством семьи, обращение «наш свитский» значило бы унижить его достоинство, причислив его к более низкой социальной категории.

¹⁴²Plumpton Correspondence. P. 26.

¹⁴³The Paston Letters. P. 145.

¹⁴⁴Stonor Letters and Papers. P. 183.

В пользу этой гипотезы свидетельствует и то, что «свитскими» могли именовать себя бедные родственники. В частности, все письма, написанные племянником и тезкой главы семьи Пламптонов — Эдуардом Пламптоном — подписаны «ваш свитский (“your servant”), а к главе семьи он обращается не иначе как «мой господин».

Заканчивая обсуждение проблемы свит, можно сделать следующие выводы. В том виде, в каком этот термин употребляется в отечественной и зарубежной историографии, он относится в полной мере лишь к т.н. «ливрейным дружинам», в которые входили люди, не имеющие другого занятия, кроме службы своему господину, и живущие за его счет. В переносном смысле термин «свитский» как самоназвание употреблялся для того, чтобы подчеркнуть существование отношений покровительства. По-видимому, имеет смысл развести два явления — существование ливрейных дружин и наличие отношений покровительства, являвшихся, если можно так выразиться, «первым ярусом» пирамиды социальных связей внутри дворянского сословия.

«Дружеские союзы» и «партии» в социальной структуре Англии эпохи Войн Роз

Продолжим рассмотрение тех социальных групп, членами которых ощущали себя джентри XV в. Следующим по степени близости был круг людей, обозначаемых в эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов термином “friends” (друзья). Проанализируем семантические границы употребления слова «друзья» в словаре джентри XV в.

Прежде всего, джентри называли своими «друзьями» лишь людей, равных по положению. Во-вторых, «друзьями» Пастоны, Пламптоны, Стоноры и их корреспонденты именовали тех, кто оказывал им политическую¹⁴⁵, юридическую¹⁴⁶ и вооруженную¹⁴⁷ поддержку. Более детальное рассмотрение эпистолярных комплексов показывает, что каждый из этих компонентов был обязательным, то есть «друзья» либо уже помогли друг

¹⁴⁵В частности, виконт Ловелл — «друг» Уильяма Стонора — пытался помочь ему в продвижении при дворе короля Ричарда III. См.: Stonor Letters and Papers. P. 419.

¹⁴⁶Например, «друг» Роберта Пламптона — сэръ Томас Морвин (Morwyn) — по просьбе Роберта Пламптона согласился приехать и свидетельствовать в его пользу в суде. Подробнее см.: Plumpton Correspondence. P. 67.

¹⁴⁷В частности, в нарративе Роберта Пилкингтона содержится следующая фраза: «И тогда Эйнсворт пришел со своими людьми и своими друзьями, с которыми тоже были их люди, и захватил манор» (Narrative of Robert Pykington. P. 29.). То есть вооруженные свиты «друзей» в данном случае действовали как единый отряд.

другу вооруженной рукой, протекцией, дельным советом и т.п., либо были готовы предоставить указанные «услуги» по первому требованию. В-третьих, означенная поддержка должна была оказываться в течение длительного времени. В-четвертых, «друзьями» «на постоянной основе» называли друг друга родственники и свойственники в третьей-четвертой степени родства. Необходимо обратить внимание на существование устоявшегося обращения «брат (кузен и т.п.) и друг». Например, письма Джона Крукера (Crooker) к его кузену — Томасу Стонору — неизменно начинаются словами «достопочтенный кузен мой и друг»¹⁴⁸.

Итак, обязанности членов «дружеских союзов» во многом совпадали с функциями тех, кто пользовался покровительством джентри. Такое совпадение не случайно. Анализ материалов эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов приводит нас к следующему выводу — четко разграничить «друзей» и «покровительствуемых» вряд ли возможно. Выше мы уже упоминали, что родственники вполне могли общаться между собой, используя термины «господин» и «свитский». Между тем, для Англии XV столетия наличие столь глубоких социальных различий между членами одного рода представляется более чем спорным. В архиве Пламптонов содержится документ, подтверждающий невозможность четкого разграничения отношений покровительства и «дружеских союзов». Это письмо приора Ньюброу Эдуарду Пламптону. Письмо подписано «Ваш любящий друг, приор Ньюброу»¹⁴⁹, что должно указывать на социальное равенство корреспондентов. Между тем, в нем есть несколько строк, являющихся как нельзя более емким выражением схемы отношений «господин — свитский». Приор пишет: «Вы всегда были добрым господином для нашего семейства, и я прошу вас продолжать в том же духе»¹⁵⁰. Несомненно, приор Ньюброу занимал какое-то промежуточное положение, его нельзя в полной мере отнести к «покровительствуемым», но в своем письме он упоминает о том, что Эдуард Пламптон является его «господином».

Принимая во внимание вышеизложенное, проведение границы между группой людей, пользовавшихся покровительством джентри, и теми, кто входил в один с ними «дружеский союз» не имеет смысла. Более того, по-видимому, будет правильным предположить существование определенной иерархии внутри «дружеских союзов», «нижний» ярус которых составляли люди, пользующиеся покровительством входящих в него джентри.

В пользу вышеприведенной гипотезы свидетельствует и следующая фраза из письма Джона Пейна к Джону Пастону. Джон Пейн был джентри,

¹⁴⁸Stonor Letters and Papers. P. 186.

¹⁴⁹Plumpton Correspondence. P. 61.

¹⁵⁰“Ye have always bene good master to our house and I pray you so to contynew” // Ibid.

пользовавшимся покровительством Пастонов. Его письмо начинается словами: «Достопочтенный и любимейший господин мой...»¹⁵¹. В дальнейшем же тексте есть слова: «Мой господин Пойнингс — Ваш брат — пришел с другими моими «друзьями» и спас меня»¹⁵². Между тем, хотя бы один из спасших Пейна «друзей» — родственник Пастонов Джон Пойнингс — занимал, очевидно, более высокое социальное положение, чем автор письма. Пейн не мог бы прямо обратиться к Пойнингсу, назвав его своим «другом», как он никогда не называл своим «другом» Джона Пастона. Соответственно, очевидно, что в данной цитате Джон Пейн подразумевает следующее — его спасли члены «дружеского союза», к которому он принадлежал.

Таким образом, людей, пользующихся покровительством джентри, более целесообразно относить к категории их «друзей», хотя и занимающих более низкое социальное положение. В данном случае употребление таких терминов, как «господин» и «свитский» следует признать условностью. Они характеризуют положение конкретного человека внутри «дружеского объединения», но никоим образом не свидетельствуют о том, что какой-то конкретный человек действительно входит в свиту своего «господина».

Многое может дать анализ эпитетов, которыми сопровождается слово «друг» в письмах джентри XV столетия. В огромном большинстве случаев джентри ограничивались одним из двух: “faithful friend” или “trusty friend” то есть «верный друг» или «надежный друг». Таким образом, самыми значимыми качествами для «друзей» из среды джентри эпохи Войн Роз была верность своим соратникам и возможность им доверять.

Несмотря на это, в эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов довольно часто говорится о возможности потерять друзей. Рассмотрим чуть более подробно одно из таких упоминаний. В одном из писем, адресованных Уильяму Пламптону, есть следующие строки: «Все недовольны тем, что вы не помогли моей мистресс С. (одной из «друзей» Пламптонов) в том случае, который вам известен... как мне кажется, нужно, чтобы вы написали мистресс С. письмо, в котором поблагодарили бы за ее доброе и любящее сердце, извинились бы за неисполнение ее желания... и таким образом уняли бы ее недовольство, потому что я понял, что она имеет большой вес среди людей, пользующихся почетом»¹⁵³. По-видимому,

¹⁵¹The Paston Letters. Vol. I. P. 45.

¹⁵²“My master Poynyngs your brother came with other of my friends and saved me” // Ibid. P. 46.

¹⁵³“There is displeasure... that ye comfort not my said mistress S. ne none of her friends in the matter ye know of... it were to be done, as me seemeth, to make writing from ye to my mistress S. thanking her of her trew and loving hurt, excusing the non accomplishment of her desire... and so put her out of displeasure. for as I understand she huth offers greate by right worshipfull” // Plumpton Correspondence. P. 13.

«дружеские» отношения в среде джентри носили характер взаимовыгодной сделки. В идеале они должны были продолжаться долго, однако на практике разрывались в тот момент, когда одна из сторон переставала находить их полезными. Лучшим способом приобрести друзей было подняться вверх по социальной лестнице, лучшим способом потерять — перестать выполнять свои обязательства или же впасть в бедственное положение. Тем не менее, если обе стороны находили «дружеский союз» выгодным во всех отношениях, он мог стать предпосылкой для вступления в брак представителей этих семей, то есть для завязывания более тесных и в меньшей степени зависимых от превратностей судьбы отношений¹⁵⁴. Следует подчеркнуть, что эмоциональная близость друзей в эпистолярных комплексах Стоноров, Пастонов и Пламптонов не упоминается.

Теперь попытаемся выяснить, что же объединяло этих «друзей», что заставляло их доверять и помогать друг другу. Анализ эпистолярных комплексов Пастонов, Пламптонов и Стоноров подводит нас к выводу, что ядром «дружеских союзов» было существование у их членов общих земельных интересов. Как отмечает Д. Тревельян, «общественные беспорядки в Англии XV в. были вызваны главным образом борьбой... за землю»¹⁵⁵. Видимо, эта борьба и требовала создания союзов, скрывающихся под термином «друзья». Д. Ландер вообще считает совокупность этих союзов ядром политической системы Англии XV в.¹⁵⁶ То же мнение высказывают и К. Капентер, и Э. Ачесон¹⁵⁷.

Предположение, что основной целью «дружеских союзов» были именно земельные интересы, подтверждается следующими фактами. Если в переписке Пастонов, Стоноров или Пламптонов упоминается о негативной реакции друзей, то речь идет, как правило, о потере земельных владений или угрозе такой потери. Так, Джон Смит писал Джону Пастону: «Если вы не сможете удержать упомянутые земли, то люди обвинят в этом вас, и ваши друзья будут очень сожалеть об этом»¹⁵⁸. В книге Роберта Пилкингтона, описывающей борьбу за манор Меллор в Дербишире, также прослеживается очевидная связь между термином «друзья» и земельными интересами. Роберт Пилкингтон называет «друзьями» только тех джентри, которые поддерживали его семью в указанном конфликте¹⁵⁹.

¹⁵⁴ Например, Дочь Джона Пастона — Анна — была выдана замуж за его «друга» Уильяма Елвертона. См.: *The Paston Letters*. P. 97.

¹⁵⁵ Тревельян Д.М. Указ соч. С. 81.

¹⁵⁶ Lander J.R. Family, "Friends" and Politics in Fifteenth-Century England... P. 29.

¹⁵⁷ Carpenter C. Locality and Polity: A Study of Warwickshire Landed Society...; Aceson E.A. Gentry Community... P. 211.

¹⁵⁸ *The Paston Letters*. Vol. I. P. 171.

¹⁵⁹ Narrative of Robert Pylkington. P. 32, 33, 34, 35, 37.

Итак, мы столкнулись с очень любопытной проблемой. Слова «друг», «дружба» и их синонимы в XV столетии обозначали совсем не то, что в наши дни. Интересный анализ трансформации семантического наполнения указанных терминов был проведен А.В. Стоговой. Она отмечает, что в Античности дружба воспринималась как отношения двух личностей и одна из высших моральных ценностей; с началом Средневековья эти дружеские связи превратились в один из элементов социальной организации. Каждое сословие в этот период имело свою модель дружбы. Дружеские отношения потеряли интимность как основную характеристику, а поддержание дружеских связей стало необходимым для выживания, они обеспечивали человеку защиту, возможность продвижения по социальной лестнице¹⁶⁰.

Анализ архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов позволяет констатировать, что в среде джентри слово «дружба» подразумевало не эмоциональную близость, а чисто деловое сотрудничество равных, основанное на отстаивании общих земельных интересов, и не моральную поддержку, а вполне осязаемую материальную.

В эпоху Возрождения эмоциональная составляющая дружбы вновь актуализируется¹⁶¹. Анна Вежбицкая отмечает, что в XVII—XIX вв. эмоциональная составляющая слова “friend” в английском языке была значительно более значимой, чем в современном¹⁶². Указанное радикальное изменение столь фундаментального понятия, как дружба еще раз привлекает наше внимание к необходимости возможно более взвешенного подхода к анализу социокультурных особенностей удаленных от настоящего периодов истории.

В источниках второй половины XV столетия слово «друг» употреблось еще и в переносном смысле. В частности, Маргарет Пастон писала своему мужу: «Тебе необходимо иметь Гая Фенна (Fenn) своим другом (курсив мой — Е.Б.) в этом деле... Мне сообщили, что он имеет влияние на короля и лордов»¹⁶³. В данном случае мы сталкиваемся с чрезвычайно часто употребляемой и устоявшейся словесной конструкцией «быть кому-то другом»¹⁶⁴, означающей оказание помощи в каком-либо конкретном случае. Существование такого рода выражения является лучшим доказательством того, насколько большую роль играли «дружеские союзы» в жизни джентри XV столетия.

¹⁶⁰Стогова А.В. Феномен дружбы в представлениях и социальной практике европейский интеллектуалов XVII в. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000. С. 5.

¹⁶¹Там же.

¹⁶²Вежбицкая А. Указ. соч. С. 402.

¹⁶³The Paston Letters. Vol. I. P. 201.

¹⁶⁴Выражение «быть кому-то другом» или «иметь кого-то своим другом в каком-то деле» встречается, в частности, в следующих источниках. См.: The Paston Letters. Vol. I. P. 87, 103, 118.

Выше была предпринята попытка реконструировать значение слова «друг» в словаре джентри второй половины XV в. Необходимо подчеркнуть, что, по всей видимости, семантическое поле этого термина было аналогичным и для всего английского языка указанного периода. Такое предположение позволяет выдвинуть тот факт, что в хрониках, написанных в эпоху Войн Роз или чуть позже, термин «друг» употребляется в совершенно аналогичном значении. Например, в знаменитой «Лондонской хронике» события, последовавшие за удалением в 1470 г. супруги короля Эдуарда IV в убежище, чтобы избежать казни во время короткой реставрации Ланкастеров, описываются в следующих выражениях: «Несколько епископов и многие другие, которые были друзьями короля Эдуарда, так же отправились в убежища, чтобы обезопасить себя»¹⁶⁵. Несомненно, в данном случае речь идет о «ближнем круге» сторонников Эдуарда IV, что полностью совпадает с пониманием термина «друг» в среде джентри.

Близким по значению к термину «друг» являлся часто встречающийся в архивах Пастонов, Стоноров и Пламптонов термин “well-willer” (доброжелатель). Значение этого слова для джентри XV в. не имеет практически ничего общего с его современным употреблением. В эпоху Войн Роз «доброжелателями» джентри называли равных им по положению людей, с которыми их связывали общие деловые интересы. Однако, семантическое поле термина «доброжелатель» было несколько более размытым, чем у термина «друг». Если поддержка друзей выражалась в реальных действиях, то «доброжелатели» помогали друг другу в основном советами¹⁶⁶ и сообщением полезной информации¹⁶⁷. По-видимому, интересы «доброжелателей» были связаны не так тесно, как интересы членов «дружеских союзов».

Возможно, объединения «доброжелателей» включали в себя несколько союзов «друзей», чьи позиции в фактически бесконечных земельных спорах приблизительно совпадали. Следует заметить, что именно к кругу «доброжелателей» джентри XV в. относили своих дальних родственников. Например, шурин Уильяма Пламптона, упомянув о том, что его родственнику нужен совет, назвал его именно «доброжелателем» сэра Пламптона¹⁶⁸. Точно так же Томас Малл (Mull), дальний родственник Стоноров, в письме, адресованном Томасу Стонору, причисляет себя к его доброжелателям: «Ни я, и никто из ваших доброжелателей не сделает ничего, что не служило бы к вашей чести»¹⁶⁹.

¹⁶⁵“And dyvers Bisshopis and other many, such as were King Edwardes ffrendis, did in likewyse went unto Sanctuary places for their sauegard” // *Chronicles of London*. P. 182.

¹⁶⁶The Paston Letters. Vol. I. P. 148.

¹⁶⁷Ibid. P. 71.

¹⁶⁸Plumpton Correspondence. P. 17.

¹⁶⁹Stonor Letters and Papers. P. 149.

Анализ источников позволяет выдвинуть следующую гипотезу. По-видимому, в том случае, когда речь не шла о членах «малой семьи», отношения родственников определялись не столько степенью родства, сколько социальным положением того или иного члена большой семьи. Выше уже упоминалось, что родственники в письмах друг к другу могли употреблять обращение «господин», а также называть себя «свитскими» адресата. По-видимому, обращения в письмах родственников напрямую зависели от их социального статуса. Равные употребляли конструкцию «достопочтенный брат (кузен) и друг» или просто «достопочтенный кузен (брат)»¹⁷⁰. Но та же степень родства при более низком общественном положении автора письма приводила к употреблению таких выражений как: «от вашего бедного кузена (by you poor Cosin)»¹⁷¹ или «Ваш готовый услужить брат (your serviseable broter)»¹⁷², и даже «ваш слуга/свитский»¹⁷³. Соответственно, если имущественные интересы родственников не расходились, то родственные отношения определяли принадлежность к одному и тому же объединению «доброжелателей». Однако конкретное положение внутри этого объединения и степень близости отношений определялась не только и не столько степенью родства, сколько степенью влияния и богатством, т.е. объемом поддержки, который джентри могли оказать друг другу. Поэтому родственные отношения за пределами «малой семьи» в среде джентри, как правило, строились по тому же принципу, что и союзы «друзей», более того, они могли оказаться менее важными, чем «дружеские». Например, Годфри Грин согласился на заключение брака своей сестры с человеком неблагородного происхождения, не имеющим земельной собственности или другого недвижимого имущества, то есть фактически на мезальянс, лишь потому, что ему покровительствовала влиятельная леди Р.¹⁷⁴ Родственные отношения в данном случае выступают как средство поддержания своего положения в рамках «дружеского» объединения, возглавляемого указанной дамой.

Существенным фактором, цементирующим отношения внутри «дружеских союзов», было наличие аналогичных кланов с противоположными интересами. В эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов, а также в книге Роберта Пилкингтона они обозна-

¹⁷⁰Ibid. P. 195.

¹⁷¹Так подписал свое письмо содержащее, в том числе просьбу о займе, кузен Уильяма Пламптона — Ричард Бингхем. См.: Plumpton Correspondence. P. 4.

¹⁷²Таким образом «свитский» Пламптонов Брайан Родклиф стал подписываться после того, как его сын женился на внучке его покровителя — Уильяма Пламптона. См.: Plumpton Correspondence. P. 8.

¹⁷³Так подписывал свои письма Эдмонд Пламpton — Ibid. P. 51.

¹⁷⁴Ibid. P. 11.

чаются термином “enemies” (враги)¹⁷⁵. Этот термин в словаре джентри XV в. имел мало общего с его современным употреблением. Он обозначал то же самое сообщество равных, объединенное общими земельными интересами и ориентированное на их отстаивание всеми возможными методами. Впрочем, если термин «друзья» можно идентифицировать как самоназвание такого сообщества, то термин «враги» обозначает его видение со стороны, глазами представителей аналогичного, но враждебного клана. Многие письма оканчиваются словами — «Бог да поможет тебе победить всех твоих врагов»¹⁷⁶.

«Враги» боролись друг с другом при помощи двух групп средств: юридические процессы, касающихся спорных земель, и вооруженным путем. В числе силовых методов решения конфликтов можно назвать захват спорных земель силой¹⁷⁷, угрозы противнику, подкрепленные присутствием вооруженной до зубов свиты¹⁷⁸, взятие противника в плен, где его держали на хлебе и воде, а также избивали, заставляя отступить от своих требований¹⁷⁹, взаимное сманивание арендаторов и приведение в негодность сдаваемых в аренду домов¹⁸⁰, поджоги, грабежи, избиения и даже убийства¹⁸¹. Пожалуй, самым бескровным, но

¹⁷⁵The Paston Letters. Vol. I. P. 116, 119; Stonor Letters and Papers. P. 84; Plumpton Correspondence. P. 61; Narrative of Robert Pylkington. P. 33.

¹⁷⁶The Paston Letters. Vol. I. P. 22; Plumpton Correspondence. P. 3.

¹⁷⁷Например, во время длившейся более трех десятилетий тяжбы Эйнсвортов и Пилкингтонов спорный манор Меллор захватывали силой более десяти раз (в 1477, 1478, 1480 и т.д.). См.: Narrative of Robert Pylkington. P. 33, 36, 39.

¹⁷⁸В частности, в 1465 г. права владения Пастонов на манор Коттон оспаривал сэр Гилберт Дебенхэм. Обе стороны собрали вооруженные отряды, насчитывающие около полутора сотен человек, и лишь вмешательство герцога Норфолка не позволило спору перерасти в вооруженный конфликт. См.: The Paston Letters. Vol. II. P. 27—28.

¹⁷⁹Именно так Джон Эйнсворт поступил с Робертом Пилкингтоном. См.: Narrative of Robert Pylkington. P. 30.

¹⁸⁰В частности, во время земельного конфликта Пастонов и лорда Молейна стороны не только сманивали друг у друга арендаторов, но и разрушали дома, которые сдавались в аренду вместе с земельным участком. Дом арендатора Пастонов — Уильяма Рейнолдса — претерпел следующие разрушения: в нем были выломаны и унесены двери, разбиты окна, сняты все замки и засовы, разбита мебель, разобрана окружающая сад изгородь. См.: The Paston Letters. Vol. I. P. 78.

¹⁸¹В качестве наиболее разительного примера можно привести последствия земельной тяжбы между герцогом Девоншира и лордом Бонвилем. В октябре 1455 г. сын герцога Девоншира во главе большого вооруженного отряда поджег дом лорда Бонвиля и ограбил его. Из дома была вынесена вся домашняя утварь, которую погрузили на лошадей лорда Бонвиля и увезли. Самому лорду первоначально обещали личную безопасность, однако затем его избили, под предлогом встречи с герцогом Девоншира заставили пройти значительное расстояние пешком, и, наконец, убили. См.: Ibid. P. 110.

далеко не самым безобидным средством борьбы было всемерное очернение «врага» в глазах влиятельных лиц¹⁸².

Таким образом, сообщество джентри одного графства, на первый взгляд столь монолитное, при более детальном рассмотрении оказывается разделенным на противоборствующие группировки. Ядром этого противостояния была борьба за земельные владения.

Весьма показательным является следующий фрагмент письма йоркистов к дворянам Норфолка: «ни один человек не должен грабить или вредить иным образом... кому-нибудь из нас, нашим свитским, нашим держателям, или нашим доброжелателям»¹⁸³. Из него следует, что именно союзы «друзей» и, шире, «доброжелателей» являлись той питательной средой, в которой борьба за влияние нескольких аристократических домов могла перерасти в общенациональный конфликт.

Следует заметить, что джентри стремились заручиться покровительством возможно большего числа аристократов. Это было совершенно необходимым хотя бы потому, что, как отмечает П.В. Флеминг, во второй половине XV столетия практически все значимые решения принимались с оглядкой на того человека, к которому они относились, а также на его семью, свитских, «друзей» и покровителей¹⁸⁴. Вместе этот конгломерат людей в эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов обозначался словом «party» (партия)¹⁸⁵. Тот же термин употребляется и в книге Роберта Пилкингтона¹⁸⁶. В настоящее время термин «партия» чрезвычайно широко используется исследователями. В частности, такие словесные клише как «партия йоркистов» и «партия ланкастерцев» встречаются практически в каждом из трудов, посвященных Войнам Роз. Однако в понимании англичан XV в. слово «партия» имело значение, которое мало соответствует его современному пониманию.

Попробуем проанализировать семантическое наполнение термина «партия» в словаре джентри XV в. Исходя из эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов можно выделить следующие необходимые компоненты его значения. Во-первых, в «партию» входили не отдельные люди, а объединения «друзей». Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что ни в одном из писем архивов Пастонов, Стоноро-

¹⁸²Так, Пастонам пришлось платить более высокую арендную плату за земли, которые они арендовали у леди Морлей лишь потому, что их недоброжелатели заручились поддержкой советников этой дамы, которые настроили ее против Пастонов. Во всяком случае, именно так ситуацию описывает Маргарет Пастон в письме к своему мужу — Джону Пастону. См.: Ibid. P. 12.

¹⁸³Ibid. P. 79.

¹⁸⁴Flaming P.W. Charity, Faith, and the Gentry of Kent... P. 36.

¹⁸⁵The Paston Letters. Vol. I. P. 38.

¹⁸⁶Narrative of Robert Pylkington. P. 35.

ров и Пламптонов не встречается выражение «сэр х — член партии у». Во-вторых, рядом со словом партия употреблялся термин не «друзья», а «доброжелатели». Поэтому можно предположить, что партия состояла из нескольких «дружеских союзов», интересы которых не противоречили друг другу. В-третьих, во главе «партии» стоял кто-либо из влиятельных лордов¹⁸⁷. Зачастую главой локальной партии был тот сеньор, во владения которого входило данное графство¹⁸⁸. В-четвертых, несколько локальных партий могли объединяться в более крупные организации, которыми и были «партии» Йорков и Ланкастеров. И, наконец, в-пятых, такие «партии» не имели какой бы то ни было политической программы¹⁸⁹. По-видимому, «партия» XV в. была взаимовыгодным объединением нескольких «дружеских союзов» под предводительством кого-либо из лордов.

В чем же состояла эта взаимная выгода? Прежде всего, рассмотрим, при помощи каких средств в эпоху Войн Роз можно было заручиться покровительством лорда и сохранить его благосклонность. Добиться расположения влиятельного лица можно было, оказав ему какую-нибудь услугу. Например, если магнат покупал земли по соседству с владениями дворянина, ищущего его покровительства, то ему, естественно, требовалось установить хорошие отношения с соседями¹⁹⁰. Если в земельном споре могущественный лорд желал проигрыша одной из сторон, то враги его врагов становились его друзьями¹⁹¹. Если лорд желал женить своего свитского, а родственники невесты шли ему в этом навстречу, то они также могли рассчитывать на его покровительство¹⁹².

В XV столетии раз полученное благоволение влиятельного лица совсем не гарантировало продолжения отношений. Господин оказывал «своим людям» покровительство лишь до тех пор, пока их услуги представляли для него интерес. Для сохранения расположения лорда в XV в. стало необходимым постоянно напоминать ему о себе. Такие дей-

¹⁸⁷В частности, в хронике Фабиана часто встречаются такие словосочетания как «партия Ричарда Йорка», «партия лорда Сомерсета». См.: *Fabian R. The New Chronicles of England and France.* P. 695, 697, 698.

¹⁸⁸Не следует забывать о том, что именно от сеньора зависело, смогут ли члены «дружеского» объединения спокойно владеть своими землями. Властные полномочия магната в собственных владениях в эпоху Войн Роз были более чем велики. Например, герцог Нотумберленд не только фактически назначал шерифа и бейлифов в своих владениях, (*Plumpton Correspondence.* P. 26—27), но и отдавал им приказания кого следует заключить под стражу, а кого, наоборот, выпустить. См.: *Ibid.* P. 34.

¹⁸⁹*Lander J.R. Crown and Nobility 1450—1509. L., 1976. C. 144—158.*

¹⁹⁰*The Paston Letters. Vol. I. P. 91.*

¹⁹¹*Ibid.* P. 49.

¹⁹²*Ibid.* P. 89.

ствия, как присутствие на крестинах детей милорда¹⁹³, преподнесение ценных подарков (или просто денег), в минуту финансового затруднения магната¹⁹⁴ могли в высшей степени благоприятно сказаться на положении покровительствуемого. Соответственно, со стороны джентри принадлежность к чьей-либо партии означала оказание имиджевой, а иногда и финансовой поддержки ее главе.

Рассмотрим, какие обязанности такого рода объединение налагало на его главу. В общем виде, джентри, входившие в определенную «партию», получали возможность пользоваться неизменным и всеобъемлющим покровительством возглавлявшего ее лорда. В частности, он отстаивал интересы своих сторонников в их конфликтах с другими магнатами¹⁹⁵ и защищал своих приверженцев от вооруженных посягательств третьих лиц¹⁹⁶. Обычным делом для главы локальной «партии» было также организовывать примирения людей, пользующихся его покровительством¹⁹⁷. А Кроуфорд отмечает, что политический вес лорда, в свою очередь, напрямую зависел не только от величины его земельных владений, но и от количества его сторонников¹⁹⁸. Кроме того, именно на наличии упомянутых сторонников строилось влияние лорда в собственных владениях. Пожалуй, наиболее четко взаимовыгодный характер отношений между главой партии и ее членами выражен в письме герцога Нотумберленда к Уильяму Пламптону, в котором герцог пишет: «Если вы удовлетворите это мое желание, то я буду также расположен делать то, что доставит вам удовольствие»¹⁹⁹.

Кроме того, глава «партии» лоббировал интересы своих приверженцев в Королевском Совете. Как отмечает П. Флеминг, если для успеш-

¹⁹³Ibid. Vol. II. P. 144.

¹⁹⁴Ibid. P. 207.

¹⁹⁵В частности, в письме Джона Пастона-младшего, адресованном его матери, есть следующие строки: «Я надеюсь, что во всех наших делах в скором времени наступит улучшение, потому что миледи Норфолк обещала следовать советам моего лорда Оксфорда во всех делах, касающихся меня и моего брата. Что же до моего лорда Оксфорда, то, я думаю, он лучший господин, чем я мог бы пожелать, потому что он посылал к леди Норфолк только для того, чтобы уладить наше дело» и т.д. См.: Ibid. P. 99.

¹⁹⁶Так, в 1451 г. Маргарет Пастон сообщила своему мужу, что они могут более не бояться того, что лорд Молейн вновь захватит манор, из-за которого они судились, силой, потому что она поговорила с леди Фелбриг (Felbrigg) и та заверила ее, что больше никто не посмеет покушаться на тех, кто находится под ее покровительством. См.: Ibid. Vol. I. P. 59.

¹⁹⁷Например, лорд Кромвель, уладил конфликт двух своих приверженцев — Джона Пастона и Джона Редклифа. См.: The Paston Letters. P. 74.

¹⁹⁸Crawford A. The Private Life of John Howard: a Study of a Yorkist Lord, His Family and Household // Richard III: Loyalty, Lordship and Law / Ed. by P.W. Hammond. L., 1986. P. 17.

¹⁹⁹“If you will fulfill this my desire, and I will be as wellwilled to doe things for your pleasure” // The Paston Letters. P. 27.

ного окончания земельной тяжбы необходимо было вмешательство монарха, получить благоприятный результат можно было только через покровительство кого-либо из лордов²⁰⁰. О сплоченности «партий» лучше всего свидетельствует следующий факт — королевская немилость распространялась не только на лорда, но и на его сторонников. В качестве примера можно привести следующую фразу из переписки Пастонов: «говорят, что лорд Даниель в немилости у короля, и, видимо, он должен пасть, как и все его люди, как и все те, кто были его доброжелателями»²⁰¹.

«Партии» в Англии второй половины XV в. добивались реализации своих интересов и вполне современным способом — через депутатов в Палате Общин. В первой части данной главы уже упоминалось о том, что депутаты Палаты Общин отстаивали в Лондоне интересы своего графства, т.е. регионального сообщества джентри. После проведенного анализа это положение имеет смысл скорректировать. Конечно же, депутаты заботились о «процветании своей страны», но в первую очередь ориентировались на «друзей и доброжелателей», иными словами на свою «партию». О том, что принятие какого-либо парламентского акта могло иметь в виду удовлетворение интересов конкретной «партии» свидетельствует, например, следующая фраза из письма Ричарда Револьда к Томасу Стонору: «Достопочтенный кузен и друг мой... я благодарю вас за письмо, за новости и за парламентские акты. И если я смогу что-то сделать для вас, то я буду готов сделать это от всего сердца»²⁰². К тому же выводу, но на другом материале, пришел также Д. Эдвардс²⁰³.

В эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов сохранились свидетельства существования некоего аналога предвыборной борьбы. Речь шла о том, представитель какого «дружеского союза», т.е. какой «партии» получит возможность пройти в парламент и продвигать в нем интересы своих сторонников.

В заключение необходимо сказать несколько слов о функционировании вертикальных связей между «дружескими» объединениями на разных социальных уровнях. Добившись благосклонности влиятельного лица, предприимчивый джентльмен приобретал благоволение не одного человека, но также его родственников и «друзей». Лучшим доказательством может служить существование серии «покровительственных» писем в архиве Пастонов. Письма родственников, в которых они говорят о возможности оказания покровительства какому-либо джентльме-

²⁰⁰Flaming P.W. Op. cit. P. 36.

²⁰¹The Paston Letters. P. 14.

²⁰²Stonor Letters and Papers. P. 195.

²⁰³Edwards J.G. The Huntingdonshire Parliamentary Election of 1450 // Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson. Toronto, 1969. P. 389.

ну, разделяет не больше нескольких дней²⁰⁴. В то же время, невозможно было заручиться покровительством магната, с «друзьями» которого соискатель находился в напряженных отношениях. В частности, в период недолгого охлаждения отношений со своим основным покровителем — герцогом Нортумберлендом — Уильям Пламптон попытался выхлопотать себе должность, через «друга» герцога — лорда Эссекса. Однако лорд ответил резким отказом, упомянув, что он «согласен оказать услугу любому из людей герцога, но только в его присутствии»²⁰⁵.

Необходимо еще раз подчеркнуть — наименьшей смысловой единицей системы покровительства была семья, но чаще всего в ней действовали «дружеские союзы». Пастоны, Стоноры, Пламптоны и их соседи всегда имели нескольких «добрых лордов», а аристократический клан рассчитывал на помощь и поддержку не только рода *x*, но и их ближайших «друзей». В одном из писем архива Стоноров есть следующая красноречивая фраза. Муж сестры Томаса Стонора пишет ему: «Мой лорд Эссекс, которому я многим обязан... пожелал, чтобы я обязательно написал вам /об этом деле/, думая, что ради меня вы выскажете к нему большее расположение, на что я очень надеюсь и верю, что вы так и поступите»²⁰⁶. Такое положение вещей лишний раз демонстрирует, насколько всеобъемлющей и разветвленной была система связей внутри дворянства. Лорд, к сторонникам которого присоединялся джентри, так же являлся членом «дружеского союза» на более высоком социальном уровне. О существовании «дружеских союзов» в аристократической среде упоминает, в частности, Д. Харрис²⁰⁷. Думается, именно наличие указанной системы сделало возможным формирование таких крупных объединений, как «партии» Йорков и Ланкастеров.

Итак, именно система родственных и «дружеских» связей являла собой то средство, при помощи которого лорды в эпоху Войн Роз создавали собственные «партии», т.е. объединения сторонников, необходимые для поддержания их влияния. Приведем наглядный пример расширения такого рода союза. В одном из писем Генри, герцог Нортумберленд просит пользующегося его покровительством Уильяма Пламптона устроить так, чтобы должность бейлифа в Сесsee (Sessey) досталась свитскому герцога — некоему Эдмонду Кейпу (Cape)²⁰⁸. Для

²⁰⁴The Paston Letters. P. 90—92.

²⁰⁵Plumpton Correspondence. P. 32.

²⁰⁶“My lord of Essex, to whome I am most bound... spesially desired me to wright to you, thinking that you should be better willed for my sake, the wich I will weryly trast that you will do” // Stonor Letters and Papers. P. 191.

²⁰⁷Harriss G.L. Cardinal Beaufort: A Study of Lancastrian Ascendancy and Decline. Oxford, 1988. P. 149.

²⁰⁸Plumpton Correspondence. P. 26.

того, чтобы добиться указанного назначения, Уильяму Пламптону необходимо было воспользоваться родственными связями — Сессей был резиденцией семьи Дарелов, а глава семьи — сэра Джордж Дарел был женат на дочери Уильяма Пламптона²⁰⁹. По-видимому, герцог Нортумберленд не был знаком с сэром Дарелом достаточно близко, чтобы обратиться к нему за этой услугой. Однако если сэра Дарел выполнял просьбу своего родственника и одновременно герцога Нортумберленда, то он автоматически попадал в число людей, которым герцог оказывал покровительство, то есть присоединялся к его «партии».

Следует заметить, что помимо постоянных отношений с главой собственной партии, джентри искали временной благосклонности других лордов. Например, Пастоны в разные годы пользовались благоволением Ричарда Йорка, лорда Грея, Уорвика и лорда Оксфорда²¹⁰. Для обозначения такого временного сотрудничества использовалось словесное клише — «иметь кого-то своим добрым лордом в каком-то деле». Для того чтобы аристократ стал «добрым лордом», ему необходимо было оказать какую-нибудь услугу или попросту заплатить (в XV столетии в этом не видели ничего зазорного). Так, Брайан Роклиф прямо писал Уильяму Пламптону: «Ваш слуга Джон Смит передал мне xl марок и Ваше письмо... так что я позаботился, чтобы мой человек был Вашим поверенным при дворе»²¹¹. Любопытно, что «разовое» покровительство вполне могло стать началом прочных отношений — именно так сложились отношения семьи Пламптонов и Брайана Роклифа. Кроме прочих преимуществ, наличие нескольких покровителей давало джентри возможность маневрировать между ними и заставляло магнатов больше ценить оказываемые им услуги.

Связи с покровителями были личными и неформальными, то есть наследникам ничто не гарантировало продолжения хороших отношений с покровителями их отца, если конечно они не успевали позаботиться об этом заранее. Не случайно смерть глав семей Пастонов и Пламптонов неизменно вызывала активизацию действий их врагов. Однако у такого порядка вещей была и положительная сторона. Чем старше становился человек, тем с большим количеством влиятельных людей он успевал свести знакомство, тем больше «друзей» он приобретал, и тем легче ему было вести дела. Тем не менее, если говорить об интересах семьи в целом, а именно они преобладали в Англии XV в., то для них такая практика была пагубной, поскольку смерть главы семейства, на личном авторитете которого, в основном, базировалось бла-

²⁰⁹Ibid. P. 27.

²¹⁰The Paston Letters. P. 49, 89, 91, 92.

²¹¹“I received of your servant John Smith xl marks, and your letter... soe I have labored a felaw of mine to be your Attorney in the Court” // Plumpton Correspondence. P. 3.

гополучие всей семьи, каждый раз отбрасывала семью вниз по социальной лестнице.

Анализ полученного материала позволяет прийти к следующим выводам. Джентри эпохи Войн Роз осознавали себя частью нескольких социальных объединений, которые могут быть представлены в форме концентрических кругов. Это: малая семья (потомки до второго колена одной супружеской пары); широкий круг родственников до пятого-шестого колена; круг «свитских» и «покровительствуемых» (людей, стоящих ниже джентри на социальной лестнице, которые пользовались их финансовой, политической и юридической поддержкой в обмен на услуги осведомителей, управляющих, юристов и вооруженной охраны); круг «друзей» (т.е. взаимовыгодное объединение в среде джентри, основанное на общности земельных интересов и ориентированное на отстаивание этих интересов любыми средствами, включая локальные войны); круг «доброжелателей» (т.е. объединение нескольких «дружеских» союзов, интересы которых не противоречили друг другу); и, наконец, «партия» (союз «доброжелателей» под предводительством кого-либо из лордов, чаще всего непосредственного сеньора). Все перечисленные объединения существовали в рамках сообщества джентри одного графства, за исключением «партий», которые иногда, в зависимости от могущества своего главы, могли действовать и на общенациональном уровне.

Ценностные ориентации и культурная специфика локальных сообществ джентри в эпоху Войн Роз

Анализ специфики региональных сообществ джентри эпохи Войн Роз невозможен без учета особенностей мировосприятия указанной социальной группы. В этом параграфе мы попытаемся воссоздать ту невидимую шкалу, по которой джентри оценивали себя и своих соседей и выясним, какой смысл провинциальные дворяне вкладывали в понятие «жить как должно», что считали «достойным», а что — заслуживающим всяческого осуждения.

¹ Исследователи, разрабатывавшие историю региональных сообществ, установили, что более всего на свете джентри ценили общественное одобрение, которое обозначали термином “worship” (почет, добрая слава). К. Карпентер пишет, что «стремление к доброй славе (worship) было одной из основных детерминант поведения джентри»²¹². Этот термин не только являлся необходимой частью вежливой формы

²¹²Carpenter C. *Locality and Polity: A Study of War Wickshire Landed Society...* P. 198.

обращения²¹³, через него оценивалось все: слова, поступки, состояние земельных владений, одежда и предметы повседневного обихода²¹⁴.

Необходимо подчеркнуть, на настоящий момент проблема обозначена, но не решена — семантическое наполнение термина “worship” пока практически не исследовано. Попытаемся восполнить этот пробел.

В эпистолярных комплексах Стоноров, Пастонов и Пламптонов термин “worship” употреблялся несравненно чаще других оценочных характеристик, и по-видимому, являлся самым емким обозначением достойной жизни. Адекватный перевод указанного термина на русский язык невозможен, поскольку каждый вариант имеет смысловые оттенки, не совпадающие с содержанием, которое вкладывалось в указанное понятие в эпоху Войн Роз.

Любопытно, что в английском семантическое наполнение термина “worship” менялось столь же сильно, как и понимание дружбы. В начале XXI в. словом “worship” обозначают, прежде всего, культ, богослужение, поклонение святыням. В словаре джентри XV в. связь указанного термина с религиозными понятиями практически не прослеживается. Наиболее близким будет следующий перевод: «почет», «добрая слава» или «общественное одобрение», носящее, однако, исключительно светскую, мирскую окраску. В качестве доказательства можно сослаться на следующий пример. Говоря о восстановлении церкви Богородицы в Уолсингеме, Джон Пастон отмечает: «Если мне посчастливится обрести какие-то почести... или я буду избавлен от опасности, грозящей мне от моих врагов, то я припишу это Деве Марии»²¹⁵. В данном случае имеет место очевидное разграничение благочестивого деяния (восстановления церкви) и награды, которую Джон Пастон желал бы получить за него от Девы Марии. Это вознаграждение может быть только чем-то мирским и не менее важным, чем избавление от вражеских козней.

Итак, попытаемся проанализировать смысл термина “worship”. Лучшей иллюстрацией будет следующее высказывание Уильяма Пастона, касающееся похорон лорда Фастольфа: «это было сделано со всеми почестями (worship) и согласно его достоинству...»²¹⁶. Определяющее значение в этом случае имеет смысловая связка между понятием «почести» и словесной конструкцией «согласно его достоинству». Наличие

²¹³Все письма в семейных архивах Пастонов, Стоноров и Пламптонов, за редчайшим исключением, начинаются словесными клише: “To my right worshipful cousin...” (моему почтенному кузену); “To my right worshipful husband” (моему почтенному мужу).

²¹⁴Carpenter С. Op. cit. P. 199.

²¹⁵“If I be drawn to any worship... and discharge of mine enemies danger, I ascribe it unto Our Lady” // The Paston Letters. Vol. I. P. 12.

²¹⁶Ibid. P. 138.

такой связи показывает, что «почетным» в среде джентри эпохи Войн Роз почиталось все, что соответствовало четко определенному месту человека в социальной иерархии.

Необходимо подчеркнуть, что наличие правил, регламентировавших поведение человека в зависимости от его социального положения, являлось характерной чертой всей средневековой цивилизации. В данном случае речь идет о значительно менее масштабном явлении — появлении специального понятия, не только четко оформлявшего указанную зависимость, но и напрямую связывавшего общественное одобрение с детальнейшим соблюдением этих норм. О рвении, с которым джентри стремились соблюдать правила приличия, дает представление следующий факт. Чтобы сопровождать короля в его поездке в Норфолк, Джон Пастон, по его же собственному выражению, «обязан был (must) собрать свиту из двадцати человек»²¹⁷. Особого внимания в этом предложении заслуживает глагол “must”, обозначающий крайнюю степень долженствования, и в силу этого чрезвычайно редко употребляемый. По-видимому, Джон Пастон считал абсолютно немыслимым появиться перед королем без подобающей свиты. Можно предположить, что, скрупулезно следуя канонам поведения, джентри символически подтверждали и сохраняли свой социальный статус.

Смысловой оппозицией по отношению к термину «почет» (worship) являлось понятие “disworship” и синонимичное ему “shame” (в данном случае наиболее близким по смыслу будет такой перевод как «бесчестие», «дурная слава» или же «стыд»). Анализ эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов позволяет предположить, что поддержание собственного социального статуса в региональных сообществах джентри XV в. превращалось в постоянное балансирование между этими оценочными характеристиками. Следует подчеркнуть, что «бесчестия» в этой среде боялись неизмеримо больше, чем материальных потерь. В одном из писем Маргарет Пастон, сокрушалась, что ей потребуется продать что-то из украшений или столового серебра. Любопытно, что Маргарет огорчались не материальные потери, а «дурная молва» (disworship), ведь она лишится вещей, совершенно необходимых знатной женщине²¹⁸.

Анализ семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов показывает, что самым важным в среде джентри в этот период считалась забота о сохранении и приращении своих маноров. Необходимо напомнить, что именно доходы от земельных владений были основным источником существования джентри, поэтому беречь земли было все

²¹⁷Ibid. Vol. II. P. 70.

²¹⁸Ibid. P. 98.

равно что зарабатывать деньги. В эпистолярных комплексах джентри покупка нового манора описывается почти восторженно, причем в рассказе об этом прекрасном событии всегда присутствует слово “worship”. Продажа земель, напротив, влекла за собой «бесчестие». В качестве примера можно привести письмо, в котором Маргарет Пастон осуждает сына за то, что тот продал принадлежавший Пастонам лес. Это послание заметно выдается над довольно вялым в эмоциональном отношении тоном переписки; его можно назвать откровенно агрессивным. Маргарет писала: «Мне очень жаль, что все должны узнать о твоих действиях, помня о том, как твой отец дорожил лесами в каждом маноре... ты должен был сделать это от великой нужды, иначе ты был бы расточителем, который промотает свои земли... это бесчестие для твоих друзей и радость для врагов»²¹⁹.

По-видимому, столь трепетное отношение к утрате или продаже земель стало результатом царившего в Англии немирья. Система наследования была крайне запутанной, доказательствами служили преимущественно ненадежные свидетельские показания, поэтому практически каждая семья была вынуждена вести одну или несколько земельных тяжб, нередко выливавшихся в вооруженные конфликты. Более подробно этот вопрос будет рассмотрен во второй главе, сейчас же необходимо упомянуть о следующем обстоятельстве. Неуверенность в правах владения неизбежно должна была повышать эмоциональную, субъективную ценность даже самого захудалого манора.

Почетным считался также выигрыш дела в суде (какого, не имело значения). Проигранный процесс, напротив, воспринимался как нечто позорное. В качестве иллюстрации можно сослаться на письмо Томаса Стонора к его супруге — Джейн Стонор. В нем Томас Стонор сообщает, что они выиграли земельную тяжбу, но внимание акцентируется на другом. Томас с упоением пишет о «стыде и позоре», выпавшем на долю его врагов: «Я благодарю Бога, мой противник не приобрел почета... 12 джентльменов в этот день не удовлетворили его притязания... к его величайшему позору»²²⁰. По-видимому, проигрыш тяжбы крайне болезненно отражался на репутации джентри, и этот, выражаясь современным языком, имиджевый ущерб, был не менее ощутим, чем материальный.

Данные эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов позволяют констатировать безупречную, практически скрупулез-

²¹⁹“That was right heavy that you should be known of such disposition, considering how your father cherished in every manor his woods... you should did it for a great need, or else you should be a waster and would waste your livelode... it is great shame to your friends and joy to your enemies” // Ibid. P. 124.

²²⁰Stonor Letters and Papers. P. 185.

ную точность, отличающую все финансовые операции джентри. Не случайно весомую часть архива Пастонов составляют письма, целиком посвященные различным хозяйственным вопросам. Еще более очевидным примером является коллекция документов Стоноров. При написании данной работы автор пользовался изданием эпистолярного комплекса Стоноров, фактически вновь собранного видным британским историком К. Кингсфордом. Однако существует также собрание бумаг Стоноров, состоящее преимущественно из приказчиных отчетов и прочих хозяйственных документов. К этому изданию обращался, в частности, Ю.Р. Ульянов²²¹. Сам факт сохранения столь значительной по объему хозяйственной документации является как нельзя более ярким свидетельством финансовой щепетильности джентри.

Одним из самых порицаемых качеств в среде джентри была расточительность. Об этом свидетельствует хотя бы то, что управляющий мог осмелиться написать родственнику своего господина с просьбой вразумить его, дабы тот прекратил непроизводительно тратить деньги и занялся бы, наконец, собственными землями²²². «Добрая слава» джентри не в последнюю очередь зависела именно от того, как много внимания они уделяли управлению своими владениями. В эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов достаточно часто встречаются фразы вроде следующей: «Я прошу тебя поспешить домой и позаботиться о своей выгоде самому»²²³. То есть предполагалось, что именно «забота о своей выгоде» и является первостепенной задачей любого уважающего себя джентри.

Стоит отметить, что внимание к финансовым вопросам и неустанная забота о приращении собственных владений заметно отличались как от традиционного куртуазного идеала, так и от стандартов поведения английских аристократов соответствующего периода. Э. Крауфорд подчеркивает, что в эпоху Войн Роз магнатам приличествовала щедрость²²⁴. Джентри, напротив, были весьма прижимисты и даже при дворе старались тратить как можно меньше. Прекрасной иллюстрацией может послужить следующий случай. В течение нескольких лет Джон Пастон-младший занимал одну из мелких придворных должностей; жил он, разумеется, не на жалование, а на деньги, которые ему

²²¹Перу Ю.Р. Ульянова принадлежит несколько исследований, в которых детально воссоздается эволюция структуры манора Стонор, его экономическое развитие и т.п. См.: Ульянов Ю.Р. Образование и эволюция структуры манора Стонор в XIV—XV вв...; Он же. Экономическое развитие манора Стонор в XIV—XV вв...; Он же. Новая вотчина в Англии в XIV—XV вв...

²²²The Paston Letters. Vol. I. P. 124.

²²³Ibid. Vol. II. P. 60.

²²⁴Crawford A. The Private Life of John Howard... P. 10.

присылали из дома. В самом начале карьеры Джон имел несчастье выйти за рамки бюджета. Молодой человек написал отцу длинное, прочувствованное и почти униженное письмо²²⁵, но денег не получил. Пастон-старший резонно решил, что голодная смерть его отпрыску не грозит и предпринял настоящее расследование. Лишь после того как брат главы семейства официально подтвердил, что Джон не расточительствовал, а просто еще не освоился со столичными ценами²²⁶, Пастон-старший выслал сыну очень скромную сумму. Неудивительно, что с тех пор Джон тщательно планировал свои расходы.

Во второй половине XV в. «почетным» в среде джентри центра, юго-востока и севера Англии становится такое качество как образованность. Одно только количество писем в семейных архивах Пастонов, Стоноров и Пламптонов красноречиво свидетельствует — умение бегло читать и писать было обязательным для любого представителя этого социального слоя, причем женщины владели пером ничуть не хуже, чем мужчины. То, что в письмах джентри и их корреспондентов иногда встречались французские и даже латинские фразы²²⁷ свидетельствует — большинство представителей «нового дворянства» обладало хотя бы начальными познаниями в этой области.

Однако «добрую славу» джентри приносили отнюдь не абстрактные научные знания. Ценились только практические навыки, приобретенные в каком-либо уважаемом учебном заведении. Интерес к поэзии или сочинениям античных авторов мог вызвать в лучшем случае недоумение. Так, в ответ на крайне нетипичное для джентри высказывание Уильяма Бутонера (Botoner): «я буду также рад хорошей книге стихов, или новой французской книге, как мой господин Фастольф будет рад покупке доброго манора»²²⁸, его корреспондент счел необходимым еще раз поинтересоваться, чем Бутонер собирается зарабатывать себе на жизнь и как идут дела в его владениях²²⁹.

Самым достойным в среде джентри считалось юридическое образование. В частности, большинство мужчин семьи Пастон обучались на юридическом факультете Оксфордского университета. Рельефнее всего представление о пользе юридического образования отразилось в письме Агнесс Пастон: «Я советую тебе хотя бы раз в день думать о совете твоего отца изучать право, ведь он много раз говорил, что тот, кто принадлежит к роду Пастонов, должен уметь защищать себя»²³⁰. Поскольку

²²⁵The Paston Letters. Vol. I. P. 185.

²²⁶Ibid. P. 187.

²²⁷Plumpton Correspondence. P. 9.

²²⁸The Paston Letters. Vol. I. P. 132.

²²⁹Ibid.

²³⁰Ibid. P. 9.

права на землю в Англии эпохи Войн Роз были практически не зафиксированы²³¹, наличие знаний в юридической области являлось насущной необходимостью.

Стоит подчеркнуть, что «почетным» в эпоху Войн Роз стало не только получение какого-либо практического образования, но и присутствие образованных (опять же в исключительно практическом плане) людей в окружении джентри. В частности, Маргарет Пастон писала своему мужу: «Люди думают, что чем больше ученых людей из нашей страны будет в твоём совете, тем больше будет тебе чести»²³², а Пламптоны, в строгом соответствии с этим советом, поддерживали прочные отношения с юристом Годфри Грином, письма которого составляют весомую часть эпистолярного комплекса этой дворянской семьи. Пожалуй, наиболее яркой иллюстрацией того, как высоко ценились люди, получившие юридическое образование, является следующий отрывок из нарратива Роберта Пилкингтона. «В это же время Роберту удалось привезти с собой сквайра, который прозывался Ральфом Хореллом, очень образованного человека, и тот посоветовал Роберту не входить в комнату, где его дело обсуждалось лордами из королевского совета, а когда его заставят войти, не говорить ни слова, пока ему не покажут бумаги, на основании которых его обвиняют, и пока ему не позволят советоваться с людьми из собственного совета... И благодаря его советам это дело, слава Богу, было воспринято лордами благосклонно»²³³. В данном случае автор цитируемого документа — Роберт Пилкингтон — полагал, что существовала четкая зависимость — присутствие в его совете Ральфа Хорелла означало фактический выигрыш дела в суде. Действительно, пока Ральф Хорелл консультировал Пилкингтона, все его появления в различных судебных инстанциях заканчивались благополучно²³⁴.

Итак, «добрую славу» джентри могли принести: приобретение новых земель, неустанная забота о преумножении своего благосостояния, точность денежных расчетов, компетентность, а также выигрыш судебного разбирательства, и необходимая для этого поддержка знающего юриста. По-видимому, ценностная шкала джентри носила в значительной степени утилитарный характер, а общественное мнение не поощряло поступки, не приносившие очевидной отдачи.

Проанализировав ценности, джентри, целесообразно проследить, как они соотносились со значительно более изученной придворной культу-

²³¹Lander J. Family, "Friends" and Politics in Fifteenth-Century England... P. 27.

²³²"It is thought the more learned men ye have of your own country of your counsel, the more worshipful it is to you" // The Paston Letters. Vol. I. P. 201.

²³³Narrative of Robert Pilkington. P. 32.

²³⁴Ibid. P. 34, 36.

рой. Выше было заявлено, что двор был для джентри иной, чуждой культурной средой. Это положение, бесспорно, нуждается в доказательствах. Прежде всего, необходимо напомнить, что основные интересы джентри были связаны с их графством, в котором они проводили большую часть жизни²³⁵. Анализ эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов показывает, что поездки ко двору были не правилом, а исключением и предпринимались исключительно для реализации каких-то практических целей. Во всяком случае, в находящихся в нашем распоряжении эпистолярных комплексах нет ни одного упоминания о посещении столицы ради участия в каком-либо придворном развлечении или церемонии. Даже присутствие на столь грандиозном и значимом мероприятии, как коронация, диктовалось сугубо практическими мотивами. В частности, единственной коронацией, на которой присутствовал Джон Пастон-младший, были торжества по случаю восшествия на престол Эдуарда IV. Причина посещения была чрезвычайно весомой — один из соратников Джона Пастона передал ему, что его желают видеть при дворе, и что в ходе торжеств он будет посвящен в рыцари²³⁶. Уильям Стонор также посетил коронацию Ричарда III лишь потому, что на этом мероприятии присутствовал глава его «партии» — маркиз Дорсет²³⁷.

В эпистолярном комплексе Пламптонов содержится два документа, которые позволяют предположить, что джентри не только не стремились ко двору, но старались по возможности избегать этих поездок. В ноябре 1486 г. глава «партии» Роберта Пламптона и его неизменный покровитель — герцог Нортумберленд — получил пост наместника Западной марки и написал Роберту Пламптону, чтобы тот присоединился к его свите для поездки в столицу²³⁸. Однако Роберт не спешил и спустя неделю получил от герцога следующее письмо: «Я предполагаю, что вы готовитесь поехать со мной... однако я понимаю, что это будет стоить вам не только многих трудов, но также и больших денег, поэтому я предоставляю решение только вашей доброй воле... и не стану проявлять недовольство тем, что вы все еще остаетесь дома»²³⁹. Тот факт, что Роберт Пламптон обычно неукоснительно исполнявший приказания герцога, в этот раз попытался игнорировать его распоряжение, как нельзя лучше свидетельствует — джентри вовсе не стремились присоединиться к радостям придворной жизни.

Необходимо отметить следующую закономерность. Если Пастоны, Стоноры, Пламптоны и их корреспонденты упоминают о поездке в столицу, то в этом письме неизменно присутствуют два обязательных эле-

²³⁵Это положение доказывается выше.

²³⁶The Paston Letters. Vol. I. P. 144.

²³⁷Stonor Letters and Papers. P. 61.

²³⁸Plumpton Correspondence. P. 55.

²³⁹Ibid. P. 56.

мента. Первое — указывается четкая, сугубо практическая цель визита. Например, в 1467 г. Джон Пастон-младший провел несколько месяцев в столице, чтобы отстаивать права владения замком Кайстер. Каждое письмо Джона в указанный период содержит подробный отчет о том, как продвигается дело²⁴⁰. Несмотря на то, что положение обязывало Пастона-младшего участвовать в придворных развлечениях, рассказы о них встречаются крайне редко и вызывают лишь раздражение его адресатов²⁴¹. Вторым необходимым элементом сообщения о пребывании в Лондоне являются жалобы на связанные с поездкой расходы. Так, Брайан Родклиф жаловался Уильяму Пламптону: «Я планирую отправить моего сына — Джона Родклифа — ко двору в начале следующего семестра, чтобы он позаботился о наших делах, поэтому мои расходы на его содержание... видит Бог, возрастут вдвое»²⁴².

О существовании некоторой культурной дистанции между джентри и придворной средой свидетельствуют, в том числе, языковые различия. При дворе английских королей в эпоху Войн Роз нередко звучала французская речь; владение этим языком было обязательным для истинного придворного²⁴³. Между тем, в среде джентри знание французского было скорее исключением из правил. Все документы эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов, кроме нескольких юридических бумаг на латыни, написаны по-английски. Французские фразы в письмах указанных архивов чрезвычайно редки. В частности, в архиве Пастонов они встречаются лишь в текстах, написанных людьми, близкими к придворным кругам, например Томаса Дени. Томас Дени был дворянином, он имел собственный дом в Лондоне, в котором проживал практически постоянно, и регулярно сообщал Пастонам придворные новости²⁴⁴.

О том, что знание французского для джентри было совершенно необязательно свидетельствует следующий факт. Дочери Уильяма Пламптона, вышедшей замуж за одного из придворных, пришлось в спешном порядке овладевать правилами поведения при дворе и французским языком²⁴⁵. Уильям Пламpton был вполне обеспеченным дворянином и дал детям очень приличное образование. Очевидно, что если Анна Пламpton не говорила по-французски, то лишь потому, что для джентри это было бесполезное умение, на овладение которым не стоило тратить деньги и время.

²⁴⁰The Paston Letters. Vol. II. P. 38, 41, 42, 45.

²⁴¹Ibid. P. 43.

²⁴²Plumpton Correspondence. P. 12.

²⁴³Morgan D.A. The House of Policy: The Political Role of the Late Plantagenet Household... P. 28.

²⁴⁴The Paston Letters. Vol. I. P. 42, 82.

²⁴⁵Plumpton Correspondence. P. 8.

Куртуазность считается одним из ключевых качеств дворянской культуры XV столетия. Однако в эпистолярных комплексах джентри куртуазные качества упоминаются крайне редко. Более того, ни в одном из писем не прослеживается связь между понятиями куртуазности и общественного одобрения (“worship”). Между тем, участие в рыцарском турнире, а тем более победа в состязании, для аристократа были поступками весьма почетными. Например, в хронике Р. Фабиана встречаются несколько достаточно развернутых описаний рыцарских турниров. Повествуя о турнире 1467 г. между английскими и бургундскими рыцарями, Фабиан отмечает: «лорд Скайлс приобрел славу (worship), он выбил бастарда Бургундии из седла»²⁴⁶. В данном случае на лицо очевидное культурное различие. Куртуазность, являвшаяся достаточно значимым качеством для аристократии, для джентри была скорее дополнением, которое хотя и могло подтвердить принадлежность своего носителя к благородному сословию, но было не в силах повысить его престиж в глазах сообщества джентри.

О том, что джентри были невысокого мнения о тонкостях рыцарского обращения, говорит и возможность употребления этого слова в негативном контексте. Одним из наиболее рельефных примеров являются следующие слова из письма Эдуарда Пламптона Роберту Пламptonу: “The said master Tunstall gave me right curteouse words at my departing, but therto is no trust”²⁴⁷. В литературном переводе на русский язык это означает — «Этот мастер Танстелл, когда я уходил, расточал мне любезности (куртуазные речи), но этому нельзя верить». В данном случае дело не в том, насколько утонченными были манеры мастера Танстелла. Процитированную фразу вполне можно упростить до словосочетания «куртуазные речи... которым нельзя верить». Необходимо подчеркнуть — в английском языке существовал целый ряд синонимов слова “courteous”, но Эдуард Пламpton предпочел назвать лживые речи мастера Танстелла не вежливыми или любезными, а именно куртуазными. Возможно, излишняя куртуазность, подчеркнутая изысканность в обращении в среде джентри считались скорее дурным тоном.

В то же время, куртуазность аристократов вызывала у джентри искреннее восхищение. Например, одно из писем семейного архива Пастонов целиком посвящено восторженному описанию идеального, с их точки зрения, рыцаря — одного из придворных герцога Бургундии — сеньора Аррана (Arran). Важно заметить, что сеньор Арран принадлежал к самому рыцарственному, изысканному и блестящему двору. Подражать бургундским герцогам стремились все без исключения государи

²⁴⁶Fabian R. The New Chronicles of England and France. P. 655.

²⁴⁷Plumpton Correspondence. P. 59.

Европы, в том числе король Англии²⁴⁸. Рассказ о сеньоре Арране буквально усыпан эпитетами в превосходной степени, к которым джентри прибегали исключительно редко. Итак, сеньор Арран: самый куртуазный, умнейший, приятнейший, самый компанейский, свободнейший, сиятельнейший, пользующийся всеобщей любовью, прекраснейший, лучший лучник, самый преданный своей даме, и, наконец, самый щедрый рыцарь²⁴⁹.

Не меньшее восхищение вызывал и столь яркий элемент придворной жизни, как рыцарские турниры. Например, Джон Пастон, описывая свое участие в одном из них, восклицал: «Я хотел бы, чтобы ты был здесь и видел это, потому что это было самое лучшее зрелище, которое можно было увидеть в Англии»²⁵⁰. Следует заметить, что процитированное письмо было адресовано человеку, оборонявшему замок Пастонов от настоящей осады. Неудивительно, что ответ был не просто прохладным, но резким: «Если тебе доставило бы удовольствие видеть меня на турнире в Илхеме, то честное слово, я бы предпочел хотя бы раз увидеть тебя в Кайстерхолле, чем посмотреть на все королевские турниры, сколько бы их ни было между Лондоном и Илхемом»²⁵¹. Необходимо напомнить, что столь грубые слова вышли из под пера младшего брата Джона Пастона, т.е. человека, занимавшего во внутрисемейной иерархии существенно более низкое положение. И если младший осмелился упрекать старшего, значит тот сделал страшную глупость. Более конкретно — Джон Пастон говорил о рыцарском турнире, в то время как с точки зрения джентри ему следовало посвятить все свое время и силы заботам о сохранении попавших под угрозу семейных владений.

Итак, анализ эпистолярных комплексов Стоноров, Пастонов и Пламптонов позволил установить, что семантические границы понятия “worship” (почет) охватывали практически все сферы жизни джентри XVв. В сущности, на современный русский язык упомянутый термин можно перевести фразой — «жить как должно, в полном соответствии с собственным социальным статусом». Более всего в среде джентри приветствовались качества хорошего управленца, способного не только не растратить семейное состояние, но и значительно его приумножить. «Почетными» считались безупречная точность в денежных делах и практически ориентированное образование. Соответственно,

²⁴⁸ Хейзинга Й. Осень средневековья. М., 1997. С. 78.

²⁴⁹ “The most courteous,.. wisest,.. kindest,.. most companionable,.. freest,.. lightest,.. best spoken,.. gentlest,.. fairest archer,.. devoutest most perfect and true to his lady,.. most bounteous knight” // The Paston Letters. Vol. II. P. 131.

²⁵⁰ “I would that you had been there and seen it, for it was the goodliest sight that was seen in England” // Ibid. P. 42—43.

²⁵¹ Ibid. P. 43.

пренебрежение общепринятыми нормами поведения или следование стандартам другого социального слоя могло принести только «бесчестие». «Позорной» для джентри эпохи Войн Роз была как продажа фамильных владений, так и неуместная для представителя сельского дворянства щедрость, которая в этой среде оценивалась как расточительность. Излишняя куртуазность также вызывала подозрения. По сути, джентри одобряли те действия, которые могли упрочить их социальное положение, и их ценностная шкала имела ярко выраженный утилитарный характер.

В данном случае речь идет о культурных стандартах и ценностных характеристиках для строго определенного социального слоя — джентри. К представителям других социальных групп предъявлялся совершенно иной набор требований. Все это позволяет выдвинуть следующую гипотезу. По-видимому, для региональных сообществ джентри были характерны не только выявленные ранее особенности социальной структуры, но и определенные культурные особенности. Возможно, в эпоху Войн Роз уже имеет смысл говорить о начале формирования двух субкультур внутри дворянского сословия — культуры джентри и аристократической придворной культуры. Не случайно сами джентри воспринимали придворную среду как инородную, констатируя наличие определенной культурной дистанции.

* * *

Итак, на основании имеющихся в нашем распоряжении источников мы можем присоединиться к мнению тех британских исследователей, которые полагают возможным и продуктивным изучение различных аспектов жизни джентри в пределах региональных сообществ. Вышеприведенный анализ показал, что значительная часть социальных связей джентри действительно ограничивалась дворянской средой их графства. Именно в рамках сообществ джентри функционировали «дружеские» объединения и «локальные партии». Сплоченность джентри была тем сильнее, что все дворяне графства знали друг друга в лицо, а родословная соседа и детали его биографии были известны им почти так же хорошо, как собственные. Существование субкультуры джентри, ценностных установок, характерных исключительно для представителей данной социальной группы, также является подтверждением правомерности рассмотрения истории джентри в ее локальном измерении.

Определяющую роль в социальной жизни региональных сообществ играли отношения покровительства. В упрощенном виде эта система связей может быть представлена в виде пирамиды, состоящей из нескольких ярусов. Основополагающим элементом системы являлись так называемые «дружеские союзы», то есть взаимовыгодные объедине-

ния в среде джентри, основанные на общности земельных интересов и ориентированные на отстаивание этих интересов любыми средствами, включая локальные войны. «Дружеские» союзы были отнюдь не монолитны и, в свою очередь, насчитывали несколько ярусов. Нижний ярус составляли люди, пользующиеся покровительством джентри и не обязательно принадлежащие к дворянскому сословию. Джентри внутри «дружеского союза» занимали позицию, четко соответствующую их социальному статусу. Упомянутая внутренняя иерархия «дружеских союзов» находила отражение в том, что по отношению к вышестоящим «друзьям» мог употребляться термин «господин», в то время как обращающийся таким образом мог называть себя его «свитским». «Дружеский союз» состоял из отдельных семей джентри.

Необходимо подчеркнуть, что в XV в. все большее значение в среде джентри приобретает малая семья, состоящая из потомков до второго колена одной супружеской пары. Только в рамках малой семьи считались само собой разумеющимися безусловная поддержка родственников, оказание любой помощи и родственная любовь. Разлад внутри малой семьи считался позорным. Очень близко к семье стояли «свитские» (“servants”). Связь господина и его «свитских» была длительной, поскольку предоставляла определенные преимущества каждой из сторон. В обмен на всемерное покровительство семьи, «свитские» исполняли обязанности посыльных, вооруженной охраны, осведомителей, и, наконец, управляющих.

«Дружеские союзы» вовсе не были самыми крупными объединениями в рамках региональных сообществ джентри. Выше стояли объединения «доброжелателей», состоявшие из нескольких «дружеских союзов», интересы которых не противоречили друг другу. Такого рода образования в Англии XV в. именовались «партиями». Во главе «партии» стоял кто-то из лордов. В свою очередь главы «локальных партий» также являлись членами «дружеского союза», уже в аристократической среде. По-видимому, «партии», действовавшие на общенациональном уровне, представляли собой именно такие объединения аристократических «дружеских союзов». Этот порядок вещей сделал возможным складывание столь крупных и влиятельных объединений, как партии Йорков и Ланкастеров. Наряду с указанными долговременными отношениями, система феодальных отношений в Англии второй половины XV в. допускала существование кратковременных связей, направленных на решение каких-либо конкретных задач.

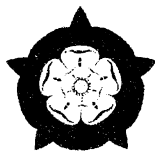
Анализ источников дает возможность говорить о существовании определенных культурных особенностей региональных сообществ джентри. Высшей ценностью в этой среде была добрая слава (“worship”), т.е. общественное одобрение. Приветствовались качества хоро-

шего управленца, точность в денежных расчетах и соблюдение стандартов поведения собственного социального слоя.

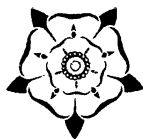
Вышеперечисленное дает возможность предположить, что сообщество джентри как специфический феномен английской социальной истории берет начало в XV в. Черты, характерные для мировосприятия джентри эпохи Войн Роз, отмечаются исследователями как необходимые атрибуты сообществ джентри XVI—XVII столетий²⁵². В частности, Питер Берман, говоря о джентри времен Елизаветы, отмечает, что они, имея прочную опору в локальных сообществах (“country community”), в силу отсутствия механизма, при помощи которого представители данной группы могли бы подтвердить свой социальный статус, помогли сформироваться и институционализироваться отношениям типа клиентелы с центром при дворе²⁵³, что явилось прочной основой монархии Тюдоров. Думается, процесс складывания этих отношений, как и формирование самих сообществ джентри, начался еще в эпоху Войн Роз. Это обстоятельство позволяет отнести начало складывания государственной системы, вылившейся затем в абсолютную монархию Тюдоров, к середине XV в.

²⁵² *Mingay G.E.* The Gentry. The Rise and Fall of a Ruling Class. L., 1976. P. 2—3.

²⁵³ *Bearman P.* Relations into Rhetoric (Local Elite Social Structure in Norfolk, England, 1540—1640). New Brunswick, 1993. P. 177.

Глава II
Война, мир
или немирье?
Войны Роз
глазами Джентри

Войнам Роз посвящен целый пласт англоязычных исследований. Любопытно, что с течением времени трактовка этого конфликта существенно менялась. Вплоть до начала XX столетия Войны Роз считали самым страшным временем в истории Англии, эпохой кровопролитных усобиц¹. К 1980-м гг. картина переменялась до неузнаваемости. Вторую половину XV в. объявили временем мира и процветания, англичане якобы благоденствовали и почти не замечали политических неурядиц². В настоящий момент большинство исследователей полагает, что эпоху Войн Роз все же нельзя считать мирным временем, но дискуссии относительно степени влияния конфликта на жизнь англичан продолжают по сей день.

Помимо прочего, вышеуказанные разногласия вызваны тем, что Войны Роз изучены несколько односторонне. Грызня аристократических кланов, как правило, рассматривается вне связи с другими сферами истории Англии. В англоязычных работах можно найти две Британии. Первая — это страна Кэкстона и первых гуманистов с процветающей экономикой, блестящей придворной культурой, развитой торговлей, богатыми городами и т.п. Вторая — Англия, в которой сторонники Ланкастеров и Йорков сражались, убивали, мстили, предавали, воздвигали и ниспровергали королей. Разумеется, истина, как обычно, где-то посередине.

В настоящей главе мы попытаемся понять, чем же были Войны Роз: гражданскими войнами? Мирным временем? Эпохой смут? Или просто затянувшимся немирьем? Анализ любого аспекта Войн Роз немислим без рассмотрения перипетий политической борьбы 1450—80-х гг., но основное внимание в данной главе будет сосредоточено на других вопросах. Автор ставит перед собой две задачи. Во-первых, воссоздать политическую обстановку в графствах; и во-вторых — выяснить наличие либо отсутствия связи между событиями местного и общенационального масштаба.

Причины Войн Роз

Войны Роз начинают, самое раннее, 1450-м г., но аристократические союзы, впоследствии превратившиеся в «партии» Йорков и Ланкастеров, сформировались как минимум на три десятилетия раньше.

Причиной их появления стала борьба за регентство в первые годы правления Генриха VI (1422—1461). Этот король вступил на престол грудным младенцем и, естественно, не принимал никакого участия в

¹ Треvelyan Д.М. Указ. соч. С. 81—109.

² Goodman A. Op. cit.; Lander J.R. Government and Community...; Pollard A.J. The Wars of the Roses...; Gillingham J. The Wars of the Roses: Peace and Conflict in Fifteenth-Century England...

управлении. По завещанию Генриха V регентство было поделено между двумя дядями юного короля — герцогами Хэмфри Глостером (ему Генрих V завещал управление Англией) и Джоном Бедфордом (в его ведении находились английские владения во Франции). Джон Бедфорд проводил почти все время на континенте, где англичане терпели поражение за поражением. В Англии также было неспокойно — попытки герцога Глостера править самовластно категорически не устраивали других магнатов; при дворе сформировалось две «партии». Одну возглавил герцог Глостер, другую — епископ Винчестерский Генрих Бофор, в жилах которого также текла королевская кровь.

Обе группировки стремились контролировать короля, и в 20-е гг. XV в. их противостояние не раз приводило к вспышкам насилия. Лондонцы были свидетелями драк, погромов и прочих «противоправных действий». В.И. Золотов полагает, что борьба за регентство при малолетнем Генрихе VI «была как бы первыми порывами той бури, которая разразится после 1450 г. и расчистит путь к установлению абсолютной монархии в Англии»³. Тем не менее, конфликт Глостера и Бофора не выходил за рамки борьбы между отдельными представителями царствующего дома за выгодные придворные должности и новые источники доходов⁴. Наивысшим проявлением агрессии в этот период стало появление Бофора и Глостера в парламенте 1426 г. в сопровождении вооруженных дубинками свит⁵. Сказать, что у «партий» Глостера и Бофора была какая-то политическая программа, значит грубо погрешить против истины, и все же был один момент, в котором эти магнаты существенно расходились. Глостер был ярким сторонником продолжения Столетней войны. Бофор, напротив, считал необходимым заключить мир и тем самым сохранить оставшиеся у англичан земли.

В 30-е гг. XV в. борьба аристократических кланов не то чтобы прекратилась, но несколько утихла. И все же, продолжение конфликта было неизбежно — даже достигнув совершеннолетия, Генрих VI не стал самостоятельной политической фигурой. Практически все англоязычные историки видят одну из основных причин политических катаклизмов второй половины XV столетия в личных качествах этого монарха, которые делали его полностью неспособным к управлению государством⁶. Генрих был слабовольным, удивительно добродушным, мягким и чрезмерно благочестивым (иногда он по полдня проводил на коленях то ли в прострации, то ли в молитвенном экстазе); чудовищно нелепо одевался, избегал женщин и, наконец, абсолютно не принимал

³ Золотов В.И. Политический кризис в Англии в 1425—1426 годах // Англия XIV—XVII вв. Горький, 1974. Вып. 2. С. 91.

⁴ Там же. С. 107.

⁵ Штокмар В.В. Указ. соч. С. 89.

⁶ Gillingham J. The Wars of the Roses... P. 254.

насилия. Возможно, Генрих VI не был сумасшедшим в клиническом смысле слова, но как король он попросту никуда не годился.

Немалый урон и без того невысокому престижу Генриха VI нанесло поражение в войне с Францией, оставившее без доходов солдат и промышленявших войной мелких дворян. В 1429 г. была снята осада с Орлеана, Карл VII короновался в Реймсе; в 1432 г. англичане потеряли Руан, Шартр, а затем и целый ряд других крепостей; в 1436 г. английские солдаты были изгнаны из Парижа. В течение нескольких лет англичане лишились всех занятых ими французских городов и крепостей на юго-западе. В 1451 г. был сдан Бордо и окончательно потеряна Гасконь. Несмотря на все усилия вернуть эти земли не удалось. К 1453 г. во владении английского короля остался только город Кале и его окрестности.

Утрата земель на континенте, помимо прочего, привела к нарушению торговых связей с Ганзой и Нидерландами. Это уже затрагивало нечто гораздо более существенное, чем чувства англичан — их кошельки. Провал внешней политики Генриха VI и его окружения казался современникам особенно ощутимым по контрасту с успехами, достигнутыми в царствование его отца — Генриха V, который, согласно договору в Труа (1420) должен был унаследовать французский престол после смерти короля Франции Карла VI Безумного.

Рост влияния магнатов стал одним из наиболее заметных процессов социальной истории Англии первой половины XV столетия. Одному из аспектов этой проблемы посвящена предыдущая глава. В работах современных английских историков отмечаются две ключевые характеристики сложившейся к тому времени системы феодальных связей: во-первых, наличие прямых контрактов с арьер-вассалами, во-вторых, — существования денежного вознаграждения за службу. Эти особенности, в свою очередь, приводили к формированию вооруженных свит магнатов, которые являлись основным аргументом в спорах влиятельных лордов⁷. В качестве примера можно назвать усобицы Невилей и Перси на севере Англии, Тальботов и Беркли в Глостершире, и многих других⁸.

Именно из-за возрастающего влияния магнатов личные качества короля приобретали решающее значение. В частности, Д.Р. Ландер отмечает, что основной причиной Войн Роз была система «ублюдочного феодализма», которая усилила могущество магнатов, доведя его до того опасного предела, когда удерживать их в повиновении мог только сильный король⁹.

Процессы, происходившие в экономике Англии первой половины XV в., также способствовали росту социальной напряженности. В этот

⁷ Ibid.

⁸ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в... С. 15.

⁹ Lander J.R. Crown and Nobility 1450—1509... P. 69.

период начинаются огораживания, немалая часть сельских жителей была вынуждена сняться с насиженных мест и искать новые источники дохода. Эти люди заполняли собой пиратские и разбойничьи шайки, ливрейные дружины дворян¹⁰.

Говоря о социальных причинах Войн Роз, нельзя не упомянуть концепцию, связывающую начало упомянутого конфликта с окончанием Столетней Войны. После завершения военных действий на континенте в Англию вернулось множество профессиональных солдат, которые составили основу отрядов баронов, сражавшихся уже в Войнах Роз. О том, насколько дестабилизирующее влияние на социальную жизнь страны оказывали эти банды безработных наемников, упоминает, в частности, Д.М. Тревельян¹¹. В качестве примера такого отряда, участвовавшего сначала в Столетней Войне, а затем в Войнах Роз, можно указать солдат лорда Фастольфа¹².

Еще одним источником социальной напряженности стала борьба аристократов за придворные и государственные должности, которые были важны, прежде всего, как дополнительный источник дохода. В XV столетии поддержание собственного социального статуса требовало от аристократов ведения роскошного, почти разорительного образа жизни, который был не по средствам даже самым состоятельным представителям указанной социальной группы¹³. В этих условиях доходы от земельных владений не могли покрыть всех нужд аристократов, что заставляло их всеми средствами стремиться к занятию государственных должностей. И, коль скоро должности распределялись при дворе, борьба за них неизбежно выливалась в соперничество дворянских группировок за место у трона.

В сороковые годы XV в. окончательно сформировались два мощных клана, впитавшие в себя значительную часть баронских семей Англии — «партии» Йорков и Ланкастеров. Ядром ланкастерской партии являлись семейства Бофоров и де ла Поль. Ее лидерами были Уильям де ла Поль (герцог Саффолк) и Эдмонд Бофор (герцог Сомерсет). К ним в это время примыкали на севере — дом Перси, на западе — Бонвилли, а также Бомонты, Стаффорды, Хангенфорды и Молейны. Костяк йоркской партии составляли семейства Невилей, Буршье, Моубреев, а лидером ее являлся Ричард Плантагенет (герцог Йорк)¹⁴.

В 40-е гг. XV в. при дворе постепенно возрастало влияние ланкастерской партии, пользовавшейся неизменной поддержкой королевы Англии — Маргариты Анжуйской. Напомним, что Генрих VI был сугубо

¹⁰ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в... С. 9.

¹¹ Тревельян Д.М. Указ. соч. С. 62.

¹² The Paston Letters. Vol. I. P. 45.

¹³ Crawford A. The Private Life of John Howard... P. 7.

¹⁴ Armstrong Ch. England, France and Burgundy in the Fifteenth Century. L., 1983. P. 87.

декоративной фигурой. Его супруга, напротив, обладала незаурядным умом и на редкость сильным характером. Неудивительно, что с течением времени Маргарита Анжуйская приобретала все больший политический вес. Герцог Саффолк был признанным фаворитом королевы и лучшим другом короля, после смерти герцога Бофора (1447 г.) он и вовсе стал фактическим правителем Британии¹⁵.

Таким образом, партия йоркистов, возглавляемая Ричардом Йорком — самым могущественным и богатым магнатом королевства (его годовой доход составлял около 7000 фунтов)¹⁶, оказалась почти полностью устранена от управления, придворных и государственных должностей. Необходимо подчеркнуть, что к тому времени политика Генриха VI не устраивала уже очень многих. В Средние века просчеты короля, как правило, объясняли влиянием «дурных советников»¹⁷, именно поэтому непопулярность Генриха VI выливалась в критику королевы и ее сторонников¹⁸.

К середине XV столетия сложился очевидный дисбаланс между реальным политическим весом йоркистов и их положением при дворе. Ситуация была взрывоопасной. Историки единодушно указывают на то, что такое положение вещей делало конфликт сторонников Йорка и т.н. придворной партии практически неизбежным¹⁹.

Функционирование местной судебно-административной системы в эпоху Войн Роз

В современной исторической науке общепринятым является следующее положение — основным источником напряженности в графствах были конфликты за земли. Д.Р. Ландер отмечает, что земельные тяжбы вела практически каждая дворянская семья²⁰. Это вполне подтверждается имеющимися в нашем распоряжении источниками. И Пастоны, и Пламптоны, и Стоноры постоянно оказывались втянуты в судебные

¹⁵ Ibid. P. 89.

¹⁶ Bean G.M. The Financial Position of Richard, duke of York // War and Government in the Middle Ages. Cambridge, 1984. P. 182

¹⁷ Блок М. Короли-чудотворцы. М., 1997. С. 134.

¹⁸ Simons E. The Reign of Edward IV. L., 1966. P. 56.

¹⁹ Griffiths R.A. The Crown and the Royal Family in Later Medieval England // Kings and Nobles in the Later Middle Ages... P. 19—20; Pollard A.J. The Wars of the Roses... P. 111, etc.; Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в... С. 19.

²⁰ Lander J.R. Family, «Friends» and Politics in Fifteenth-Century England... P. 27.

процессы, связанные с земельной собственностью²¹. Нарратив же Роберта Пилкингтона полностью посвящен борьбе за манор Меллор (Mellor). Необходимо подчеркнуть, что тяжба за манор Меллор на момент написания книги Р. Пилкингтона длилась уже 24 года и была далека от завершения²². По-видимому, Роберт Пилкингтон решил взяться за перо именно для того, чтобы сохранить все детали упомянутого разбирательства, ведь эти детали могли служить аргументами в дальнейшем споре. Огромное количество земельных тяжб исследователи объясняют, во-первых, отсутствием четкой системы регистрации земельных владений, и, во-вторых, запутанностью механизма их наследования²³.

Для того чтобы понять, могли ли конфликты за земли перерасти во всеобщие беспорядки, необходимо проанализировать функционирование местной судебной-административной системы в эпоху Войн Роз, определить, что было для нее нормой, а что — кризисом.

Главой королевской администрации в графстве являлся шериф, назначаемый королем. В его обязанности входили функции современной исполнительной власти — он должен был наблюдать за соблюдением законов в графстве. В случае их нарушения он мог брать виновных под стражу (если находил это необходимым) и передавать дело на рассмотрение суда большого жюри присяжных. В ведение шерифа также входил выбор присяжных большого и малого жюри²⁴. Если шериф нес какие-либо служебные расходы, то за их возмещением он также обращался к королю. Именно так поступил Томас Стонор, занимавший в 1465г. должность шерифа Девоншира. В своем письме к Эдуарду IV он просит выдать ему патент на получение денег из казначейства, и тем самым возместить его служебные траты²⁵.

Помощниками шерифа в сотнях были бейлифы. И если расходы шерифов возмещал король, то бейлифы за деньгами обращались к шерифам. Так, одно из писем Джона Йема (Yeme) — бейлифа Девоншира — к Томасу Стонору — шерифу этого же графства — начинается со следующих слов: «Также я прошу вас купить мне лошадь в Лондоне, потому что моя пала... И еще у меня были большие расходы, поэтому деньги совсем кончились»²⁶.

²¹ Пастоны оспаривали права на манор Грехем, а также на земли из наследства лорда Джона Фастольфа // *The Paston Letters*. Vol. I. P. 7, 13, 32. e.t.a; Завещание Уильяма Пламптона вызвало многочисленные судебные иски // *Plumpton Correspondence*. P. 43, etc. Стоноры были втянуты в тяжбу за манор Эрмингтон (Ermington) и Нарслинг (Nursling) // *Stonor Letters and Papers*. P. 125, 394.

²² *Macray W.D. Introduction // Report on Manuscripts in Various Collections...* P. VI.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Lander J.R. Government and Community: England 1450—1509...* P. 52.

²⁵ *Stonor Letters and Papers*. P. 160.

²⁶ *Ibid.* P. 165.

Указанная финансовая зависимость, а также то, что шерифы, как правило, добивались назначения своих помощников и бейлифов из числа собственных сторонников, на практике приводила к тому, что подчиненные шерифов нередко занимались личными делами начальников. В частности, помощник Томаса Стонора, в бытность его шерифом, сообщал своему начальнику, что он переговорил с его должниками, и те согласились выплатить деньги в кратчайшие сроки²⁷.

Судебная власть принадлежала мировым судьям ("justices of pease"). В их функции входили: охрана мира путем подавления бунтов, устройство судебных сессий, передача наиболее сложных дел в ведение королевских судей, контроль за исполнением рабочего законодательства, поддержание единства мер и весов на территории Англии²⁸. Рассмотрение дел в суде графства проводилось на сессиях, имевших место четыре раза в год. Для того чтобы дело было передано в суд, необходимо было, чтобы большое жюри присяжных вынесло обвинение на основании личного знакомства с делом. Затем дело рассматривалось на четверной сессии малым жюри присяжных, которые выносили решение о виновности или невиновности обвиняемого. Наказание определяла коллегия мировых судей²⁹.

Еще одним органом судебной системы были королевские судебные комиссии. Они состояли из королевских судей верховных судов Англии (Суд Королевской скамьи, Суд Общих тяжб, Палата шахматной доски) и выезжали в графства два раза в год для разрешения наиболее сложных дел, переданных в их ведение мировыми судьями. Высшей апелляционной инстанцией в XV в. была Палата Лордов³⁰.

В истории государства и права господствует мнение, что именно система судопроизводства и местного управления была инструментом государственной централизации. По мнению исследователей, период XIV—XV вв. характеризовался постепенным расширением юрисдикции королевских судов и полномочий местной власти, то есть, усилением влияния королевской власти на местах³¹.

Итак, основой конфликтов на местах, по мнению большинства исследователей, были земельные споры³². Попытаемся выяснить, как работала судебная система. Необходимо отметить, что в Англии XV сто-

²⁷ Ibid. P. 175.

²⁸ Griffiths R.A. Public and Private Bureaucracies in England and the Wales in the Fifteenth Century // Transactions of the Royal Historical Society. L., 1980. 5-th series. Vol. XXX. P. 109.

²⁹ Ibid. P. 110.

³⁰ Ibid. P. 112.

³¹ Ibid. P. 115.

³² Треvelyан Д. Указ соч. С. 81; Золотов В.И. Английской общество накануне «Войны Роз»... С. 64; Carpenter C. The Fifteenth-Century Gentry and Their Estates // Gentry and Lesser Nobility in Late Medieval Europe.. P. 36, etc.

летия беспрепятственное получение наследства, также как и спокойное владение собственными землями, было ничем не гарантировано. Судебное разбирательство, начатое обойденными наследниками, вполне могло тянуться десятилетиями.

Приведем в качестве примера историю с получением Пастонами наследства лорда Фастольфа. Сэр Джон Фастольф, бывший одним из богатейших людей Англии, скончался в 1459 г.³³ Для Пастонов удержать все его огромные владения было чрезмерно сложной задачей — на них претендовали слишком многие. В частности, уже через несколько дней после смерти Фастольфа герцог Уилтшир (Wiltshire) захватил принадлежавшие Фастольфу земли в Эссексе³⁴. Объектом пристального внимания герцога Норфолка стал хорошо укрепленный замок в маноре Кайстер. Он поспешил вступить во владение замком, но доказательства, представленные Пастонами в суде, оказались слишком весомыми. Думается, что временному возвращению этого замка в руки Пастонов в значительной степени способствовало то, что Джон Пастон в то время находился в большой милости у Эдуарда IV³⁵.

Но это было только начало. Вскоре двое из душеприказчиков Фастольфа — судья Йелвертон (Yelverton) и Уильям Дженни (Jenney) отказались подтвердить права Джона Пастона на наследство, и, подав на него в суд, захватили несколько маноров покойного в Саффолке³⁶. Они повели атаку по двум направлениям — в церковном суде отстаивали подложность завещания Фастольфа, а в местных судах оспаривали законность владения Пастона-старшего тем или иным манором. Эти судебные разбирательства длились до смерти Джона Пастона в 1466 г.³⁷ Его наследник — сэр Джон Пастон — столкнулся еще и с возобновившимися притязаниями герцога Норфолка на манор Кайстер, который тот снова захватил силой в 1468 г.³⁸ Казалось бы, неприятности Пастонов завершились в мае 1476 г. — дело о наследстве было рассмотрено Тайным Советом и Палатой Лордов, которые окончательно утвердили права Пастонов на эти земли³⁹. Но и это было еще не все. Даже решение Палаты Лордов не помешало герцогу Саффолку в 1478 г. предъявить права на маноры Хеллесдон и Драйтон и захватить их. Борьба за эти земли закончилась лишь в царствование Генриха VII. После смерти сэра Джона Пастона она осложнялась еще и тем, что права на часть на-

³³ Bennet H. Op. cit. P. 10.

³⁴ The Paston Letters. Vol. I. P. 11.

³⁵ Ibid. P. 13.

³⁶ Ibid. P. 14.

³⁷ Ibid. P. 16.

³⁸ Ibid. P. 18.

³⁹ Ibid. P. 26.

следства лорда Фастольфа предъявил Уильям Пастон (брат Джона Пастона-отца, которому они были завещаны).

Очевидно, что судебный процесс по поводу спорных земель в Англии XV в. мог быть практически бесконечным. Недовольные его результатами, если они обладали достаточным влиянием, могли попросту удерживать силой спорные земли, не считаясь с притязаниями законных наследников.

Следует заметить, что судебные разбирательства, оставлявшие хоть какую-то надежду на восстановление справедливости, могли успешно проводиться лишь в отношении недвижимого имущества. Что касается движимости, то ее получал тот, кто первый успевал ей завладеть. Так, Джон Пастон просил свою жену Маргарет никому не сообщать пока о смерти его дяди, чтобы он и другой душеприказчик смогли вывезти и спрятать в надежном месте все ценное⁴⁰. Резонно обратить внимание на то, что во время написания этого письма завещание покойного не было известно, а значит Пастоны вполне могли заниматься откровенным воровством. Но это их мало беспокоило, поскольку найти припрятанное имущество было бы также невозможно, как доказать впоследствии его принадлежность покойному.

Еще одним уязвимым местом судебной системы XV в. были свидетельские показания. Анализ данных эпистолярных комплексов Пастонов, Стоноров и Пламптонов показывает, что ложь под присягой была скорее правилом, нежели исключением. В частности, во время судебных процессов по поводу завещания лорда Фастольфа свидетели постоянно меняли свои показания. Пожалуй, единственным, что могло заставить джентри открыть правду, была тяжелая болезнь. В течение десяти лет один из душеприказчиков Фастольфа клялся, что лорд и не думал оставлять свои земли Пастонам, а его завещание — фальшивка. Однако на смертном одре «желая спасти свою душу» этот человек признался, что все это время он лгал, а Пастоны — законные наследники⁴¹. Серьезные сомнения в объективности свидетельских показаний в Англии второй половины XV в. вызывает и письмо Джона Френда, адресованное Томасу Стонору. В нем Джон Френд сообщает, что хотя в настоящее время он болен и не может встать с постели, он все же хорошо потрудился, и теперь может выслать своему господину список тех, кто согласился свидетельствовать в его пользу в земельной тяжбе с Ричардом Фортескью⁴². Раз Джон Френд ставит согласие упомянутых людей свидетельствовать в пользу его «господина» себе в заслугу, то, очевидно, если бы не его усилия, эти люди либо отказались давать свидетельские показания, либо дали бы их в пользу другой стороны.

⁴⁰ Ibid. P. 145.

⁴¹ Ibid. Vol. II. P. 78.

⁴² Stonor Letters and Papers. P. 151.

Коррупция среди судей также была вполне обычным делом. Например, Брайан Родклиф писал Уильяму Пламptonу: «Я говорил с судьей Бэдфордом и нашел его не расположенным к нам... я думаю, он не согласится нам помочь, если не получит некоторую сумму денег»⁴³. Однако значительно большее влияние на решение судей оказывала их принадлежность к той или иной «партии». В частности, герцог Норфолк ничуть не сомневался в благоприятном для себя решении любого суда, заседавшего на территории его графства⁴⁴. Самоуверенность герцога объяснялась очень просто — в Норфолке существовала единственная крупная «партия», объединявшая всех сколько-нибудь влиятельных джентри графства, и главой ее был сам герцог Норфолк⁴⁵.

В эпоху Войн Роз существовало такое понятие как неприкосновенность судей, но это была не юридическая норма, а следствие банальной коррупции. Судья всегда оказывался в выигрыше, и бороться с ним было попросту бесполезно. Один из первых документов в переписке Пастонов представляет собой отчет человека архиепископа Нориджа, в котором говорится, что нет никакой возможности успешно выдвинуть судебный иск против Пастонов, поскольку недавно умерший Уильям Пастон был мировым судьей, а его сын Джон также заседает в суде⁴⁶.

Таким образом, соблюдение законов в эпоху Войн Роз было понятием весьма условным. Вынесение судебного решения могло бесконечно затягиваться, уже вынесенный приговор — оспариваться, а иногда и не соблюдаться. Описанная в предыдущей главе система локальных «партий» давала местным властям возможность манипулировать судебной системой. Не представляло труда подобрать состав присяжных, которые вынесли бы заранее известное решение. Присяжные были включены во всеобъемлющую систему личных связей, поэтому их решения диктовались не личным желанием, а принадлежностью к определенному «дружескому союзу» с четко обозначенными интересами.

Шерифами в XV столетии в огромном большинстве случаев становились представители дворянского сословия. Именно так дело обстояло в графствах центра, юго-востока и севера Англии. Естественно, шериф также не был исключен из отношений покровительства и при разборе конфликтов не в последнюю очередь руководствовался принципом «внутрипартийной» солидарности. В частности, во время борьбы за манор Грехем между лордом Молейном и Пастонами, лорд Молейн силой захватил спорные земли. Пастонам удалось достать две

⁴³ Plumpton Correspondence. P. 5.

⁴⁴ The Paston Letters. Vol. II. P. 123.

⁴⁵ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в... С. 15.

⁴⁶ The Paston Letters. Vol. I. P. 8.

бумаги, предписывающие взять упомянутого лорда под стражу. Несмотря на это шериф позволил Молейну, который был одним из его сторонников, спокойно уехать из графства.

Влияние шерифа в графстве было очень велико. Во всяком случае, без его благоволения было практически невозможно выиграть судебное разбирательство. Джон Фастольф писал Джону Пастону, что не может рассчитывать на успех «без того, чтобы шериф был его другом в этом деле». Во власти шерифа было изменить решение суда, поскольку в его функции входило назначение присяжных. Так, шериф Норфолка поведаль людям Пастонов, когда тем все-таки удалось добиться суда над Молейном, что «король приказал ему назначить таких присяжных, которые бы оправдали лорда Молейна»⁴⁷.

Умилостивить шерифа можно было, дав ему взятку, что, видимо, считалось самым обычным делом. В 1452 г., рассказывая о тяжбе их родственницы, Агнесс Пастон пишет Джону: «Она попросила у меня совета — не стоит ли дать шерифу денег, чтобы выиграть тяжбу. Я сказала ей, что если она это сделает, то, я думаю, он станет значительно более дружелюбным»⁴⁸. Соответственно, шериф пользовался предоставленной ему властью не только на благо своей «партии», но и на свое собственное.

Необходимо отметить еще одну черту судебно-административной системы эпохи Войн Роз. Как уже было сказано выше, судья, шерифы и другие должностные лица открыто защищали интересы своей «партии», но это обстоятельство лишало их неприкосновенности королевских чиновников. Они, так же, как и другие джентри, могли пострадать в междоусобных столкновениях. В частности, в декабре 1461 г. горожане и джентри взломали двери дома шерифа, выволокли его на улицу и едва не забили насмерть — бедолагу (кстати, совершенно напрасно) заподозрили в том, что он скрывает королевский приказ о перевыборах в парламент. Чтобы вырвать шерифа из рук разъяренной толпы понадобилось вмешательство отряда городской стражи, во главе которого встал лично мэр Нориджа⁴⁹.

По-видимому, давление на должностных лиц было столь же распространенным способом выиграть иск, как и дача взятки. В данном случае все зависело от степени влияния тяжущихся, а также от величины их вооруженных свит. Так, Джона Йема — бейлифа Девоншира в 1465—66 гг. — под угрозой убийства пытались заставить поддержать в суде земельные притязания Джона Фортескью. Это были отнюдь не пустые угрозы. Когда Йем все же выступил против Фортескью, свитские этого джентльмена устроили на него засаду, и бейлифу лишь чудом удалось спастись⁵⁰.

⁴⁷ The Paston Letters. Vol. II. P. 53.

⁴⁸ Ibid. Vol. I. P. 69.

⁴⁹ Ibid. P. 202.

⁵⁰ Stonor Letters and Papers. P. 165.

Короли время от времени пытались навести в деятельности местной администрации порядок, но эти попытки ничего не меняли. Например, вскоре после своего прихода к власти (в марте 1462 г.) Эдуард IV сместил с должности и отдал под суд шерифа Норфолка по обвинению в вымогательстве⁵¹. В письмах из семейного архива Пастонов шериф неоднократно обвинялся и в более тяжелых преступлениях, однако в данном случае речь могла идти просто о замене приверженца Ланкастеров лицом, более угодным новому королю. Такое предположение позволяет выдвинуть тот факт, что смена шерифа не изменила обычный для XV столетия порядок вещей — тот, кто хотел заручиться поддержкой этого чиновника, должен был отплатить за нее деньгами, услугой и т.п. Так, в 1463 г. Ричард Кале (купец, пользовавшийся покровительством Пастонов) узнал о том, что помощникам шерифа в Норидже и Норфолке пришлось распорядиться арестовать его по постановлению большого жюри присяжных за участие в насильственном захвате манора в 1461 г. Получив это известие, Ричард Кале отправился к шерифу, но не затем, чтобы сдаться, а затем, «чтобы узнать насколько он ко мне расположен и попросить его быть благосклонным к вашим бедным людям (имеются в виду люди, пользующиеся покровительством Джона Пастона)»⁵². Судя по тому, что Ричард Кале не был арестован, с новым шерифом удалось «договориться».

Семейный архив Пастонов позволяет привести еще более яркий пример, свидетельствующий о том, как далеко мог зайти шериф, защищая интересы своей «партии». В 1465 г. у шерифа имелось твердое предписание арестовать одного из его «друзей» — Гарри Инглоза, если только он окажется в пределах досягаемости. К ратуше пришла целая толпа противников Инглоза, чтобы власти не смогли сделать вид, что они ничего не знают и арестовали бы обвиняемого, как только тот придет в город. Тем не менее, люди шерифа предупредили Гарри Инглоза, и тому удалось скрыться⁵³. Очевидно, шериф пренебрег королевским приказом, но на его карьере это никак не сказалось.

Шериф в Англии XV столетия мог не только отпустить тех, кого ему было приказано арестовать. Не менее свободно он пользовался и правом арестовывать подозреваемых. В частности, Томас Стонор, занимавший в 1465—66 гг. пост шерифа Девоншира, неоднократно арестовывал свитских человека, оспаривавшего у него несколько маноров⁵⁴.

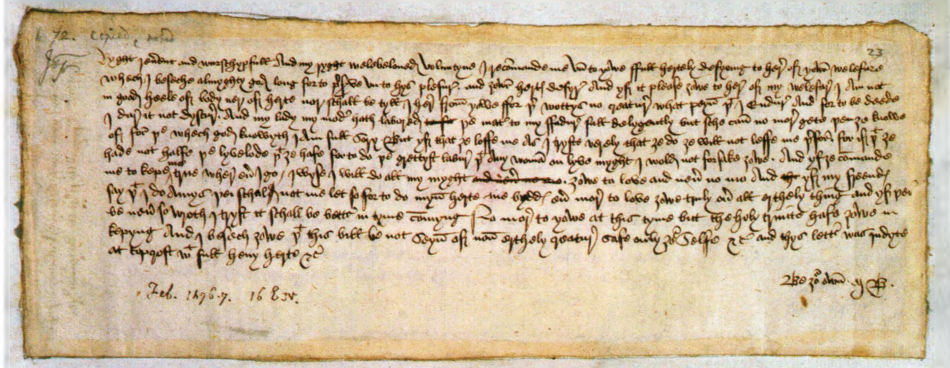
В Англии второй половины XV столетия шерифы также достаточно вольно обращались с имуществом, на которое был наложен арест. В семейном архиве Пламптонов содержится письмо аббата Фонтей-

⁵¹ The Paston Letters. P. 213.

⁵² Ibid. P. 228.

⁵³ Ibid. Vol. II. P. 32.

⁵⁴ Stonor Letters and Papers. P. 163.

Автограф переписки Пастонов

Манор Стонор, современный вид

Генрих VI. Неизвестный художник

Эдуард IV. Неизвестный художник

Елизавета Вудвиль. Неизвестный художник

Ричард III. Портрет начала XVI в. Неизвестный художник

Генрих VII. Неизвестный художник

Елизавета Йорк, супруга Генриха VII. Неизвестный художник

Свиток Эдуарда IV (1461), возводивший его родословную к королю Артуру и другим культовым монархам — классический пример графической пропаганды

Ричард III и Генрих VII. Гравюра Уильяма Фейторна. 1640 г. Ричард III показан стариком с символически сломанным скипетром

на к главе этой семьи, занимавшему в 1493 г. должность шерифа Нортумберленда. В нем говорится: «Один из моих людей — Джон Бейлтон (Bailton)... недавно купил у моего родственника, подателя сего, бочку вина, за которую еще не рассчитался. А сейчас из-за действий этого Джона Бейлтона все его вещи прибывают под арестом и в *вашей воле* (in your will). Я прошу вас, чтобы мой родственник получил свое вино обратно, или компенсацию за него...»⁵⁵. В данном случае необходимо обратить внимание на выделенное словосочетание — арестованное движимое имущество находилось, по мнению современников, «во власти шерифа», который мог распорядиться им по своему усмотрению.

Обычно бейлифы принадлежали к той же «партии», что и шериф. Если же это правило нарушалось, то разбор земельных тяжб напоминал полный хаос. В качестве примера такой ситуации можно привести происходившее в Саффолке в 1465 г. Бейлифы и помощник шерифа в тяжбе Пастонов и герцога Саффолка за манор Коттон поддерживали разные стороны. По-видимому, они принадлежали к разным «дружеским» объединениям. Бейлиф Саффолка принял сторону герцога, а помощник шерифа поддерживал Пастонов⁵⁶.

Приверженность интересам собственной «партии» в эпоху Войн Роз оказывалась более важной, чем выполнение должностных обязанностей. Например, мэр Нориджа в 1467 г. оказывал покровительство терроризирующей округу шайке под предводительством капитана Йелвертона⁵⁷.

С точки зрения современных норм, судебная и административная власть в Англии второй половины XV в. находилась в состоянии глубокого кризиса. Однако тот факт, что каждый человек принадлежал к какой-либо «партии» был очевидным для современников. Когда то или иное лицо назначалось или избиралось на должность, от него не ждали полного пренебрежения интересами его сторонников.

Вероятно, работу судебно-административной системы Англии XV столетия имеет смысл анализировать, используя критерии современников. Нормой для этого периода можно считать функционирование упомянутой системы в рамках отношений покровительства, предполагающее защиту должностными лицами интересов своей «партии». Отступлением же от этой нормы, т.е. кризисом властной системы, в представлении современников, можно назвать периоды, когда действия должностных лиц явно противоречили законам, указам короля и вели к дестабилизации обстановки. В частности, невозможность выдвинуть иск против судьи была нормой для XV столетия, а покровительство

⁵⁵ Plumpton Correspondence. P. 62.

⁵⁶ The Paston Letters. P. 4.

⁵⁷ Ibid. P. 40.

мэра фактически разбойничьей шайке — отступлением от этой нормы, вызывавшим всеобщее возмущение.

Проблема начала Войн Роз. События 1450—1462 гг. глазами джентри центра, юго-востока и севера Англии

Итак, обратимся к анализу обстановки на юго-востоке, в центре и на севере Англии в эпоху Войн Роз. А.Д. Поллард подчеркивает, что главным симптомом обострения обстановки на местах в указанный период было то, что в борьбе за землю стали применяться насильственные методы. В качестве отправной точки можно указать на исследование В.И. Золотова, в котором он отмечает, что в 20-х гг. XV в. конфликты за земли в графствах в огромном большинстве случаев решались совершенно законным путем, т.е. в суде⁵⁸.

Семейный архив Пастонов предоставляет уникальный материал, позволяющий восстановить политическую ситуацию в Норфолке в 40-х—50-х гг. XV столетия. Обострение земельных конфликтов можно наглядно проследить на примере спора за манор Грехем, на который претендовали Пастоны и лорд Молейн.

В 1443 г. лорд Молейн впервые предъявил свои права на манор Грехем, купленный Пастонами несколько лет назад. В этот раз дело ограничилось словесной перепалкой. Лорд Молейн приехал в спорное поместье в сопровождении нескольких вооруженных слуг, чтобы высказать Пастонам все, что он о них думал и пригрозить судом. Наругавшись всласть, дворяне мирно разошлись⁵⁹. По-видимому, в начале 40-х годов XV в. в Норфолке нормой было разрешение земельных споров юридическими методами. Тем не менее, до вооруженного конфликта оставался один шаг — свитские Молейна и Пастонов готовы были ринуться в драку по первому слову своих господ.

Этот шаг был сделан где-то между 1443 и 1448 г. В 1448 г. Агнесс Пастон предупредила своего сына Джона, что, по слухам, лорд Молейн собирается захватить Грехем и набирает наемников⁶⁰. В 1449 г. Маргарет Пастон просила своего мужа достать арбалеты, секиры и нанять как можно больше солдат, то есть приготовиться к осаде⁶¹. В 1450 г. спорный манор был занят лордом Молейном и его вооруженными

⁵⁸ Золотов В.И. Политический кризис в Англии 1425—1426 гг... С. 108.

⁵⁹ The Paston Letters. Vol. II. P. 7.

⁶⁰ Ibid. P. 13.

⁶¹ Ibid. P. 24.

людьми, они попросту вышвырнули из дома законных владельцев.⁶² Семейный архив Патонов не позволяет восстановить всех деталей этого соперничества. Известно, что в 1451 г. Джон Пастон мирно вступил во владение манором Грехем. Видимо, лорд Молейн по каким-то причинам отказался от притязаний на эти земли⁶³.

Следует заметить, что насильственный захват спорного имущества был не заменой судебного разбирательства, а подготовкой к нему, в какой-то степени обеспечивавшей благоприятный исход дела — при прочих равных судьи всегда были на стороне фактического владельца. Немалую роль играли и финансовые соображения. Суды могли длиться годами, и все это время «захватчики» успешно собирали ренту, а также получали доходы от продажи на рынке шерсти, зерна и других продуктов. Не случайно, утвердившись в спорном маноре, джентри сразу же начинали сбор арендной платы. Например, уже через несколько дней после захвата манора Грехем в 1450 г. лорд Молейн спешно затребовал ренту со всех держателей. На имущество непокорных был наложен арест, а в случае упорства их договор аренды грозились расторгнуть⁶⁴.

Необходимо обратить внимание на следующий факт. Слухи о том, что лорд Молейн собирается захватить спорные земли силой ходили два года, однако сам захват был осуществлен лишь в 1450г., т.е. в тот год, когда произошло восстание под предводительством Джека Кэда. Тогда «общины Кента восстали, и пришли в ярость»⁶⁵.

В советской исторической науке восстание Джека Кэда оценивалось как «мощное народное движение, развернувшееся летом и осенью 1450 г. преимущественно на юго-востоке Англии». Силы восставших состояли из крестьян, ремесленников, поденных рабочих, матросов и солдат. На первом этапе к ним присоединилась часть джентри, духовенства и состоятельных горожан. Пестрый социальный состав движения привел к аморфности его требований, сводившихся к необходимости реформы существующего государственного строя, удаления от короля «дурных советников» и замене их Ричардом Йорком. Пользуясь этим, Ричард Йорк появился в Лондоне 20 сентября 1450 г. в сопровождении четырехтысячного отряда и предъявил Генриху VI свой «билль», в котором он требовал наказания его врагов (прежде всего, герцогов Саффолка и Сомерсета) как государственных изменников⁶⁶. Именно это событие Е.В. Кузнецов и предлагал считать началом Войн

⁶² Ibid. P. 32.

⁶³ Bennet H. The Pastons... P. 6.

⁶⁴ The Paston Letters. Vol. I. P. 34.

⁶⁵ Chronicles of London. P. 159.

⁶⁶ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в... С. 19—20.

Роз. Идеологическая ангажированность такой датировки очевидна, она имела смысл только в рамках советской историографии. Восстание Джека Кэда бессмысленно рассматривать как отправную точку борьбы Йорков и Ланкастеров; волнения были использованы йоркистами, но не более того.

В переписке Пастонов о подаче «билля» Ричарда Йорка говорится следующим образом: «И мой лорд Йорк подал билль королю; он хочет того же, чего хотят и общины, и все, что он хочет — справедливо»⁶⁷. По-видимому, требования Ричарда Йорка вызвали положительный общественный резонанс. Такая реакция вполне закономерна, если учесть, что Ричард Йорк желал сместить тех, кого общественное мнение считало причиной всех последних неудач. Сторонников королевы обвиняли и в том, что по их вине были потеряны владения во Франции, и в увеличении налогов, и в повышении цен⁶⁸. Закономерно, что среди требований, выдвинутых Джеком Кэдом, была замена советников короля Ричардом Йорком. Герцог Йорк, выражаясь современным политическим языком, был главой оппозиции, которая критиковала непопулярные решения властей и обещала, в случае своего прихода к власти, изменить ход Столетней войны, вернув владения на континенте⁶⁹, наладить управление государством и прочее. Именно эта популистская политика принесла «партии» йоркистов ощутимую общественную поддержку.

Итак, джентри полагали требования участников восстания Джека Кэда справедливыми. Теперь попробуем выяснить, как они относились к самому выступлению.

В архиве Пастонов есть достаточно любопытный документ, который позволяет взглянуть на восстание Джека Кэда изнутри, глазами одного из его невольных участников. Это письмо кентского джентри Джона Пейна к Джону Пастону, в котором тот описывает свою роль в этих событиях. Думается, имеет смысл пересказать содержание указанного письма. Само восстание Джон Пейн характеризует следующим образом: «общины Кента пришли в ярость»⁷⁰. Пейн был послан к восставшим своим покровителем — Джоном Фастольфом — чтобы узнать их требования. Переговоры не удались, потому что сам Джон Пейн «пришел в ярость», он был схвачен, приведен к Джеку Кэду, провозглашен предателем и приговорен к смертной казни. В этот момент появились его «друзья», то есть несколько джентри, принадлежавших к тому же «дружескому союзу», во главе отряда солдат. Они пообещали напасть на силы Кэда, если Джону Пейну не сохранят жизнь. В результате Пей-

⁶⁷ The Paston Letters. Vol. I. P. 49.

⁶⁸ Simons E. The Reign of Edward IV... P. 57.

⁶⁹ Басовская Н.И. Указ. соч. С. 135.

⁷⁰ The Paston Letters. Vol. I. P. 45.

ну вручили письменные требования восставших, которые он должен был отнести своему господину — лорду Фастольфу. Джек Кэд требовал, чтобы лорд Фастольф распустил собранный им отряд солдат, служивших ему еще во время Столетней войны, и не оказывал его войскам сопротивления. Лорд Фастольф счел за благо подчиниться и уехал в Вестминстер, где в это время находился король. Джон Пейн же был оставлен в замке Джона Фастольфа. Благодаря его усилиям замок был не сожжен, а только разграблен, что Пейн подчеркивал, как свою особую заслугу. Самого Пейна заставили присоединиться к войскам Кэда и участвовать в сражении у Лондонского моста⁷¹, где он был ранен. За участие в битве последовали санкции уже официальных властей — семья Пейна была выселена из дома, все их движимое и недвижимое имущество конфисковано. Только обращение непосредственно к королю и личное вмешательство лорда Фастольфа позволило родственникам Джона Пейна получить прощение, т.е. вернуть их земли. Для самого Джона Пейна неприятности продолжались до 1465 г.⁷²

Джона Пейна ни в малейшей степени не интересовали ни требования восставших, ни причины их выступления. Он воспринимал волнения как опасную смуту, в которую он оказался вовлечен в силу несчастного стечения обстоятельств. Цель мистера Пейна была крайне простой — сохранить собственную жизнь, и, по возможности, — свое имущество, а также имущество покровительствующего ему лорда. Задача «друзей» Джона Пейна также была очевидной — сохранить жизнь своего сторонника. Опытный солдат и влиятельный дворянин — Джон Фастольф — также предпочел, по зрелому размышлению, предоставить разбираться с восставшими королевским войскам. Эта оценка во многом близка к той, которую дает восстанию Джека Кэда Лондонская хроника: «Джек Кэд и его люди выдвинули множество требований, и говорили, что общины Кента сильно обижены, но главной целью кентцев был грабеж»⁷³. Думается, что представление о восстании Кэда как об опасных беспорядках, которые необходимо как можно скорее прекратить, было характерно для большинства современников.

Возвращаясь к анализу политической ситуации в графствах, стоит еще раз отметить, что переход к насильственным методам разрешения земельных споров по времени совпал с восстанием Джека Кэда. Восставшие жгли и грабили замки, они овладели Лондоном после сражения на Лондонском мосту, убили несколько влиятельных сановников,

⁷¹ В данном случае автор письма имеет в виду сражение повстанцев с королевскими войсками 18 июня 1450 г.

⁷² Ibid. P. 44—47.

⁷³ Chronicles of London. P. 159.

в том числе лорда-казначея Англии лорда Сэя, и шерифа Кента⁷⁴. Эти события не могли не оказать влияния на политическую обстановку в Англии. К осени 1450г. относится письмо Маргарет Пастон, в котором она просит своего мужа держать в доме побольше оружия и выходить только в сопровождении нескольких надежных вооруженных людей⁷⁵. Это означает, что возможным стал не только захват спорного имущества, но и убийство его владельца. Следует заметить, что в 1450 г. в переписке Пастонов упоминается лишь о возможности такого убийства, то есть об угрозах противников, вооружении слуг, укреплении домов и т.п. Фактически были сделаны все приготовления к ведению военных действий, но до открытого противостояния вооруженных отрядов дело не доходило.

По-видимому, толчком к началу локальных войн послужили события общенационального значения. В 1450—1452 гг. политические трения между партиями Йорков и Ланкастеров постепенно нарастали, пока в феврале 1452 г., Ричард Йорк не выдвинул требование наказать его врагов (в частности, герцога Сомерсета) как государственных изменников и передать ему их полномочия. В качестве основного аргумента Ричард Йорк собрал армию, приблизительно равную по численности королевским войскам. Британский исследователь Э. Гудман предлагает считать противостояние войск герцога Йорка и королевской армии началом Войн Роз⁷⁶.

Лондонская хроника так описывает эти события: «В этот год в 14-й день февраля король и его лорды отправились в Уэльс, чтобы встретиться с герцогом Йорком, который возвращался из Ирландии. Но когда герцог Йорк услышал, что король едет, он избрал другой путь, и таким образом прибыл в Лондон. Но он покинул Лондон и прошел через Кингстонский мост, и пришел в Кент и недалеко от Брента стал лагерь. И с ним были герцог Девоншира и лорд Кобхем. И король и его люди пришли в ярость. Затем к герцогу Йорку послали епископа Винчестера, герцогов Солсбери и Уорвика; и было достигнуто соглашение, что герцог Сомерсет должен ответить за свои действия по тем статьям (обвинениям), которые против него выдвинет герцог Йорк»⁷⁷.

Сам факт набора двух армий, пусть даже не вступивших в сражение, несомненно, явился шоком для современников. Теперь военные действия могли развернуться не за морем, а, может быть, совсем рядом с их домом, что означало возможность испытать на себе все ужасы войны.

⁷⁴ Штокмар В.В. Указ. соч. С. 91.

⁷⁵ The Paston Letters. Vol. I. P. 35..

⁷⁶ Goodman A. Op. cit. P. 8.

⁷⁷ Chronicles of London. P. 163.

Несмотря на то, что армии герцога и короля не перешли к открытым военным действиям, в графствах этот шаг был сделан. По-видимому, выступление йоркистов и удовлетворение их требований легитимизовало возможность вооруженного разрешения любого конфликта.

В частности, ситуация в Норфолке 1452 г. стала чрезвычайно напряженной. В семейном архиве Пастонов содержится довольно любопытный документ, представляющий собой перечень преступлений, совершенных в Норфолке бандой под предводительством одного из дворян. В этом документе перечислены: убийство на пороге церкви двух слуг епископа Нориджа; нападение на Джона Пастона (также с целью убийства); захват заложника для того, чтобы его родственники отказались от судебного преследования; несколько разбойных нападений; угон скота; насильственный захват манора и нескольких домов⁷⁸. В данном случае речь идет о том, что члены одного из «дружеских союзов» Норфолка, к которому принадлежал и шериф графства⁷⁹, сводили счеты со своими противниками.

В начале 50-х гг. XV в. официальное правосудие в Норфолке фактически бездействовало. Шериф сам был членом одной из враждовавших группировок, а специально созданная комиссия королевских судей не предпринимала никаких действий. В качестве доказательства можно привести следующий факт — петиция, адресованная судебной комиссии и перечислявшая нарушения закона «друзьями» шерифа, не была подписана. Скорее всего, анонимность объясняется страхом перед местью перечисленных в этом документе лиц.

Разумеется, «партия» шерифа была далеко не единственным вооруженным формированием. В письмах, относящихся к началу 1450-х гг, Джон Пастон постоянно упоминает о появлении в окрестностях его владений вооруженных отрядов под предводительством кого-либо из соседей⁸⁰. Набор людей в такие отряды не представлял никаких затруднений — после фактического окончания Столетней войны в Англию возвратилось множество солдат, имевших опыт боевых действий и готовых продать свой меч тому, кто за него больше заплатит⁸¹.

Итак, в 1452 г. «свиты» дворян Норфолка, в это время более всего напоминавшие вооруженные отряды, фактически открыли военные действия. В этой войне были свои стратегические союзы («партии» джентри), свои войска (вооруженные свиты), осады и тому подобное. Неудивительно, что у джентри Норфолка вошло в обыкновение даже в

⁷⁸ The Paston Letters. Vol. I. P. 65—66.

⁷⁹ Ibid. P. 65.

⁸⁰ Ibid. P. 64.

⁸¹ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в... С. 18.

церковь отправляться в сопровождении как минимум трех вооруженных слуг⁸².

Следует заметить, что в письмах, относящихся к периоду 1452—1454 гг., не упоминается об убийстве кого-то из джентри. Говорится лишь о гибели слуг и о нападениях на господ, ни одно из которых, однако, не увенчалось успехом. Последнее обстоятельство не могло быть случайным. Думается, в сознании обитателей графства убийство дворянина еще воспринималось как преступление, за которым неизбежно последует наказание. Речь в данном случае идет не только о преследовании убийц по закону. Смерть одного из членов локальной «партии» неизбежно должна была повлечь за собой месть не только родственников убитого, но и его «друзей». Любопытно, что убийство слуги в письмах, относящихся к 1452—1454 гг., обозначалась словом «беззаконие» (“dislaw”)⁸³. Одно употребление такого термина уже достаточно красноречиво говорит о том, что в 1452—1454 гг. гибель слуг в Норфолке была вполне обычным делом.

Первый, упоминаемый в переписке Пастонов, реальный факт убийства одного из джентри относится к 1455 г. В июне того года Джону Пастону сообщили о нападении на замок лорда Бонвиля и убийстве самого лорда⁸⁴. Напомним, что 22 мая 1455 г. произошло первое сражение между войсками короля и сторонниками герцога Йорка — битва при Сент-Олбансе. Это сражение тем больше способствовало преодолению психологического барьера убийства равного себе, что в Войнах Роз истреблялись именно дворяне, солдатам же оставляли жизнь⁸⁵.

По сравнению с 1450 г. требования йоркистов не изменились — наказание их врагов как государственных изменников и передача им наиболее доходных государственных должностей⁸⁶. Следует заметить, что, перед тем как выступить против короля с оружием в руках, герцог Йорк позаботился о том, чтобы при помощи пропаганды (в частности, в форме тиражирования собственных рассчитанных на публику писем) заручиться общественной поддержкой. Такая поддержка была ему совершенно необходима, если учесть, что для того, чтобы собрать собственную армию, Ричарду Йорку требовалось убедить дворян со своими свитами присоединиться к его «партии». О том, насколько ши-

⁸² The Paston Letters. Vol. I. P. 43.

⁸³ В частности, об убийстве двух слуг епископа Нориджа сообщается в следующих выражениях: «и они убили этих двух слуг... и совершили много других беззаконий (and they have killed the said two servants... and made many other dislaw)» // Ibid. P. 65.

⁸⁴ Ibid. P. 110.

⁸⁵ Goodman A. Op. cit. P. 176.

⁸⁶ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в... С. 20.

роко была развернута агитация йоркистов, свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что в семейном архиве Пастонов есть копии нескольких писем сторонников Ричарда Йорка, в т.ч. письма Ричарда Йорка к Генриху VI, написанного накануне битвы при Сент-Олбансе. В нем Ричард Йорк в самых почтительных выражениях заверяет короля в своих верноподданнических чувствах, говоря, что все, что он хочет — это устранить «дурных советников», которые «пытаются лишить нас вашего благородного общества и вашей благосклонности; а упомянутая благосклонность является для нас единственной радостью и утешением»⁸⁷.

То, что копия письма была отправлена Джону Пастону — далеко не самому влиятельному человеку в графстве, заставляет предположить, что йоркисты очень основательно отнеслись к пропагандированию своей точки зрения. По-видимому, их усилия увенчались успехом, во всяком случае, Лондонская хроника фактически повторяет аргументы сторонников Ричарда Йорка: «В этот год, из-за того, что король не сдержал свои прежние обещания удалить от себя герцога Сомерсета, но показывал к нему такую же любовь, как и до этого, влиятельные лорды, а также общины взволновались. По этой причине герцог Йорк, герцоги Уорвик и Солсбери со многими джентльменами и общинниками пришли для того, чтобы удалить означенного герцога Сомерсета и других от короля...»⁸⁸.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что массовая гибель дворян в междоусобном сражении явилась настоящим шоком для сообщества джентри. Об этом свидетельствует хотя бы то обстоятельство, что беспорядочное письмо Джона Крейна (John Crane) к Джону Пастону, сообщающее об этом событии, начинается с длинного списка убитых при Сент-Олбансе⁸⁹.

По всей видимости, сообщество джентри Норфолка восприняло битву при Сент-Олбансе как борьбу за придворные должности с оружием в руках. Во всяком случае, письмо, посвященное этому событию, четко делится на две части — перечисление убитых и перечисление должностей, которые заняли победители⁹⁰. Следует заметить, что такой способ борьбы за власть очень плохо укладывался в сознании джентри — несмотря на его краткость, в упомянутом письме трижды повторяется мысль: «и какая власть у нас теперь будет, я понятия не имею»⁹¹.

Практически аналогично по содержанию и описание сражения при Сент-Олбансе, содержащееся в архиве Стоноров⁹². Стоит упомянуть о

⁸⁷ The Paston Letters. Vol. I. P. 100.

⁸⁸ Chronicles of London. P. 165.

⁸⁹ The Paston Letters. P. 102.

⁹⁰ Ibid.

⁹¹ Ibid.

⁹² Stonor Letters and Papers. P. 140.

том, что на период 1432—1461 гг. в архиве Стоноров приходится всего 7 писем⁹³. Поэтому сам факт того, что Стоноры сочли необходимым сохранить это письмо, указывает на огромное значение, которое сражение при Сент-Олбансе имело для современников.

Итак, впервые за очень долгое время военные действия развернулись не где-то на континенте или на шотландской границе. К тому же, лорды бились не с врагами королевства, они сражались либо против короля, либо против самого могущественного магната Англии. Неудивительно, что современники были напуганы, возмущены и растеряны. По стране ходили самые невероятные слухи. Так, Джон Бокинг (John Bocking) в мае 1456 г. писал Джону Пастону: «Что касается новостей, то говорили, что лорд Бомонд попал в плен (к сторонникам короля) и мой лорд Уорвик ранен, и еще 1000 человек в плену, и еще шесть рыцарей и сквайров ранены; слава Богу, все это неправда»⁹⁴.

Думается, что в конце 1450-х гг. для англичан не было более желанных новостей, чем вести о примирении враждующих сторон. В 1458 г. тот же Джон Бокинг писал лорду Фастольфу что король и лорды съехались на совет: «Все с Божьей помощью движется к счастливому завершению»⁹⁵. Противостояние власть имущих вызывало только одно желание — поскорее прекратить его. Это могло быть одной из причин, по которой Пастоны проигнорировали королевский приказ, предписывавший им вооруженными, со свитой и провиантом на два месяца явиться в Лестер 10 мая 1459 г.⁹⁶ В отличие от них Пламптоны откликнулись на приказание Генриха VI прибыть в его распоряжение с возможно большим количеством людей от 10 марта 1461 г.⁹⁷ Возможно, исполнение или неисполнение королевского приказа определялось какими-то внешними причинами, которые мы попробуем выяснить в ходе дальнейшего анализа.

Любопытна реакция дворянства Норфолка на притязания Ричарда Йорка на королевскую корону. В целом, джентри Норфолка поддержали намерение герцога Йорка и его сторонников, хотя степень этого одобрения была далеко не одинаковой. И если Маргарет Пастон ограничивается осторожной общей фразой: «в нашей стране много разговоров о желании моего лорда Йорка (получить корону Англии). Люди с почтением отзываются о моем лорде Уорвике»⁹⁸, то в письме брата Брекли

⁹³ Письма распределяются следующим образом: 1432, 1450 (2 документа), 1455, 1457, 1460, 1461 гг.

⁹⁴ The Paston Letters. Vol. I. P. 117.

⁹⁵ Ibid. P. 130.

⁹⁶ Ibid. P. 135.

⁹⁷ Plumpton Correspondence. P. 2.

⁹⁸ The Paston Letters. Vol. II. P. 152.

(Breckley) акценты расставлены значительно более определенно. В нем Бреккли призывает благословение Господне на лордов Уорвика и Солсбери (Salisbury) и обвиняет нынешних правителей в плохом состоянии дел в графстве⁹⁹.

Начало Войн Роз повлекло за собой не только обострение обстановки на местах, но и значительное ослабление королевской власти, выразившееся, в частности, в почти полной потере контроля над местной администрацией. Шерифы в этот период уже не назначались королем, а выбирались из нескольких, предложенных главой графства или герцогства кандидатур. Герцог или граф посылал к тому из магнатов, который в тот момент управлял страной за душевно больного короля, список из нескольких угодных ему кандидатов, из которых тот выбирал одного. Так, вдова обезглавленного герцога Саффолка в 1460 г. послала к находившемуся в то время на гребне успеха Ричарду Йорку своего сына со списком из трех кандидатов на должность шерифа в графстве Саффолк¹⁰⁰.

Несмотря на то, что на территории Норфолка не велись военные действия, к концу 50-х гг. положение дел в графстве окончательно вышло из-под контроля. Ситуация осложнялась тем, что шериф, как уже было сказано выше, активно поддерживал одну из вооруженных банд, терроризировавшую всю округу. В переписке Пастонов нередко следующие высказывания на его счет: «можно насчитать сотню причин, по которым следовало бы написать о нем королю... люди говорят, что даже если он ничего не делал своими руками, он все равно сказал и сделал достаточно, чтобы умереть»¹⁰¹. Заметим, что в данном случае речь идет фактически об обсуждении убийства главы местной администрации. Такая попытка действительно была предпринята в январе 1461 г. Шерифу удалось спастись, но виновные не понесли никакого наказания¹⁰².

Думается, причиной возраставших беспорядков в графстве было то, что армии йоркистов и ланкастерцев в эти годы неоднократно встречались на полях сражений. Воздействие этих событий на психику современников было тем более удручающим, что, как отмечает С.А. Армстронг, противостоящие партии рассылали через своих сторонников совершенно противоположную информацию об одном и том же событии¹⁰³. Точность сообщений значительно уменьшало то обстоятельство, что действительно важные новости, во избежание перлюстрации,

⁹⁹ "God save our good Lords — Warwick, Salisbury and others... for by the way of my soul this realm was utterly undone, as God forbid" // Ibid. P. 149.

¹⁰⁰Ibid.

¹⁰¹Ibid. P. 146.

¹⁰²Ibid. P. 150.

¹⁰³Armstrong C.A. Some Examples of Distribution and Speed of News in England at the Time of the Wars of the Roses // Studies in Medieval History. Oxford, 1948. P. 429.

не писали, а передавали устно с подателем письма¹⁰⁴. Результатом такой пропагандистской политики явилось то, что в Норфолке перестали верить любым вестям из Лондона, если только они не были изложены на бумаге и скреплены печатью лица, заслуживавшего доверия. Так, Джон Пастон старший в 1461г. писал: «Если ты привезешь какие-либо вести от Лордов, то позаботься о том, чтобы они были написаны; ведь новостям, привезенным Дерквортом, не поверили, поскольку он не привез никакого письма, которое могло бы их подтвердить»¹⁰⁵. По всей видимости, хаос разнообразных слухов и сплетен был так велик, что даже заставил дворян Норфолка отступить от обычного правила — не сообщать важных новостей в письменной форме.

В 1461 г. положение дел в Норфолке стало напоминать полный хаос. Можно говорить уже не о несоблюдении законов, а об отсутствии законов как таковых. Передвижение по дорогам стало настолько небезопасным, что Джон Пастон-старший запретил своему сыну покидать их земли¹⁰⁶. Это запрещение было вызвано сразу двумя соображениями — опасением за безопасность сына и тем, что каждый вооруженный человек был необходим для защиты семейных владений.

Анализ данных эпистолярного комплекса Пастонов позволяет выявить прямую зависимость между событиями общенационального масштаба и политической обстановкой в графстве Норфолк. Чем больше обострялась борьба между «партиями» Йорков и Ланкастеров, тем напряженнее становилась ситуация на местах. Необходимо подчеркнуть, что современники событий придерживались точно такого же мнения. В феврале 1461г. Маргарет Пастон прямо писала: «королю и лордам следовало бы понять, как плохо они управляют не только из-за убийств и грабежей, но из-за того мятежа, который они устроили в нашем графстве»¹⁰⁷.

Неудивительно, что воцарение Эдуарда IV было воспринято в Норфолке с большим облегчением, ведь оно означало хоть какую-то определенность. Уильям и Томас Пастоны так описывают это событие: «Наш сюзерен выиграл битву, и в понедельник, когда известие об этом было получено в Йорке, там были устроены празднества и торжественные процессии»¹⁰⁸.

Следует заметить, что приход к власти Эдуарда IV на первых порах не ослабил, а даже усилил напряженность в графстве, поскольку к дестабилизирующим факторам прибавились еще и аресты приверженцев

¹⁰⁴Ibid. P. 435.

¹⁰⁵The Paston Letters. Vol. I. P. 167.

¹⁰⁶Ibid.

¹⁰⁷Ibid. P. 183.

¹⁰⁸Ibid. P. 168.

Ланкастеров. В результате упоминавшейся выше «беспристрастности» королевских чиновников действия, должностующие покарать приверженцев предыдущего короля, зачастую превращались в сведение личных счетов. Спасения в таком случае следовало искать в протекции семьи и друзей, а не у королевского правосудия. Так, Маргарет Пастон в мае 1461 г. сообщает, что жена арестованного ланкастерца «не смеет показаться в собственном имении потому что... если только ее смогут поймать, то арестуют или поместят в какое-нибудь ужасное место до конца ее дней»¹⁰⁹. На момент написания письма женщина скрывалась в монастыре рядом с владениями ее брата, и ее друзья и родственники просили Джона помочь ей, рассказав о ее положении кому-нибудь из влиятельных лордов¹¹⁰.

Кроме возможных арестов обитателям графства по-прежнему угрожали как разбойники, так и не в меру активные соседи, стремившиеся увеличить свои владения в надежде на безнаказанность, ввиду бездействия парализованной местной администрации. Например, в декабре 1461 г. кузен Джона Пастона сообщает ему, что он не может помочь родственнику, вступив по доверенности во владение завещанным тому манором, поскольку его людей и сил едва хватает на то, чтобы защитить свой собственный¹¹¹.

Положение дел в графствах улучшалось медленно еще и потому, что при новом короле администрация функционировала не лучше, чем при старом. Например, шериф Ховард, назначенный на эту должность сразу же после воцарения Эдуарда IV, в конце 1461 г. приказал своим подчиненным вышвырнуть из административного здания Томаса Дени, пришедшего туда в надежде найти управу на третировавших его людей, которые, по несчастной случайности, оказались хорошими знакомыми шерифа¹¹².

Вышеизложенное позволяет прийти к следующему выводу. Несмотря на непрекращающиеся правонарушения и беспорядки, обстановка в Норфолке периода 1452—1462 гг. вряд ли может быть названа гражданской войной. Противостояние в центре на местах оборачивалось разбоем и грабежами, иногда убийствами простолюдинов и очень редко — джентри. Органы местной власти пусть плохо, но функционировали, и, несмотря на вспышки насилия, проблемы, в конечном итоге решались законными методами — на преступников жаловались властям, их заключали под стражу и судили. Спорные маноры захватывали силой, но лишь затем, чтобы впоследствии легализовать свои

¹⁰⁹Ibid. P. 178.

¹¹⁰Ibid.

¹¹¹Ibid. P. 201.

¹¹²Ibid. P. 171.

действия в суде. Конечно, эти годы никак нельзя считать мирным временем, скорее к ним подходит немного устаревшее, но очень емкое слово «немирье».

Стоит отметить, что правление Эдуарда IV было достаточно популярным. Аресты, по мнению современников, свидетельствовали о том, что король наконец-то начал наводить в стране долгожданный порядок. Эдуард IV действительно управлял Британией значительно более твердой рукой, чем его предшественники, что отмечают все историки, изучавшие историю Англии второй половины XV в.¹¹³ Д.М. Лоадс полагает, что Эдуарду IV удалось довольно быстро стабилизировать ситуацию в стране потому, что, в отличие от Генриха VI, этот монарх правил, опираясь на поддержку большинства магнатов¹¹⁴. Любопытно, что уже в 1462 г. Эдуард IV пользовался в Норфолке безоговорочной поддержкой. В архиве Пастонов содержится несколько писем, относящихся к июню 1462 г., в которых Джону сообщается о времени и месте возможной высадки сторонников Ланкастеров. Намерения сторонников Ланкастеров характеризуются как «дьявольские», а одно из писем заканчивается словами «с Божьей помощью мы сможем одолеть их»¹¹⁵. В другом же говорится: «очень многие боятся этого (возможной высадки королевы и ее последствий)»¹¹⁶. Причина такой заинтересованности проста — земли Пастонов и их соседей, которые и сообщали им о возможности высадки армии королевы Маргариты, находились фактически на восточном побережье Англии. Это значит, что упомянутая высадка могла произойти в непосредственной близости от их владений. Вполне вероятным было и то, что за высадкой последует сражение, а это означало, что жители Норфолка на собственном опыте смогут изведать все ужасы полномасштабной войны на своей территории, той войны, которой им до сих пор удавалось избегать.

В эпистолярном комплексе Пламптонов имеется письмо, ясно указывающее на то, что в 1462 г. обстановка в Нортумберленде также начала стабилизироваться. В своем письме к Уильяму Пламptonу его кузен Ричард Бингхем (Bingham) предлагает ему свою помощь в улаживании конфликта с Генри Пирпойнтом (Peapoint). Конфликт же был вызван тем, что во время одного из столкновений 1457—58 гг. Уильям Пламpton убил кого-то из родственников мистера Пирпойнта¹¹⁷. Несмотря

¹¹³Simons E.N. The Reign of Edward IV... P. 299; Ross C. Edward IV... P. 420; Horrox R. Richard III... P. 127 etc.

¹¹⁴Loades D. Politics and the Nation 1450—1660. Obedience, Resistance and Public order. Fontana, 1974. P. 22.

¹¹⁵The Paston Letters. Vol. I. P. 210.

¹¹⁶Ibid. P. 222.

¹¹⁷Plumpton Correspondence. P. 4.

на то, что первый документ семейного архива Пламптонов относится к 1461 г., вышеуказанное письмо проливает свет на обстановку в Нортумберленде конца 1450-х гг. Можно констатировать, что на Севере, так же, как и в Норфолке, имели место вооруженные столкновения отрядов джентри, в которых гибли не только свитские, но и их господа. Таким образом политическая ситуация 1450—1460 гг. в Норфолке и Нортумберленде была весьма сходной. На конец 50-х гг. — 1461 г. приходился пик кризиса, а с воцарением Эдуарда IV началась постепенная стабилизация, первые признаки которой стали очевидными уже в начале 1462 г.

Как уже было отмечено выше, сведения, относящиеся к первому периоду Войн Роз, в семейном архиве Стоноров крайне фрагментарны. Они не позволяют судить о том, какой была ситуация в Оксфордшире и сопредельных графствах в 50-х гг. XV столетия. Тем не менее, письмо управляющего имениями Стоноров в Девоншире — Джона Френда — к Томасу Стонору от 1462 г. показывает, что в этот период земельные конфликты в центре Англии иногда еще решались силой оружия. В указанном письме Джон Френд жалуется на то, что люди Ричарда Фортескью, претендовавшего на земли Стоноров, запугивают его ежедневно, и что он настолько боится за свою жизнь, что не смеет выйти ни в церковь, ни за покупками¹¹⁸. В том же письме Джон Френд упоминает о столкновении между отрядом Ричарда Фортескью и людьми Стоноров¹¹⁹. Эти факты свидетельствуют о том, что обстановка в Девоншире в начале царствования Эдуарда IV была крайне неспокойной. Учитывая общую динамику развития ситуации, вряд ли можно предположить, что в период наибольшего обострения конфликта (во второй половине 50-х гг. XV столетия) ситуация в центральной Англии была более мирной. По-видимому, в этом графстве происходило то же, что и в других, т.е. бесконечные столкновения и беспорядки.

Состояние глубокого кризиса, в котором находились графства с 1452 г., не прошло даром и для экономики. На протяжении этого периода (1452—1462) в переписке Пастонов появляются и начинают встречаться все чаще жалобы на плохие урожаи, трудность сбора денег с арендаторов и т.п. В 1462 г. Маргарет Пастон сообщала своему мужу, что их арендаторы так обеднели, что уже не в состоянии самостоятельно починить те дома, которые сдаются в аренду вместе с земельным участком¹²⁰. В том же письме она жалуется, что цены на сельскохозяйственную продукцию упали настолько, что ее просто невыгодно

¹¹⁸Stonor Letters and Papers. P. 144.

¹¹⁹Ibid.

¹²⁰The Paston Letters. Vol. I. P. 253.

продавать. По-видимому, Войны Роз в период 1452—1462 гг. вызвали обострение экономического кризиса если не в масштабах всего государства, то, во всяком случае, в одном из графств — Норфолке. Оснований полагать, что в других графствах экономическая ситуация была лучше практически нет. Юго-восток Англии, где находилось графство Норфолк, был тем регионом, где хотя бы не происходили сражения армий Йорков и Ланкастеров, соответственно он был в значительной степени избавлен от мародерствующих солдат и прочих последствий полномасштабных военных действий.

Анализ событий периода 1450—1462 гг. глазами джентри дает возможность высказать гипотезу, касающуюся проблемы начала Войн Роз. Обстановка на местах начала накаляться с конца 1440-х гг. Восстание Джека Кэда послужило толчком к началу насильственных захватов спорных земель, противостояние армий Ричарда Йорка и короля в феврале 1452 г. повлекло за собой начало вооруженных столкновений в графствах, а первое сражение Войн Роз — битва при Сент-Олбансе 22 мая 1455 г. — стала причиной обострений упомянутых столкновений, в которых стали убивать не только свитских, но и джентри. Рассмотрение данных источников позволяет присоединиться к датировке начала Войн Роз, предложенной Э. Гудманом — 1452 г. Именно в этом году в юго-восточной Англии земельные споры в среде джентри переросли в серии вооруженных столкновений, и хотя в этих стычках еще не убивали самих джентри, гибель простолюдинов уже никого не удивляла.

Период 1463—1471 гг. в восприятии джентри юго-востока, центра и севера королевства

В современной историографии господствует представление о том, что царствование Эдуарда IV, за исключением короткой реставрации Ланкастеров в 1470—1471 гг., было периодом политической стабилизации¹²¹. Попытаемся выяснить, какой была в этот период политическая обстановка в Центре, на Юго-востоке и Севере Англии. Что касается Юго-востока страны, эпистолярный комплекс Пастонов позволяет установить, что в первый период царствования Эдуарда IV (1461—1470) политическая ситуация здесь постепенно приходила в норму, если считать нормой состояние дел 1440-х гг. Так, в 1465 г. Маргарет Пастон писала своему мужу: «А что касается нашего хозяйства в маноре Кайстер, то, думаю, пяти-шести хорошо вооруженных людей... будет

¹²¹Gillingham J. The Wars of the Roses... P. 253; Штокмар В.В. Указ. соч. С. 104.

вполне достаточно для его безопасности»¹²². Тем не менее, такие явления как насильственный захват манора продолжали оставаться вполне обычным делом. Например, в июле 1465 г., во время конфликта с герцогами Норфолком и Саффолком за несколько маноров из наследства Джона Фастольфа, Джон Пастон советует Маргарет, что, раз уже герцогу Саффолку удалось силой захватить манор Драйтон, им следует послать как можно больше вооруженных людей в остальные владения с приказанием не впускать никого в границы их имения¹²³. Конфликт Пастонов с герцогом Саффолком впоследствии ознаменовался осадой замка Кайстер, многочисленными штурмами, вылазками, разграблением других земель, принадлежащих Пастонам (была ограблена даже церковь в маноре Хеллесдон)¹²⁴ и т.п. Так что обстановка в Норфолке в 60-х гг. была далеко не мирной.

Несмотря на это можно говорить о постепенном спаде политической и социальной напряженности к концу 1460-х. В эпистолярном комплексе Пастонов более не упоминаются бандитские шайки и т.п. Отсутствует информация и о насильственном разрешении тяжб среди их «друзей» и соседей. Свидетельством спада напряженности является и тот факт, что штурмы замка Кайстер не приводили к убийству его защитников. Несмотря на обилие писем, посвященных этой теме, Пастоны не упоминают о гибели кого-либо из своих свитских или тех, кто пользовался их покровительством. Ричарду Кале, Доберней (Dawberney) и другим, участвовавшим в обороне замка Кайстер, постоянно угрожали¹²⁵, но никто не пострадал. Очевидно, герцог стремился захватить спорный замок силой, но отнюдь не желал уничтожить его защитников. По-видимому, в конце 60-х гг. захваты спорных земель могли иметь место, но убийства уже считались недопустимыми.

Приблизительно то же самое можно сказать и о ситуации на севере королевства. С одной стороны, обстановка здесь была несравненно более стабильной, чем во второй половине 50-х гг. XV столетия, а с другой, — конфликты за земли по-прежнему редко протекали в рамках соблюдения законности. В частности, в 1465 г. лорд Уорвик направил Уильяму Пламptonу письмо, в котором сообщалось, что лорд Уорвик узнал о земельном конфликте между мистером Пламptonом и Томасом Скарброу (Scarborough), пользующимся покровительством Создателя Королей. В этом письме Уорвик настоятельно просил главу семьи Пламptonов решить это дело миром, а не захватывать спорные

¹²²The Paston Letters. Vol. II. P. 12.

¹²³Ibid. P. 15.

¹²⁴Ibid. P. 30.

¹²⁵Ibid. P. 19.

земли¹²⁶. Сам факт того, что для решения дела в суде, а не с помощью оружия, понадобилось вмешательство одного из первых сановников королевства, как нельзя лучше свидетельствует о нестабильности обстановки в Нортумберленде середины 1460-х гг.

Анализ эпистолярного комплекса Пламптонов показывает, что столкновения вооруженных свит джентри на севере Англии продолжались и в первый период царствования Эдуарда IV. В частности, в 1466 г. свитские Джона Моливерера, который оспаривал у Уильяма Пламптона несколько маноров, преследовали, избивали и пытались убить свитских Пламптона, принуждая их оставить спорные земли без присмотра¹²⁷.

Необходимо подчеркнуть, что джентри севера Англии считали политическую обстановку середины 60-х годов достаточно нестабильной для того, чтобы крайне неохотно доверять сколько-нибудь важные сведения бумаге. В архиве Пламптонов есть письмо Томаса Мидлтона к Роберту Пламптону, в котором говорится следующее: «Также, если вы будете говорить с моей леди Степлтон, будьте любезны передать ей, что я вверяю себя ее покровительству и дайте ей понять, что я вручил те письма, которые она отправила через меня, и что мистер Бороу настаивает, чтобы она в любом случае сохранила все это в секрете»¹²⁸.

Ситуация в центральных графствах также была достаточно напряженной. Во всяком случае, столь невинная, на первый взгляд вещь, как конфликт священника и прихожан, могла кончиться убийством одного из джентри. Конфликт начался в 1465 г. из-за того, что, по мнению паствы, священник уделял слишком мало внимания своим обязанностям, а закончился тем, что «двенадцать людей священника ждали в засаде появления Джона Пепвайта (одного из джентри Оксфордшира)... а когда он появился, они избили его... и, возможно, даже убили»¹²⁹.

Земельные конфликты в центральных графствах по-прежнему перерастали в столкновения вооруженных отрядов. Противостояние Стоноров и сэра Фортескью за земли в Девоншире в 1465 г. разворачивалось так, как будто законов в английском королевстве в принципе не существовало. В этот период Томас Стонор занимал должность шерифа. Пользуясь своим служебным положением, он неоднократно арестовывал свитских Джона Фортескью. В ответ на это Джон Фортескью во главе отряда из 40 человек, в полном вооружении и в кольчугах ворвался в дом бейлифа Девоншира — Джона Френда (Френд пользовался покровительством Стоноров, а также управлял их имениями в Девоншире). Дом Френда был полностью разграблен, сам он — взят в плен. Его

¹²⁶Plumpton Correspondence. P. 16.

¹²⁷Ibid. P. 25.

¹²⁸Ibid. P. 17.

¹²⁹Stonor Letters and Papers. P. 156.

четыре дня держали в подвале, избивали, и выпустили, взяв выкуп в пять марок¹³⁰. Соответственно, в Девоншире шериф, не стесняясь, арестовывал своих личных врагов, а за его противниками числились: нападение на должностное лицо (бейлифа), взятие его в заложники, избивание, и наконец, взятие выкупа за его освобождение.

В 1468 г. конец противостоянию Томаса Стонора и Джона Фортескью положила победа Томаса Стонора в суде. По-видимому, обстановка в центре Англии к концу 60-х годов стабилизировалась. Возможно, свою роль в мирном разрешении конфликта сыграл и тот факт, что Томас Стонор был отнюдь не последним человеком в графстве. Во всяком случае, глава семьи Стоноров имел полную возможность радоваться своей победе. В письме, адресованном жене, он дает волю эмоциям: «Я благодарю Бога — мой противник по делу в Девоншире не приобрел почета... В тот день в суде его постигли стыд и неудовлетворение, к его величайшему позору»¹³¹.

Серьезным препятствием к стабилизации обстановки на местах были непрекращающиеся попытки подготовки реставрации Ланкастеров, которые влекли за собой аресты и казни. В июле 1462 г. войска королевы Маргариты предприняли первую неудачную попытку напасть на Англию из Шотландии, в октябре 1462 и в мае 1463 г. произошли восстания сторонников Ланкастеров на Севере страны¹³². Север послужил базой первых попыток Ланкастеров восстановить свою власть по следующей причине. Как свидетельствует хроника Варкворта, «королева Маргарита, Генри герцог Эксетер, герцог Сомерсет и другие лорды, которые потерпели поражение в Англии, удержали несколько замков в Нортумберленде... которые они укрепили и создали в них гарнизоны как из англичан, так и из французов и шотландцев»¹³³.

Весной 1464 г. произошли восстания приверженцев Генриха VI в Уэльсе, Чeshire и Ланкашире, а в июне 1468 г. вновь разразилось восстание в Уэльсе¹³⁴. Об арестах, последовавших через несколько месяцев после подавления этого восстания, рассказывает в письме Годфри Грина к Роберту Пламptonу от 9 декабря 1468 г. В нем, в частности, сообщается: «лорд Оксфорд заключен в Тауэр, и говорят, что его держат в оковах, а также, что он признался во многих вещах; а в понедельник после дня св. Андрея, некий Альфорд и Ройнер — люди моего лорда Норфолка, — а также сэр Перис (лондонский торговец кожами) были обезглавлены. А следующим утром сэр Томас Трешам был арестован и заключен в Тауэр... И говорят, что его земли, а также земли многих

¹³⁰Ibid. P. 162—163.

¹³¹Ibid. P. 185.

¹³²Штокмар В.В. Указ. соч. С. 105

¹³³Warkworth Chronicle. P. 24.

¹³⁴Штокмар В.В. Указ. соч. С. 105—108.

других были конфискованы королем. Также арестованы многие другие, имен которых я не знаю»¹³⁵.

Одно из писем архива Стоноров свидетельствует о том, что джентри центральной части королевства стремились уклониться от участия в этих столкновениях. Так, супруга Томаса Стонора писала ему следующее: «Мой кузен Ленгфорт (Langforth) не так давно привез приказ с малой печатью, адресованный тебе и всем другим джентльменам в герцогстве (приказ повелевал прибыть с оружием и провиантом в распоряжение Эдуарда IV для подавления восстания в мае 1463 г.)... Я просила его отложить этот приказ, потому что ты был в отъезде, но он этого не сделал, а посоветовал мне послать за тобой как можно скорее»¹³⁶. Фактически супруга Томаса Стонора, ссылаясь на отъезд мужа, пыталась попросить своего родственника «забыть» о королевском распоряжении. Естественно, она не сделала бы этого, если бы не была полностью уверена, что ее супруг вовсе не горит желанием отправиться воевать с приверженцами Ланкастеров на север королевства. Вряд ли можно предположить, что Томас Стонор был единственным, кто предпочел бы остаться дома, будь у него такая возможность.

Следующая фаза Войн Роз относится к периоду 1470—1471 гг. и связана с недолгой реставрацией Ланкастеров. Этот этап Войн Роз был спровоцирован разрывом Эдуарда IV и Создателя Королей Уорвика. В начале этого года лорд Уорвик уехал на континент, где вступил в союз с королевой Маргаритой и присоединился к «партии» Ланкастеров. А в сентябре «герцог Кларенс, герцог Уорвик, герцог Дебрук, герцог Оксфорд и другие джентльмены высадились в Дортмунде»¹³⁷. К ним присоединились восставшие жители Кента. Фабиан рисует выступление кентцев достаточно неприязненно: «тогда кентцы обозлились и собрались в огромные банды... они пришли в окрестности Лондона и все там разграбили, и разнесли все пивные, мимо которых они проходили»¹³⁸. Эдуард вынужден был бежать в герцогство Бургундское, а на престоле был восстановлен Генрих VI. В марте 1471 г. войска Эдуарда IV высадились в Англии, они разбили основные силы Ланкастеров в сражении 14 апреля 1471 г., в котором погиб и Создатель Королей¹³⁹. 4 мая того же года сторонники Ланкастеров потерпели окончательное поражение в битве при Тьюксбери. Принц Эдуард был убит в сражении, королева Маргарита попала в плен; а всего через несколько дней Эдуард IV приказал умертвить последнего представителя династии Ланкастеров — пожилого, душевнобольного короля Генриха.

¹³⁵Plumpton Correspondence. P. 20.

¹³⁶Stonor Letters and Papers. P. 62.

¹³⁷Chronicles of London. P. 181.

¹³⁸Fabian R. The New Chronicles of England and France. P. 658.

¹³⁹Штокмар В.В. Указ. соч. С. 110—111.

В этот период новости из столицы вновь приобрели для джентри решающее значение. Практически в каждом письме, отправляемом в Лондон еще до высадки армии под предводительством Уорвика, дворяне Норфолка пытаются узнать о здоровье короля, его планах и т.д.¹⁴⁰

Необходимо подчеркнуть, что в эпистолярных комплексах Пастонов, Стоноров и Пламптонов нет ни одной фразы, в которой бы осуждался король, находящийся у власти, и высказывалась поддержка другой «партии». Наиболее ярко эту тенденцию можно проследить на материале архива Пастонов. Когда на троне Англии находился Эдуард IV, джентри Норфолка отзывались о его противниках следующим образом: «люди боятся, что лорды Кларенс и Уорвик могут высадиться на берег в Англии со дня на день»¹⁴¹. В данном случае речь идет о том, что джентри опасались беспорядков, которые неизбежно последуют за такой высадкой. Когда к власти на короткое время пришли Ланкастеры, об Эдуарде IV и его жене в переписке Пастонов по-прежнему упоминается как о короле и о королеве¹⁴². Логичным будет предположить, что для джентри королями и королевами были все, кто когда-либо получил корону. Детали престолонаследия они оставляли в ведении политической элиты. Борьбу за власть джентри воспринимали как серию беззаконий, дестабилизировавших обстановку в стране. Поэтому возможность нового столкновения Йорков и Ланкастеров была для джентри именно угрозой, угрозой их собственному спокойствию.

Новая фаза конфликта вызвала и новое обострение обстановки в графствах. Рассмотрим сначала события в юго-восточной Англии. Здесь нарастание напряженности было особенно очевидным. В частности, власти города Нориджа (ближайшего к владениям Пастонов) сочли необходимым сформировать несколько отрядов для защиты городских стен¹⁴³. Вновь появляются упоминания о разбойничьих шайках¹⁴⁴ и т.п. Противоречивыми, как и в 1460—61 гг., были сообщения с театра военных действий. Джеймс Грехем сообщает Джону Пастону младшему: «в нашей стране ходит множество разных слухов, и ни один из них не согласуется с другим»¹⁴⁵. Временная победа Ланкастеров принесла с собой еще один источник проблем — аресты приверженцев Йорков. Об этих событиях в переписке Пастонов упоминается лишь вскользь, поскольку в это время они пользовались покровительством весьма влиятельного приверженца Ланкастеров — лорда Оксфорда, что гарантировало их безопасность.

¹⁴⁰The Paston Letters. Vol. II. P. 90—91.

¹⁴¹Ibid. P. 96.

¹⁴²Ibid. P. 99.

¹⁴³Ibid. P. 100.

¹⁴⁴Ibid. P. 101.

¹⁴⁵Ibid. P. 107.

Покровительство лорда Оксфорда привело к тому, что Пастоны участвовали в сражении с армией Эдуарда IV в апреле 1471 г. на стороне Ланкастеров¹⁴⁶. Битва эта закончилась победой йоркской партии, поэтому Пастонам не просто пришлось срочно подыскивать нового покровителя, а соглашаться служить любому, кто только мог обеспечить им прощение Эдуарда IV. Джон Пастон младший писал своей матери в июле 1471 г.: «лорд Скайлс (Энтони Вудвиль) даровал мне свое покровительство; здесь совсем нечем гордиться, потому что он помогает своим людям мало даже в самом важном деле, но, по крайней мере, он в скором времени уезжает за море... по этой причине он и будет моим господином, поскольку поможет заслужить мое прощение»¹⁴⁷. В данном случае речь идет о том, что участие в военных действиях на континенте поможет Джону Пастону реабилитироваться в глазах короля. Прощение, о котором здесь идет речь, было не душевным актом, а вполне материальной бумагой, скрепленной королевской печатью.

Таким образом, обострение обстановки в Норфолке в 1470—1471 гг. было значительно меньшим, чем в период 1452—1462 гг. Конфликт на этот раз не зашел так далеко, чтобы стали возможными убийства джентри. В семейном архиве Пастонов также нет сведений о столкновениях вооруженных отрядов и других крупных беспорядках. Безусловно, обстановка в этой части королевства ухудшилась, но беспорядки не переросли в локальные войны.

На ситуацию в центральной Англии новый конфликт «партий» Йорков и Ланкастеров также оказал дестабилизирующее влияние. Уже в начале 1470 г. Джейн Стонор сочла ситуацию достаточно напряженной, чтобы написать своему мужу с просьбой приехать домой как можно скорее, потому что в округе неспокойно¹⁴⁸. В 1470—1471 гг. в центральной части королевства вновь становятся обычными такие явления, как угон скота, запугивание арендаторов и т.п.¹⁴⁹ Возвращение насильственных методов разрешения земельных конфликтов коснулось и семьи Стоноров. В 1471 г. права Стоноров на манор Клифф (Cliffe) оспаривала некая леди Кобхем (Cobham). Она послала вооруженный отряд, который разгромил дом в маноре Клифф и привел в полную негодность жилище управляющего именем — Уильяма Свана (Swan), в котором он жил со своими сестрами. Семью Сван вышвырнули на улицу, в доме выбили все окна, выломали двери, а там, где этого не удалось сделать, сломали замки. Вещи были поломаны и выкинуты на улицу. Арендаторов люди леди Кобхем запугали до такой степени, что они сбегали с арендуемых земель¹⁵⁰.

¹⁴⁶Ibid. P. 109.

¹⁴⁷Ibid. P. 113.

¹⁴⁸Stonor Letters and Papers. P. 198.

¹⁴⁹Ibid. P. 204.

¹⁵⁰Ibid. P. 225.

Стоноры также приняли участие в военных действиях 1470 г. 3 апреля Томас Стонор получил от Эдуарда IV приказание немедленно прибыть к нему и взять с собой столько вооруженных всадников, сколько тот сможет собрать¹⁵¹. Томас Стонор последовал этому приказу, и хотя он сражался на стороне Йорков, при реставрации Ланкастеров семья Стонор не пострадала. О сравнительно прочном положении Томаса Стонора в период восстановления власти Ланкастеров свидетельствует хотя бы письмо человека, пользовавшегося покровительством герцога Саффолка, от 17 января 1471 г. Автор письма просил Томаса Стонора передать королю и Уорвику, что его господин не сможет присоединиться к королевским войскам, поскольку большая часть его свиты распущена на рождественские праздники, а часть — отправлена во владения герцога, чтобы привезти к нему его больную супругу¹⁵². Все эти соображения чрезвычайно напоминают отговорки. Поэтому тот факт, что герцог попросил передать эти известия именно Томаса Стонора, свидетельствует — глава семьи Стонор имел достаточно хорошую репутацию, чтобы самому не попасть под подозрение.

В кампании 1471 г. Томас Стонор участия не принимал. Думается, в данном случае вполне уместным будет сослаться на мнение известного британского историка С. Кингсфорда — издателя классического издания переписки Стоноров. Исследователь подчеркивал, что Томас Стонор в Войнах Роз никогда не поддерживал определенно ту или иную сторону. Единственное, что влияло на его действия — это то, что ему неизменно покровительствовал Джордж Невиль — архиепископ Йорка¹⁵³. По-видимому, в тех случаях, когда Томас Стонор участвовал в сражениях, он присоединялся к войскам своего покровителя.

Очевидно, что хотя новый виток конфронтации между «партиями» Йорков и Ланкастеров дестабилизировал обстановку в центральной Англии, уровень напряженности здесь был значительно меньшим, чем в ходе первой фазы конфликта.

Эпистолярный комплекс Пламптонов не позволяет сколько-нибудь подробно проанализировать политические события 1470—1475 гг. Хронологическое распределение писем в данном случае таково: по одному документу приходится на 1463, 1465, 1472, 1473, 1474 гг. Начиная с 1475 г. количество писем значительно возрастает. Думается, отсутствие известий о событиях 1466—1471 гг. объясняется вопросами комплектования и сохранности семейного архива Пламптонов. Вряд ли возможно предположить, что за эти пять лет глава семьи Пламpton не получил ни одного письма, которое он счел бы достойным хранения. Поэтому

¹⁵¹Ibid. P. 203.

¹⁵²Ibid. P. 204.

¹⁵³Kingsford C. Introduction // Stonor Letters and Papers. P. 51.

тот факт, что в архиве Пламптонов нет ни одного документа за 1466—1471 гг., не может рассматриваться как свидетельство отсутствия каких бы то ни было социальных и политических катаклизмов в жизни этой семьи.

Итак, ряд сражений и узурпаций престола в 1470—1471 гг. привели к дестабилизации обстановки в центральной и юго-восточной Англии. По-видимому, аналогичной была ситуация и в других частях страны. Однако, в этот период в графствах было не в пример спокойнее, чем в 1450—1461 гг. Силловые методы решения земельных конфликтов ограничивались угоном скота, разграблением домов, запугиванием и т.п. Об убийствах речь уже не шла. По-видимому более спокойную обстановку в графствах можно объяснить следующими соображениями. Прежде всего, эта фаза Войн Роз длилась сравнительно недолго, поэтому ее влияние было значительно менее разрушительным, чем в 1452—1461 гг. Кроме того, сама тенденция развития событий в графствах была иной, нежели в 1452-м. Если в то время обстановка постепенно накалялась, то к 1470 г. наблюдалась явная тенденция к стабилизации.

Таким образом, в первый период царствования Эдуарда IV ситуация в стране начала улучшаться, к концу 60-х гг. политическая и социальная напряженность заметно уменьшилась, но вторая фаза Войн Роз свела результаты политики короля Эдуарда к минимуму.

Второй период царствования Эдуарда IV (1471—1483 гг.) глазами джентри северных, центральных и юго-восточных графств

Во второй период своего царствования (1471—1483) Эдуарду IV действительно удалось навести в стране относительный порядок. Это отмечают многие его биографы, например, Чарльз Росс¹⁵⁴.

Постепенное затухание локальных конфликтов наиболее наглядно можно проследить на примере семьи Пастонов. В декабре 1471 г. Маргарет Пастон просила своих сыновей: «Ради любви Господней, ты и твой брат будьте осторожны, смотрите внимательно, куда вы идете и с какими людьми вы пьете или едите, потому что здесь ходят слухи, что вы были отравлены»¹⁵⁵. Причиной, по которой жизнь сыновей Маргарет подвергалась опасности, был практически бесконечный конфликт за земли, завещанные этой семье лордом Фастольфом. В данном случае

¹⁵⁴Ross C. Edward IV... P. 424.

¹⁵⁵The Paston Letters. Vol. II. P. 123.

речь шла о тяжбе с герцогом Норфолком за манор Кайстер. Упомянутый конфликт был прекращен после личного вмешательства короля Эдуарда IV, который в 1473 г. фактически приказал сторонам прийти к какому бы то ни было решению. В результате манор остался во владении Пастонов. Компенсацией герцогу Норфолку послужило то, что глава семьи — сэр Джон Пастон — присоединился к отряду, который герцог формировал для военной компании на континенте¹⁵⁶.

Анализ данных эпистолярного комплекса Стоноров также позволяет говорить о спаде политической напряженности. В письмах, относящихся к 1472—1483 гг., упоминания о каких-либо насильственных действиях в ходе земельных конфликтов встречаются крайне редко. Такие события как угон скота¹⁵⁷ или запугивание арендаторов по-прежнему имели место¹⁵⁸. Важно подчеркнуть, что такого рода действия сопровождали течение конфликта, но не определяли его. В 70-х—начале 80-х гг. XV столетия джентри центральной Англии улаживали свои земельные разногласия в суде. В качестве примера можно привести разбирательство между Уильямом Стонором и Уильямом Викомбом за манор в Оксфордшире. Этот конфликт имел место в 1478 г. и завершился победой Уильяма Стонора в суде¹⁵⁹. В эпистолярном комплексе Стоноров нет упоминаний о нарушении «мира и спокойствия» во время этой тяжбы. Основными аргументами в этом споре были свидетельские показания, юридические ухищрения и т.п.¹⁶⁰

Та же тенденция к затуханию конфликтов наблюдалась в 70-х—начале 80-х гг. XV в. и на севере Англии. В эпистолярном комплексе Пламптонов также почти не упоминается о насильственных методах в разрешении земельных споров. Распря между Уильямом Пламптоном и Робертом Бирнардом (Birnard) была прекращена личным вмешательством герцога Нортумберленда¹⁶¹. О стабилизации обстановки свидетельствует и то, что вышеуказанный конфликт был единственным, в который Пламптоны оказались втянуты за этот период. Исходя из данных архива этой семьи, самым значительным неприятным событием в 70-х—начале 80-х гг. для них стало вторжение шотландцев в Нортумберленд в сентябре 1480 г. В письме герцога Нортумберленда об этом сообщается следующим образом: «Шотландцы в великом множестве вторглись в пределы Нортумберленда. Их злобу, я надеюсь, мы сможем одолеть с Божьей помощью; поэтому по повелению короля — нашего

¹⁵⁶Ibid. P. 156.

¹⁵⁷Stonor Letters and Papers. P. 244.

¹⁵⁸Ibid. P. 247.

¹⁵⁹Ibid. P. 316.

¹⁶⁰Ibid.

¹⁶¹Plumpton Correspondence. P. 28.

сюзерена — я прошу вас... со всеми людьми, которых вы сможете собрать в полном вооружении, приезжайте в Теплив, где я буду ждать вас в понедельник в 8 часов»¹⁶². Роберт Пламpton откликнулся на этот призыв и принял участие в военных действиях¹⁶³.

В нашем распоряжении имеется еще один источник, подробно освещающий течение конфликта за манор Меллор (Mellor) в Дербишире между Робертом Пилкингтоном и Александром Эйнсвортом (Aynsworth) — нарратив Роберта Пилкингтона. Думается, имеет смысл проследить динамику этого конфликта, в какой-то степени отражающую общую ситуацию в Дербишире. В 1474 г. права на манор Меллор, в котором Роберт Пилкингтон жил уже более 5-ти лет, и который он получил в наследство от своей матери, были предъявлены побочным сыном второго мужа матери Роберта Пилкингтона — Александром Эйнсвортом. Эйнсворт явился в спорный манор в сопровождении 200 вооруженных людей и изгнал оттуда прежних владельцев¹⁶⁴. Роберт Пилкингтон обратился в суд, и хотя спорный манор оставался во владении Эйнсворта, дело разбиралось мирно до 1478 г., когда Роберт Пилкингтон был взят в плен людьми сэра Джона Сэведжа (Savage) — покровителя Эйнсворта¹⁶⁵. Пилкингтон пробыл в плену две недели, его били и даже грозились отравить, если он не отступится от своих притязаний на манор Меллор¹⁶⁶. Очевидно, что обстановка в северных графствах к тому времени была уже достаточно стабильной, потому что действия сэра Сэведжа вызвали всеобщее возмущение, и Эйнсворт был вынужден не только отпустить своего противника, но и оставить спорный манор¹⁶⁷. Судебные разбирательства прервались на несколько лет после смерти Александра Эйнсворта в 1479 г., но уже через год права на земли предъявил его сын — Джон Эйнсворт, который начал активно запугивать арендаторов¹⁶⁸. Запугивание держателей оставалось самым серьезным насильственным действием сторон вплоть до конца царствования Эдуарда IV. Таким образом, нарратив Роберта Пилкингтона также свидетельствует о постепенной нормализации обстановке во второй период правления этого монарха.

Необходимо отметить также тот факт, что потенциал королевской власти в правление Эдуарда IV и Ричарда III существенно возрос. Так, если в царствование Генриха VI про подписанную королем бумагу го-

¹⁶²Ibid. P. 40.

¹⁶³Ibid. P. 41.

¹⁶⁴Narrative of Robert Pylkington. P. 28.

¹⁶⁵Ibid. P. 30.

¹⁶⁶Ibid.

¹⁶⁷Ibid.

¹⁶⁸Ibid. P. 31.

ворили, что «каждый может получить ее за нобль»¹⁶⁹, то документы, адресованные кому-либо из дворян и подписанные королями из династии Йорков, как правило, влекли за собой исполнение приказа. В противном случае дворянин пытался лично объяснить королю, почему его приказ не может быть выполнен, самым крайним случаем было принятие письменных извинений, объясняющих причину неподчинения королевской воле. В частности, Джон Пастон в сентябре 1464 г. счел необходимым, как только с его замка была снята осада, предпринять путешествие в Лондон, чтобы уведомить короля о том, что он не мог ранее явиться в столицу, поскольку был занят обороной собственных владений¹⁷⁰.

Завершающий этап Войн Роз

Заключительным этапом Войн Роз исследователи обычно называют период 1483—1485 г.¹⁷¹ То есть завершающей точкой конфликта служит узурпация престола Генрихом VII Тюдором, ознаменовавшая собой приход к власти новой династии. Э. Гудман «продлевает» конфликт до 1497 г.¹⁷² Концом Войн Роз в данном случае служит последнее масштабное выступление Йоркистов — восстание под предводительством Перкина Уорбека.

10 апреля 1483 г. скончался король Эдуард IV. Он оставил престол своим детям, старшему из которых было 12 лет. Наиболее существенной политической проблемой было противостояние клана Вудвилей, выдвинувшегося в связи с женитьбой Эдуарда IV на Елизавете Вудвиль, и родовой аристократии, признанным главой которой был брат короля — Ричард Глостер. Партия королевы была фактически лишена общественной поддержки, что сделало возможным быстрый и практически бескровный захват регентства Ричардом Глостером, который 22 июня 1483 г. сам предъявил права на престол, обвинив своих племянников (детей Эдуарда IV) в том, что они являются незаконнорожденными¹⁷³. Захват власти прошел сравнительно мирно, и уже 6 июля Ричард III короновался «с великой торжественностью»¹⁷⁴. Но 18 октября 1483 г. разразилось восстание под предводительством герцога Бэкингема. Фабиан отмечает: «Ричард III впал в великую

¹⁶⁹The Paston Letters. Vol. I. P. 26.

¹⁷⁰Ibid. P. 189.

¹⁷¹Loades D. Politics and the Nation 1450—1660... P. 21.

¹⁷²Goodman A. Op. cit. P. 116.

¹⁷³Барт М.А. Указ. соч. С. 140.

¹⁷⁴Fabian R. The New Chronicles of England and France. P. 669.

вражду с дворянами королевства..., так что многие уже опасались за свои земли и безопасность, и потому многие пошли с герцогом Бэкингом»¹⁷⁵. В том же году Генрих Тюдор (будущий Генрих VII) предпринял первую попытку высадиться в Англии и захватить трон. Его усилия увенчались успехом в 1485 г, когда он одержал решительную победу в битве при Босворте, в которой «король Ричард был убит потому что многие лорды предали его и перешли на сторону другой партии»¹⁷⁶.

Царствование Генриха VII также не было спокойным. В годы своего правления он неоднократно сталкивался с попытками реставрации Йорков, последней из которых стало восстание под предводительством Перкина Уорбека 1497 г. Перкин Уорбек выдавал себя за младшего сына Эдуарда IV, он был признан таковым многими королями, в том числе королем Шотландии. Эта точка зрения не поддерживается ни пропагандой времен Тюдоров, ни современной исторической наукой. Исключение составляет концепция британской исследовательницы Т. Артурсон, которая полагает, что Прекин Уорбек действительно был сыном короля Эдуарда¹⁷⁷. Восстание под предводительством Уорбека было подавлено, а сам он казнен.

Попробуем проанализировать, что происходило в означенный период в центре королевства, на его юго-востоке и севере. Возможно, анализ событий этого периода с точки зрения джентри даст материал, позволяющий уточнить хронологические рамки конфликта.

Обстановка на юго-востоке королевства в 1483—1500 гг. была достаточно спокойной. Необходимо отметить, что начиная с начала 80-х гг. XV столетия данные семейного архива Пастонов становятся весьма фрагментарными. Поэтому реконструкция событий в графстве может быть только отрывочной.

Узурпация трона Ричардом Глостером в семейном архиве Пастонов не упоминается. В царствование Ричарда III наиболее дестабилизирующее влияние на ситуацию в Норфолке оказало восстание под предводительством Бэкингема. 10 октября 1483 г. Джон Пастон-младший получил от герцога Норфолка предписание немедленно прибыть в его распоряжение, и привести с собой «шесть высоких людей в кольчугах». Эти люди были нужны для обороны Нориджа — герцог опасался, что «кентцы придут и разграбят город»¹⁷⁸. Судя по тому, что уже в начале 1484 г. Марджери Пастон писала своему мужу о тех развлечениях, кото-

¹⁷⁵Ibid. P. 670.

¹⁷⁶Warkworth Chronicle. P. 109.

¹⁷⁷Arthurson T. The Perkin Warbesk Conspiracy 1491—1499. Gloucestershire, 1994. P. 232.

¹⁷⁸The Paston Letters. Vol. II. P. 235.

рые будут устроены в замке леди Морлей, обстановка в герцогстве достаточно быстро пришла в норму.

По-видимому, к 1483 г. внутренняя ситуация в Норфолке была уже достаточно стабильной, а напряжение исходило из внешних источников. Подтверждением этому обстоятельству служит хотя бы тот факт, что в архиве Пастонов есть сообщение герцога Норфолка о высадке Генриха Тюдора и его сторонников¹⁷⁹, но два письма Елизаветы Браун к Джону Пастону-младшему, написанные буквально месяц спустя после этих событий, посвящены исключительно внутрисемейным делам. В дальнейшей корреспонденции речь идет о крушении купеческого корабля вблизи Нориджа¹⁸⁰, о свадьбах, арендной плате и т.п. Таким образом, восстание Бэкингема и узурпация трона Генрихом Тюдором были для джентри Норфолка последними значимыми событиями Войн Роз.

Последние документы семейного архива Стоноров относятся к 1483 г. Они не содержат никакой информации об обстановке в центре Англии, но позволяют судить о восприятии событий общенационального масштаба. Среди указанных писем есть два, принадлежащие перу лондонского джентльмена Саймона Столворта (Stallworth). В них он подробно описывает политическую ситуацию в период регентства Ричарда Глостера. Из указанных документов явствует, что захват регентства герцогом Глостерским и отстранение от власти клана Вудвилей были восприняты джентри вполне спокойно. Саймон Столворт писал: «А что касается новостей, то... королева по-прежнему в Вестминстере... мой лорд протектор и мой лорд Бэкингом с другими лордами были в Вестминстере с десяти до двух, но им не удалось с ней поговорить. Король по-прежнему в Тауэре, а больше всего разговоров сейчас о коронации, к которой идут большие приготовления»¹⁸¹.

Если расправа с родственниками королевы Елизаветы прошла для Ричарда Глостера гладко, то его притязания на корону означали для джентри начало нового политического кризиса. Саймон Столворт восклицает: «А что до новостей, то я просто счастлив, что вас здесь нет, потому что здесь творятся ужасные вещи, и каждый человек подозревает другого... В прошлую пятницу лорд Гастингс был обезглавлен, а еще говорят, что в столицу прибудут 20 000 людей лорда протектора и герцога Бэкингема, а зачем, я не знаю, наверное для поддержания порядка. Архиепископ Йоркский и многие другие в Тауэре (но я предполагаю, что они все равно выйдут оттуда). Дома этих лордов заняты

¹⁷⁹Ibid. P. 236.

¹⁸⁰Ibid. P. 244.

¹⁸¹Stonor Letters and Papers. P. 416.

солдатами, и говорят, что протектор пошлет своих людей в графства, чтобы занять их владения»¹⁸².

Очевидно, что джентри центральной Англии с большим вниманием следили за событиями в столице, которые имели для них тем большее значение, чем ближе к ней располагались их собственные владения. И все же, узурпация Ричарда III не вызвала сколько-нибудь заметных протестов джентри. В частности, Уильям Стонор присутствовал на коронации этого монарха¹⁸³. В данном случае тенденция поддерживать любого находящегося на троне выступает особенно отчетливо. Однако еще большее значение для джентри имели связи с главой собственной «партии». В частности, участие Уильяма Стонора в восстании под предводительством Бэкингема, в результате чего он был вынужден бежать на континент, а его архив был конфискован, объясняется достаточно просто. К Бэкингему присоединился глава «партии» Стоноров — их неизменный покровитель — архиепископ Йоркский¹⁸⁴. Таким образом, в эпоху Войн Роз определяющими были именно соображения «внутрипартийной» солидарности. Сами джентри не выбирали, к какой из враждующих сторон присоединиться, — они вставали на сторону той «партии», в которую входил глава локального «дружеского союза», к которому они принадлежали.

Если на обстановку на юго-востоке королевства последняя фаза Войн Роз существенного влияния не оказала, то на севере страны дела обстояли совершенно иначе. Это объясняется достаточно просто — именно север королевства стал базой сначала восстания Бэкингема, а в царствование Генриха VII — опорой сторонников реставрации Йорков. Как отмечает А.Д. Поллард, прочному союзу северян и йоркской династии положил начало брак Ричарда Глостера с Анной Невиль — дочерью Создателя Королей¹⁸⁵. Этот брак, а также долгое пребывание Ричарда Глостера на посту наместника сделали его главой локальной «партии», что обеспечило ему и дому Йорков в целом поддержку значительной части джентри севера Англии¹⁸⁶.

Восстание Бэкингема сделало Нортумберленд крайне небезопасным. Эдуард Пламpton писал: «Люди в этой стране так страдают от тех действий, которые они (восставшие) предпринимают от имени короля и от своего собственного... люди уже не знают, что им делать»¹⁸⁷. По-видимому, главным источником напряженности служили войска лор-

¹⁸²Ibid. P. 418.

¹⁸³Kingsford C. Introduction // Stonor Letters and Papers. P. 61.

¹⁸⁴Ibid.

¹⁸⁵Pollard A.J. North-Eastern England During the Wars of the Roses... P. 400.

¹⁸⁶Ibid. P. 401.

¹⁸⁷Plumpton Correspondence. P. 44.

да Бэкингема и других лордов, передвигавшиеся по Нортумберленду. Эдуард Пламpton сообщает: «Мой лорд Стенли отправился на север и с ним 1 000 человек, а куда он пошел, никто не знает. Герцог Бэкингем имеет в распоряжении столько людей, что может идти и делать все, что захочет... Вестовые прибывают каждый день, и от короля, и от герцога Бэкингема»¹⁸⁸. Очевидно, что ситуация на севере страны в это время была крайне напряженной.

В этой обстановке конфликты за землю вновь стали решаться через насилие. Если на юго-востоке и в центре Англии в 1484 г. тяжущиеся стороны прежде всего обращались в суд, то в Нортумберленде они, по всей видимости, предпочитали силовые методы. В эпистолярном комплексе Пламптонов присутствует письмо герцога Нортумберленда, в котором тот упоминает о конфликте Джона Поллейна (Polleyn) и Георга Танкарда (Tankard). Герцог несколько раз подчеркивает, что спор «должен быть решен мирно», и требует, чтобы стороны приехали к нему в Йорк¹⁸⁹. Очевидно, что если магнат считал необходимым настаивать на мирном решении конфликта, то без его вмешательства стороны перешли бы к насильственным действиям.

Свержение Ричарда III и узурпация трона Генрихом Тюдором были для джентри Севера страны событиями первостепенной важности. В 1485 г. новости из столицы приобретают для них решающее значение. Томас Бетансон, пользовавшийся покровительством Пламптонов, подробно сообщает им обо всех происшествиях в столице. В одном из писем Бетансона, относящемся к декабрю 1485 г., как нельзя более четко формулируется ответ на вопрос — почему известия о событиях последней фазы Войн Роз были столь важны для джентри северных графств. Бетансон писал: «Сэр, здесь (при дворе) много говорят о том, что на нас снова нападут, но ни один человек не может сказать кто; но, наверное, это будут северяне или жители Уэльса»¹⁹⁰. Англичане конца XV столетия считали север королевства базой йоркистов, местом, из которого исходила угроза власти Генриха VII.

В данном случае ссылка на мнение англичан делается не для того, чтобы его опровергнуть — на севере Англии в самом деле начинались большинство выступлений против короля Генриха. Эта цитата была приведена, чтобы указать на наличие стереотипа, характерного для англичан второй половины XV в., когда север воспринимался как постоянный источник беспорядков. Не случайно А.Д. Поллард выдвигает концепцию двух Войн Роз между Йорками и Ланкастерами

¹⁸⁸Ibid.

¹⁸⁹Ibid. P. 45.

¹⁹⁰Ibid. P. 48.

(1459—1471) и между Йорками и Тюдорами (1483—1487). «Вторая, — пишет А.Д. Поллард, — как раз и была тем, что современные историки описывают как Войны Роз — серией восстаний и битв со случайным исходом»¹⁹¹. Война Йорков и Тюдоров, по мнению исследователя, явилась началом конфронтации Юга и Севера Англии¹⁹². Применительно к завершающей стадии Войн Роз не только в эпистолярном комплексе Пламптонов, но и в других источниках встречается устойчивая смысловая конструкция: «северяне» означает «йоркисты». В частности, для хроники Фабиана как нельзя более характерны следующие фразы: «Ричард Глостер и другие влиятельные джентльмены с Севера»¹⁹³ или «На страх тем, кто был в родстве с королевой и всем другим своим врагам, король Ричард послал за отрядами с Севера»¹⁹⁴. Аналогичная смысловая связь прослеживается и в Лондонской хронике. Описания выступлений йоркистов в царствование Генриха VII зачастую начинаются словами: «И в этом году общины Севера устроили беспорядки и восстание...»¹⁹⁵ Северяне пришли в ярость»¹⁹⁶ и т.п. По-видимому, в царствования Ричарда III и Генриха VII некоторое отторжение между севером и другими частями королевства действительно имело место. Делать более детальные выводы в рамках данного исследования и на базе имеющихся в нашем распоряжении источников было бы некорректным.

Возвращаясь к анализу обстановки в северных графствах в последний период Войн Роз, необходимо отметить, что источником напряженности в этой части королевства служили не только выступления сторонников Йоркской династии, но и ответные акции королевских войск. Так, в письме от 15 февраля 1486 г. Томас Бетансон сообщает Роберту Пламptonу: «Король планирует отправиться на север сразу же после окончания работы Парламента, и здесь (т.е. в Лондоне) говорят, что его цель — наказать тех, кто выступил против него... Король отправится в сопровождении большого отряда, говорят, что с ним будет 10 000 человек»¹⁹⁷. Тот факт, что Генрих VII счел необходимым отправиться на север в сопровождении столь внушительной «свиты» как нельзя лучше свидетельствует о нестабильности обстановки в этой части королевства. Думается, казни противников короля могли лишь усилить внутреннюю напряженность в графствах этой части Англии.

¹⁹¹ Pollard A.J. The Wars of the Roses... P. 111.

¹⁹² Ibid. P. 112.

¹⁹³ Fabian R. The New Chronicles of England and France. P. 668.

¹⁹⁴ Ibid. P. 669.

¹⁹⁵ Chronicles of London. P. 194.

¹⁹⁶ Ibid. P. 205.

¹⁹⁷ Plumpton Correspondence. P. 50.

Семья Пламптонов не пострадала во время беспорядков 1483—1497 гг., что объясняется достаточно тесными отношениями Роберта Пламптона и его покровителя Генри Нортумберленда. Герцог Нортумберленда оставался верен Генриху VII, соответственно, ту же позицию занимал и Роберт Пламpton. Не случайно во время беспорядков лета 1487 г. герцог Нортумберленд приказывает Роберту Пламptonу взять под стражу нескольких мятежников. Он пишет: «Случилось так, что многие джентльмены и другие жители графства, находящиеся у вас в подчинении¹⁹⁸, восстали против короля... участвуя как в последнем сражении, так и в других действиях, направленных против Его Королевского Величества, и поэтому, по повелению короля и от своего имени, я сердечно прошу вас... немедленно после получения этого письма... взять выступивших против короля, а особенно Джона Пиллена и Ричарда Кнарсбороу под стражу и держать их в замке Кнарсбороу до тех пор, пока король не решит, что с ними делать»¹⁹⁹. Письмо аналогичного содержания (изменились лишь имена тех, кого необходимо было заключить под стражу) Роберт Пламpton получил и в 1491 г.²⁰⁰

Роберт Пламpton не только принимал непосредственное участие в арестах противников короля, он также участвовал в битвах заключительной стадии Войн Роз на стороне Генриха VII. Так, в 1489 г. мистер Пламpton получил от герцога Нортумберленда предписание немедленно прибыть с вооруженным отрядом в его распоряжение по повелению короля, которому безоговорочно последовал²⁰¹.

В условиях, когда на территории северных графств постоянно сталкивались войска короля Генриха VII и его приверженцев и войска сторонников реставрации Йорков (Роберт Пламpton зачастую по несколько раз в год получал от герцога Нортумберленда приказания явиться к нему в полном вооружении и с возможно большим отрядом)²⁰², локальные «дружеские союзы» также открыли военные действия. В частности, в 1488 г. Роберту Пламptonу сообщают о том, что некий Роберт Уолкингэм (Walkingham) получил серьезное ранение в одной из таких стычек²⁰³. В 1490 г. герцог Нортумберленд приказывает Роберту Пламptonу разобраться в причине конфликта между двумя джентри, но, прежде

¹⁹⁸Сэр Роберт Пламpton занимал должности констебля замка Кнарсбороу, Главного лесничего владений герцога Нортумберленда и имения герцога Нортумберленда Споффорд (Spofford). Определить, о какой из его должностей речь идет в данном случае на материале эпистолярного комплекса Пламптонов не удастся.

¹⁹⁹Ibid. P. 54.—55.

²⁰⁰Ibid. P. 81.

²⁰¹Ibid. P. 61.

²⁰²Такие приказания поступали в 1487, 1488 г. (дважды), в 1489, 1490 и т.д. // Ibid. P. 69, 72, 73, 74, etc.

²⁰³Ibid. P. 64.

всего, позаботиться, чтобы стороны «соблюдали мир (to see the peace kept in this behalf)»²⁰⁴. Указание на необходимость «соблюдать мир» свидетельствует о том, что на момент написания письма, в котором об этом идет речь, все обстояло как раз наоборот — спорящие «мир не соблюдали».

Исходя из материала эпистолярного комплекса Пламптонов, можно предположить, что обстановка на севере Англии постепенно стабилизировалась примерно с начала 1490-х гг. В этот период из писем исчезают сообщения о вооруженных столкновениях локальных «партий», насильственные методы разрешения конфликтов ограничиваются запугиванием противника²⁰⁵ и порчей его имущества²⁰⁶. По-видимому последним событием, оказавшим на обстановку на севере страны серьезное дестабилизирующее влияние, было выступление Перкина Урбека в 1497 г. Именно в этот год конфликт за земли Роберта Пламптона и Уильяма Гасконь (Gaskogn) ознаменовался приготовлениями к вооруженному противостоянию. Стороны собрали вооруженные отряды, их свитские начали оскорблять и запугивать друг друга²⁰⁷. Тем не менее, дальше приготовлений конфликт не зашел — благодаря вмешательству Генри Нортумберленда тяжбу удалось перенести в суд²⁰⁸. Бесспорно, авторитет герцога был достаточно велик, но сам факт мирного разрешения спора свидетельствует о спаде напряженности. После 1497 г. о насильственных методах решения земельных конфликтов в переписке Пламптонов не сообщается.

Нарратив Роберта Пилкингтона также свидетельствует о возобновлении насильственных методов решения земельных конфликтов после 1483 г. В 1484 г. борьба за манор Меллор ознаменовалась двумя засадами и столкновением вооруженных отрядов, в каждом из которых было более 100 человек²⁰⁹. Подробное перечисление всех стычек этой небольшой войны вряд ли имеет смысл. Достаточно будет сказать, что вооруженные столкновения продолжались наряду с судебными разбирательствами, поскольку судьи не могли прийти к какому-то определенному решению²¹⁰. Так, в 27 апреля 1494 г. «Джон Эйнсворт снова пришел в Меллор с тридцатью людьми в кольчугах... А в следующий понедельник его люди угнали у держателей Роберта Пилкингтона 14 голов скота..., и джентльмен по имени Гарри Стафффорд сжалился над держате-

²⁰⁴Ibid. P. 76.

²⁰⁵Ibid. P. 92.

²⁰⁶Ibid. P. 93, 95, etc.

²⁰⁷Ibid. P. 131.

²⁰⁸Ibid. P. 134.

²⁰⁹Narrative of Robert Pilkington. P. 31.

²¹⁰Ibid. P. 33.

лями и заплатил Джону Эйнсворту 12 шиллингов, чтобы тот не убивал животных...»²¹¹. Анализируемый документ практически полностью состоит из описаний такого рода происшествий. Локализовать конфликт не помогло даже вмешательство герцога Дерби, который в 1495 г. пытался заставить стороны примириться²¹².

Анализ данных нарратива Роберта Пилкингтона, также как и данные архива Пламптонов, позволяет предположить, что последним событием, дестабилизировавшим ситуацию на севере страны, было выступление Перкина Уорбека. В 1497 г. Роберт Пилкингтон отмечает, что рассмотрение его дела в Лондоне королем было отложено, потому что «король был озабочен восстанием... И тогда же Джон Эйнсворт снова пришел в Меллор и пытался разорить дом»²¹³. После 1497 г. сообщения о насильственных акциях сторон практически исчезают из манускрипта Пилкингтона, и он превращается в изложение подробностей судебных разбирательств в разных инстанциях, пересказ доказательств, аргументов юристов и показаний свидетелей. Бесспорно, насильственные меры не были прекращены полностью, однако самой интенсивной из них к 1499—1500 гг. становится угон скота, после которого пострадавшая сторона отправляется не спасать животных как в 1494 г., а идет в суд²¹⁴.

Таким образом, события последнего этапа Войн Роз оказали на обстановку в северной Англии самое непосредственное влияние. Столкновения сторонников Йорков и войск Генриха VII привели к восстановлению силовых методов решения земельных споров, включавших в себя столкновение вооруженных свит джентри, ограбления, угон скота и т.п. Напряженность начала спадать лишь во второй половине в 1490-х гг., а о стабилизации ситуации можно говорить только после 1497 г.

* * *

Во всех без исключения исследованиях, принадлежащих перу отечественных историков, присутствует тезис о поддержке части джентри (новым дворянством) династии Йорков. Поддержка эта понимается как предпочтение, оказываемое Йоркам перед Ланкастерами на протяжении всех Войн Роз. Пастоны же в этих трудах характеризуются как типичные представители «нового дворянства»²¹⁵. Однако на материале эпистолярного комплекса Пастонов сделать вывод о таких предпочте-

²¹¹Ibid. P. 34.

²¹²Ibid. P. 35.

²¹³Ibid. P. 40.

²¹⁴Ibid. P. 45.

²¹⁵Бархатова О.Н. Переписка Пастонов как источник по социально-экономической и политической истории Англии XV в... С. 9.

ниях не представляется возможным — в частности, в кампании 1471 г. Пастоны сражались на стороне Ланкастеров.

В данном случае симпатии «нового дворянства» оказываются совершенно идентичными симпатиям джентри в целом. Пастоны, Пламптоны, Стоноры и все джентри, которые упоминаются в их семейных архивах в соответствующем контексте, поддерживали не Йорков, Ланкастеров или Тюдоров, а главу собственной локальной «партии». В качестве наглядного примера можно привести позицию, которая занимала семья Пламптонов. Главы этой семьи на протяжении как минимум двух поколений пользовались покровительством герцогов Нортумберленда. Глава семьи Пламптон неизменно присоединялся к свите герцога во время военных кампаний, а сами герцоги Нортумберленда принадлежали к «партии» Ланкастеров. Поэтому Пламптоны неизменно противостояли Йоркам — в кампаниях 1455—1461 гг. и 1470—71 гг. они сражались на стороне Ланкастеров, а в 1485 г. присоединились к свите Генри Нортумберленда. В политических катаклизмах 1485—1497 гг. Пламптоны также сражались на стороне войск Генриха VII, присоединяясь к отряду своего неизменного покровителя.

Необходимо еще раз подчеркнуть, для джентри выбор стороны в Войнах Роз не зависел от того, принадлежали ли они к «новому дворянству» (как Пастоны), или их родословная насчитывала много поколений знатных предков (как у Пламптонов и Стоноров). Этот выбор также не имел отношения к проживанию на экономически развитом юго-востоке страны или в сравнительно менее благополучных северных графствах. Определяющее влияние оказывал лишь один фактор — принадлежность к конкретной локальной «партии», глава которой уже мог выбирать ту или иную сторону в конфликте. Такое положение вещей сложилось потому, что сохранение собственных земельных владений и, соответственно, социального положения было возможным только через членство в «дружеском союзе», ориентированном именно на отстаивание интересов его членов в неизбежной для той социальной реальности борьбе за земельные владения.

Именно поэтому невозможно говорить о том, что Войны Роз не оказывали влияния на жизнь джентри. Если даже сами джентри по каким-либо причинам не принимали участия в конфликте, в нем участвовали главы их «партий», поражение или победа которых оказывали самое непосредственное воздействие на положение сторонников того или иного лорда. Думается, столкновения «партий» Йорков и Ланкастеров дестабилизировали обстановку в графствах не только потому, что на территории королевства развертывались военные действия. Британские историки убедительно показали, что сами по себе военные стол-

кновения были сравнительно редки, и в них принимало участие не так уж много людей²¹⁶.

Если сузить Войны Роз до сражений между войсками Йорков и Ланкастеров, то их влияние, бесспорно, будет минимальным. Однако в этом случае оказывается неучтенным один немаловажный фактор — борьба за корону на местах оборачивалась конфликтами «дружеских союзов», которые являли собой «нижний ярус» объединений Ланкастеров и Йорков.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет предположить, что основной причиной Войн Роз стала сложившаяся в Англии XV столетия система отношений покровительства, благодаря которой ущемление имущественных интересов части дворянства (в данном случае «партии» Ричарда Йорка) могло привести не только к свержению короля с престола (это неоднократно происходило и раньше), но и к дестабилизации ситуации в королевстве.

Вышеприведенный материал не позволяет разделить позицию британских исследователей, наиболее полно выраженную в исследовании Д.Р. Ландер и Дж. Гиллингхема. Гиллингхем настаивает на том, что Войны Роз нельзя считать единой серией конфликтов, обусловленной одними и теми же причинами, напротив, по его мнению, конфликты конца 50-х—начала 60-х гг., конца 60-х—начала 70-х и второй половины 80-х гг. не были связаны между собой²¹⁷. Рассмотрение данных эпистолярных сводов Пастонов, Стоноров, Пламптонов и нарратива Р. Пилкингтона позволяет прийти к противоположному выводу — Войны Роз, по-видимому, имеет смысл рассматривать как целостное явление, обусловленное единым комплексом социальных и политических причин. Можно говорить также об итоге Войн Роз — этот конфликт подготовил почву для установления режима абсолютной монархии.

Рассмотрение событий Войн Роз с точки зрения джентри, позволяет предположить, что наиболее обоснованной является датировка этого конфликта, предложенная Э. Гудманом — 1452—1497 гг.²¹⁸ Именно в этот период в графствах центра, юго-востока и севера Англии, или, как минимум, в одной из этих частей королевства происходили серьезные беспорядки. Следует отметить, что Э. Гудман пришел к указанной датировке на совершенно ином исследовательском материале — он уделял внимание исключительно событиям общенационального масштаба, особенно подробно анализируя ход военных действий. Тем не менее, учитывая указанную выше тенденцию (столкновения «партий» Йорков

²¹⁶Lander J.R. *Government and Community: England 1450—1509...* P. 362.

²¹⁷Gillingham J. *The Wars of the Roses...* P. 254.

²¹⁸Goodman A. *Op. cit.* P. 116.

и Ланкастеров провоцировали конфликты локальных «партий») хронологические рамки Войн Роз, предложенные Э. Гудманом, оказываются более логичными, чем другие варианты

В заключение хотелось бы отметить, что, если анализировать ситуацию с позиции джентри, Войны Роз никак нельзя считать гражданскими войнами. В них не было ни характерного для гражданских войн ожесточения сторон, стремящихся сражаться до последней капли крови, ни четкого разделения «партий» (магнаты нередко переходили из лагеря в лагерь, вместе с ними «партию» меняли и пользовавшиеся покровительством аристократа джентри), наконец, не было серьезных вспышек насилия. В самые нестабильные годы джентри могли заняться грабежом, вымогательством, взятием заложников и т.п., но убийства дворян горячо осуждались и происходили крайне редко. Это были не войны, а скорее затянувшееся немирье.

Глава III
Создание мифа
о Войнах Роз
(середина XV—
конец XVI столетия)

Как известно, Войны Роз — один из наиболее мифологизированных эпизодов истории Англии. На первый взгляд, история возникновения т.н. тюдоровского мифа описана достаточно подробно. Исследователи установили, что он включил в себя отдельные элементы пропаганды Йорков¹ и был окончательно сформулирован в начале XVI в.² Однако детальное изучение вопроса показывает, что проблему создания мифа о Войнах Роз вряд ли можно считать решенной. Возможно, процесс возникновения тюдоровского мифа был более сложным, чем простое переписывание истории в интересах правящей династии. Данная глава призвана проверить эту гипотезу.

Приступая к изучению истории создания легенды о Войнах Роз, стоит отметить, что первые попытки осмысления политической истории XV в. были предприняты задолго до воцарения династии Тюдоров. Процесс «переписывания» истории действительно был начат в политических целях, но его инициаторами стали не Тюдоры, а Йорки.

Условной отправной точкой можно считать 1460 г., когда один из наиболее могущественных магнатов XV столетия Ричард Йорк публично заявил, что он должен занять английский трон «по праву наследования», т.к. все короли династии Ланкастеров правили незаконно³. Мы уже отмечали, что с точки зрения средневекового права, претензии Ричарда Йорка были вполне обоснованными. И Ланкастеры, и Йорки возводили свою родословную к Эдуарду III (1312—1377). Ланкастеры были потомками его третьего сына — Джона Гонта, герцога Ланкастера (1340—1399). Родословное древо Йорков было более сложным. По мужской линии они происходили от четвертого сына Эдуарда III — Эдмунда Лэнгли, герцога Йорка (1341—1402). Зато по женской линии Йорки имели преимущественное право на престол — они были потомками второго по старшинству сына Эдуарда III — Лайонела, герцога Кларенса (1338—1368). В 1399 г. Ричард II Плантагенет (1367—1400) был свергнут с престола Генрихом Ланкастером, впоследствии королем Генрихом IV (1366—1413). Вскоре после узурпации бездетный Ричард II был убит. Если следовать букве династического права, после смерти Ричарда II престол должен был перейти не к Ланкастерам, а к Йоркам, поэтому Ричард Йорк предложил парламенту восстановить справедливость.

¹ Allan A. Yorkist Propaganda: Pedigree, Prophecy, and the “English History” in the Reign of Edward IV // *Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England*. N.Y., 1979. P. 189.

² *Gransden A. The Humanist Historians: Thomas More and Polidor Vergil // Gransden A. Historical Writing in England: c. 1307 to the Early Sixteenth Century*. L., 1996. P. 425—453.

³ *Waurin J. Recueil des croniques et anchiennes istories de la Grant Bretagne, a present nomme Engleterre, from A.D. 1399 to 1471*. L., 1891. P. 311—312.

Фактически именно с этого момента имеет смысл говорить о начале борьбы Йорков и Ланкастеров за английский престол. Таким образом, первый камень в основание изучаемого мифа был заложен не в 1485 г. при Генрихе VII Тюдоре, а всего через 5 лет после той даты, которую большинство современных исследователей считают началом конфликта.

Стоит подчеркнуть, что в 1460 г. переоценки правления Ланкастеров не произошло, дело ограничилось констатацией прав Йорков. Парламент признал, что претензии Ричарда Йорка обоснованы, но, несмотря на то, что Генрих VI очевидно не мог управлять государством, смена династии не была санкционирована. Английское общество оказалось не готово к столь радикальным переменам; даже ближайшие соратники герцога Йорка уговаривали его не торопиться. В результате Ричард Йорк получил не корону, а регентство, которое должно было продлиться до смерти Генриха VI⁴.

Напомним, что за этим компромиссным решением последовал новый всплеск гражданской войны; в декабре 1460 г. Ричард Йорк был убит в сражении при Уэйкфилде. Династические права Йорков унаследовал его старший сын, который в марте 1461 г. был коронован под именем Эдуарда IV. Первоначально йоркистская пропаганда не заходила дальше подтверждения легитимности новой династии. В созданной в 1461 г. эпитафии на смерть Ричарда Йорка подчеркивалось, что герцог Йорк был «законным... наследником английской и французской короны... признанным парламентом», а Эдуард IV является «истинным королем, который в сражении доказал свое право»⁵.

Поскольку первые годы царствования нового монарха были очень беспокойными (выступления сторонников Ланкастеров почти не прекращались) публичные высказывания сторонников Йорков стали более радикальными. Написанная около 1463 г. «Политическая ретроспектива» содержит весьма любопытную картину истории Англии. Как известно, смещенный с престола в 1399 г. Ричард II Плантагенет был, мягко выражаясь, не самым популярным и успешным королем. Тем интереснее, что в «Политическое ретроспективе» Ричард II оценивается как «достойнейший» монарх и «истинный рыцарь», в чье правление англичане наслаждались «всеми благами и удовольствиями»⁶. Генрих IV Ланкастер (в «Ретроспективе» он подчеркнута именуется Генрихом Дерби) «захватил своего законного короля, бросил его в тюрьму... и замучил до смерти», он пришел к власти «через тиранию и насилие», поэтому все его потомки являются всего лишь узурпаторами⁷. Итак, в

⁴ Rotuli Parliamentorum et petitiones, et placita in parlamento / Ed. by J. Strachey et al. London, 1832. Vol. V. (1439—1468). P. 375—378.

⁵ Epitaph for Richard Duke of York // Rerum Britanarum Medii Aevi Scriptores. Vol. XIV (2). Political Poems and Songs Illustrating the English History. L., 1861. P. 256—257.

⁶ A Political Retrospect // Ibid. P. 267.

⁷ Ibid. P. 267—268.

начале 1460 г. была проведена серьезная «работа над историей» — стремившийся к неограниченному единоличному правлению, постоянно конфликтовавший с дворянством Ричард II был превращен в добродетельнейшего короля, невинную жертву властолюбия Ланкастеров.

События 1450—1460 г. также подверглись заметной переработке. Йоркистская пропаганда назвала конкретного виновника, точнее виновницу развязывания конфликта — супругу Генриха VI королеву Маргариту Анжуйскую. Маргариту обвиняли в том, что она «управляла всей Англией... вознамерилась уничтожить законных наследников престола [Йорков]... из-за нее... Англия... была полностью разорена»⁸. Нападки на Маргариту Анжуйскую не были новостью. Королева была крайне непопулярна, т.к. она была иностранкой и почти что бесприданницей. К тому же королева нарушала стереотипы поведения своего пола — она являлась настоящей главой партии Ланкастеров и возглавила сопротивление Йоркам. Однако в данном случае мы говорим не об исторической реальности, а о сконструированной псевдореальности политической пропаганды. В йоркистской версии истории Маргарите отводилась роль губительницы Англии. Воцарение Эдуарда IV рассматривалось как акт божественной справедливости: «Бог любит этого короля, ведь все, кто хотел уничтожить его, были рассеяны и обращены в бегство»⁹.

После нового витка Войн Роз (короткой реставрации Ланкастеров и возвращения на престол Эдуарда IV в 1470—71 г.) созданная Йорками теория приобрела логическую завершенность. Интерпретация первых этапов Войн Роз осталась без изменений¹⁰, эффект законченности был достигнут за счет осмысления новейших событий. В хрониках 1470-х гг. подчеркивалось, что, «Бог был всегда на стороне Йорков». После восшествия на престол Эдуарда IV господь пощадил Ланкастеров, сохранив им жизнь. Однако, в 1470 г. «королевство было захвачено и оккупировано Генрихом, называющим себя Генрихом VI, из-за предательских действий великого бунтовщика Ричарда, графа Уорвика»¹¹. Возвращение Эдуарда IV на престол и гибель всех мужчин династии Ланкастеров расценивались как окончательное торжество высшего правосудия. Хронисты подчеркивали, что в 1471 г. противостояние Йорков и Ланкастеров закончилось, началась новая эра, в королевстве воцарились «мир и спокойствие, которые умножались с каждым днем»¹².

⁸ Ibid. P. 268—269.

⁹ Ibid. P. 269.

¹⁰ *Historie of the Arrivall of Edward IV, in England and the Finall Recouerye of His Kingdomes, from Henry VI. A.D. M.CCCC.LXXI / Ed. by J. Bruce. Published for the Camden Society. M.DCCC.XXX.VIII.* Режим доступа: <http://www.r3.org/bookcase/arrivall.html> Part II: Landing through the Reconciliation with Clarence.

¹¹ Ibid.

¹² Ibid. Part V. The Aftermath of Tewkesbury through the Surrender of the Bastard of Fauconberg.

Таким образом, уже в начале 1470-х гг. была сформирована вполне ясная теория противостояния Йорков и Ланкастеров, т.н. миф Йорков. Началом политических катаклизмов стал 1399 г., когда законный король Ричард II Плантагенет был смещен с трона первым монархом династии Ланкастеров Генрихом IV. Все короли из дома Ланкастеров правили незаконно, но непосредственная вина за развязывание конфликта была возложена на супругу Генриха VI Маргариту Анжуйскую. Восшествие на престол Йорков рассматривалось как акт божественной справедливости. Поскольку Ланкастеры не пожелали с этим смириться, Бог покарал их, уничтожив и Генриха VI, и его наследника принца Эдуарда.

Следующим этапом Войн Роз принято считать узурпацию 1483 г. Напомним, что после смерти Эдуарда IV (апрель 1483 г.) протектором королевства и опекуном малолетних детей короля стал младший брат Эдуарда — Ричард Глостер (будущий Ричард III). Уже в июне 1483-го английское общество ознакомилось с откорректированной версией новейшей истории Англии, созданной в интересах герцога Глостера. Стоит отметить, что Ричард Глостер не пытался пересмотреть историю Войн Роз, «миф Йорков» ни в чем не противоречил его планам. Переработке подверглось правление Эдуарда IV. Герцог Глостер объявил детей Эдуарда IV бастардами, т.к. брак короля якобы был заключен незаконно. Лордам и общинам фактически предлагалось передать корону единственному легитимному наследнику прав Йорков — Ричарду Глостеру. Любопытно, что уже после коронации Ричарда III его «теория истории» обогатилась новыми деталями. В парламентском акте, утверждавшем права Ричарда III на престол, указывалось, что Эдуард IV женился на Елизавете Вудвиль не по доброй воле а «в результате колдовства и ведьмовства, совершенного поименованной Елизаветой и ее матерью»¹³. Кроме того, королева и ее клан были объявлены «дурными советниками» Эдуарда IV — недалекими, алчными и беспринципными. Этот тезис пришелся очень по душе англичанам. Еще в середине XX в. тлетворным влиянием Вудвилей объясняли все неблагоприятные действия короля Эдуарда — от распутства до казни собственного брата герцога Кларенса.

В 1485 г. Ричард III погиб в битве при Босворде. Трон перешел к дальнему родственнику Ланкастеров Генриху Тюдору. Еще на поле битвы при Босворде стало очевидно, что Генрих VII также намерен радикально пересмотреть отношение к новейшей истории Англии. Тело Ричарда III подверглось надругательствам, невысказанным по отношению к останкам коронованного монарха — его раздели догола и взгромоздили на круп лошади «так что руки и ноги болтались по сторонам»¹⁴.

¹³ An act of Parliament setting the crown upon the king and his issue, 1484 // English Historical Documents / Ed. by A.R. Myers. L., 1969. P. 340.

¹⁴ The Great Chronicle of London / Ed. A.H. Thomas & J.D. Thornley L., 1938. P. 238.

В течение двух дней тело Ричарда III было выставлено в ближайшем францисканском монастыре, а затем его захоронили без всякой помпы. Обращение с останками Ричарда III должно было ясно продемонстрировать, что новая династия считает его не королем, а узурпатором.

Одной из причин настолько яркого отрицательного отношения к Ричарду III, несомненно, стала попытка этого монарха переписать историю царствования Эдуарда IV. Для того, чтобы заручиться поддержкой йоркистов, Генрих VII намеревался жениться на дочери Эдуарда IV принцессе Елизавете. Между тем, парламент 1484 г. признал Елизавету Йорк незаконнорожденной. Неудивительно, что одним из первых политических действий Генриха VII стала отмена этого решения. Собравшийся в октябре 1485 г. парламент не просто аннулировал решение 1484 г., под страхом обвинения в государственной измене было приказано уничтожить все копии этого документа¹⁵. Дошедшие до наших дней экземпляры сохранились буквально чудом.

Следующим важным шагом на пути к созданию тюдоровской версии истории Англии стала состоявшаяся в начале 1486 г. свадьба Генриха VII и Елизаветы Йорк. Собственно, именно в этот момент в истории конфликта, который еще никто не называл Войной или Войнами Роз появились сами розы. По традиции герольды должны были составить соединенный герб молодоженов. В данном случае задача оказалась не слишком сложной. Одной из геральдических эмблем Йорков была белая роза, одним из символов Ланкастеров — алая. В 1486 г. стараниями герольдов на свет появился экзотический красно-белый цветок, который принято именовать тюдоровской розой¹⁶. Союз Генриха VII и наследницы Эдуарда IV должен был наглядно продемонстрировать объединение домов Йорков и Ланкастеров и окончание борьбы за престол.

В реальности события развивались далеко не так гладко. Начало правлений Генриха VII омрачалось восстаниями йоркистов и появлением самозванцев, которые выдавали себя за пропавших сыновей Эдуарда IV. Дело в том, что еще в 1483 г. Ричард III поместил своих племянников в Тауэр, и с тех пор об их судьбе ничего не было известно. Еще при жизни Ричарда III возникли слухи, что принцы были убиты по приказу жестокого дяди¹⁷, но этому не было никаких доказательств. Более того, еще в XVI в. многие англичане верили, что сыновьям Эдуарда IV удалось спастись¹⁸.

¹⁵ Rotuli Parliamentorum. Vol. VI (1472—1503). P. 246—248.

¹⁶ Goodman A. Op. cit. P. 3.

¹⁷ Mancini D. De occupatione Regni Angliae / Ed. C.A. Armstrong. Oxford, 1936. P. 112; Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum. Oxford, 1684. Vol. I. P. 567—568.

¹⁸ More Th. Perken Werbecke // More Th. The History of King Richard III. Online edition transcribed from W. E. Campbell's facsimile of the Rastell edition of 1557 by Richard

Неудивительно, что проблема «принцев в Тауэре» имела для Генриха VII первостепенное значение. Ее решение удалось удачно совместить с другой важной идеологической линией. Во всех без исключения пропагандистских произведениях, созданных в период правления Генриха VII, этот король именовался «спасителем Англии», призванным избавить страну от ужасной тирании Ричарда III¹⁹. Разумеется, для того, чтобы образ короля-избавителя стал сколько-нибудь убедительным, требовалось как следует потрудиться над новой интерпретацией личности и правления предыдущего монарха. В этой связи логично, что главной задачей придворных историков и пропагандистов стало очернение Ричарда III, которому было приписано убийство сыновей Эдуарда IV и множество других преступлений.

Одним из наиболее показательных примеров политически ангажированного «исторического» сочинения начала правления Генриха VII является «История королей Англии», составленная на рубеже 80—90-х гг. XV в. антикваром и священником Джоном Россом. Любопытно, что для Росса «История...» была не первой попыткой заслужить благоволение властей. В 1483 г. он собственноручно преподнес Ричарду III составленную в самых льстивых выражениях родословную Невилей²⁰. Стремясь дезавуировать прошлые, излишне лестные высказывания в адрес Ричарда III, Росс уподобил свергнутого монарха Антихристу²¹, чья дьявольская сущность проявилась еще до рождения, — Ричард якобы «пребывал в материнской утробе два года и появился на свет с зубами во рту и волосами до плеч»²². Из сочинения Росса явствует, что Ричард III не только узурпировал трон, он также приказал убить сыновей Эдуарда IV, отравил собственную жену и опозорил мать, обвинив ее в том, что она родила будущего Эдуарда IV не от мужа²³. Стоит отметить, что обвинения Ричарда III в убийстве жены и подрыве репутации матери признаны современными историками несостоятельными²⁴.

Остальные историки и эрудиты, писавшие свои сочинения в конце XV—начале XVI в., были гораздо более умерены в оценках. В «Исто-

Bear at the University of Oregon, January-March 1997. Режим доступа: <http://www.r3.org/bookcase/more/moretext.html>; *Polydore Vergil Anglica Historia* (1555 version). / Ed. D.J. Sutton. Irvine, 2005. Liber XXVI, 5. Режим доступа: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/contents.html>

¹⁹ Lady Bessiye // Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances / Ed. J.W. Hales & F.J. Furnivall. In 3 vol. L., 1868. Vol. III. P. 320; The Ballad of Bosworth Field. Режим доступа: <http://www.r3.org/bosworth/ballad2.html>

²⁰ Из рода Невилей происходила супруга Ричарда III Анна.

²¹ *Joannis Rossi Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae*. L., 1745. P. 218.

²² *Ibid.* P. 215.

²³ *Ibid.*

²⁴ *Hicks M. Richard III. Tempus*, 2000. P. 123.

рии короля Генриха VII» Бернара Андре²⁵, Лондонских хрониках²⁶, «Новых хрониках Англии и Франции» Фабиана²⁷ и «Большой хронике Лондона»²⁸ Ричарда III называют узурпатором, тираном и убийцей племянников, но этим обвинения и ограничиваются.

Итак, к началу XVI в. Генриху VII удалось существенно изменить представление о царствовании Ричарда III. На этом темном фоне правление самого Генриха действительно казалось временем мира и процветания, однако скорректировать восприятие эпохи Войн Роз в целом Тюдорам пока не удавалось. Все вышеупомянутые исторические сочинения излагали историю противостояния Йорков и Ланкастеров в духе т.н. йоркского мифа, к тому же все авторы давали весьма лестную характеристику Эдуарду IV²⁹. Для Генриха VII такая версия истории была неприемлемой. Основатель династии Тюдоров возводил свой род к Ланкастерам. Прославление Йорков воспринималось как возвеличивание его супруги королевы Елизаветы, а эта тема была для Генриха VII крайне болезненной. Например, решение о коронации своей жены Генрих VII принял только после того как летом 1487 г. сторонники Йорков подняли восстание³⁰.

Генрих VII довольно долго искал того, кто смог бы изложить историю Англии в нужном ключе. В 1502 г. эта миссия была поручена известному итальянскому гуманисту Полидору Вергилию. В черновиках «История Англии» Вергилия была закончена к 1514 г.; латинская версия была опубликована в 1534-м и почти сразу же переведена на английский язык.

Прежде чем приступить к анализу произведения Полидора Вергилия, необходимо отметить, что в историографии существует вполне определенная точка зрения на вклад этого ученого в формирование мифа о Войнах Роз. И британские, и российские исследователи считают, что Вергилий описал историю Англии XV в. так, как это было выгодно династии Тюдоров³¹. Принято считать, что «История Англии» стала основой для тюдоровской модели Войн Роз, т.к. рассуждения и оценки Полидора Вергилия воспроизводились последующими хронистами. На наш взгляд, это утверждение требует дополнительной проверки.

²⁵ *Andrea B. Historia Regis Henrici VII* / Ed. by J. Gardner. L., 1858. P. 24.

²⁶ *Chronicles of London* / Ed. by Ch. Kingsford. L., 1977. P. 191.

²⁷ *Fabian R. The New Chronicles of England and France* / Ed. by H. Ellis. L., 1811. P. 668—670.

²⁸ *The Great Chronicle of London* / Ed. by A.H. Thomas & J.D. Thornley L., 1938. P. 234.

²⁹ *Joannis Rossi Historia Regum Angliae*. P. 216; *Andrea B. Historia Regis Henrici VII*. P. 18; *Chronicles of London*. P. 187; *Fabian R. The New Chronicles*. P. 667; *The Great Chronicle of London*. P. 230.

³⁰ *Lander J.R. Bonds, Coercion and Fear: Henry VII and the Peerage // Florilegium historiale*. Toronto, 1971. P. 330.

³¹ *Gransden A. Op. cit.* P. 425; *Hanham A. Richard III and His Early Historians, 1483—1535*. L., 1975. P. 125—147; *Бэрг М.А. Шекспир и история*. М., 1979. С. 109.

Как и его предшественники, Вергилий считал отправной точкой конфликта Йорков и Ланкастеров узурпацию 1399 г., когда права законного монарха были попорчены. Однако, в противостоянии 1450—1480-х гг. смысловые акценты расставлены иначе, чем в мифе йорков. В частности, Генрих VI Ланкастер превращен Вергилием в поистине эпическую фигуру. Этот «благочестивейший человек» был «рожден для страданий, бед и несчастий»³², т.к. ему было суждено искупить грехи деда, незаконно захватившего трон. Трагизм ситуации еще больше увеличивает то, что Генрих VI знал о своей судьбе, на страницах «Истории...» король не раз пророчествует, в том числе в 1470 г. он предсказывает, что Генрих VII Тюдор единственный, кто достоин стать королем Англии³³. Вергилий ни словом не упоминает о душевной болезни Генриха VI, в его интерпретации король самостоятельно принимал все государственные решения, руководил военными операциями³⁴ и т.п.

Не менее разительно изменились и остальные члены партии Ланкастеров. Из фурии, развязавшей гражданскую войну, королева Маргарита превратилась в героическую защитницу законных прав Ланкастеров. Хотя современники открыто обвиняли Маргариту Анжуйскую в связи с герцогом Сомерсетом³⁵, Вергилий описал ее как преданную супругу, подчеркнув, что «для нее после мужа не было ничего дороже сына»³⁶. Фаворит королевы герцог Сомерсет, для которого современные историки не находят ни одного доброго слова, волшебным образом преобразился в «единственного, кто желал... чтобы Англия была свободна от борьбы за власть, чтобы король находился в безопасности, и чтобы все было спокойно»³⁷.

Естественно, Йоркам была отведена роль отрицательных персонажей. Ричард Йорк описан Вергилием как чудовищный честолюбец, который еще в 1450 г. задумал получить корону Англии, но на протяжении 10 лет скрывал свои намерения, чтобы избежать обвинения в государственной измене. Вергилий обвиняет Ричарда Йорка в начале гражданской войны и подчеркивает, что его гибель в битве при Уэйкфилде стала наказанием за мятеж против законного короля³⁸.

Величественный образ Эдуарда IV в сочинении Полидора Вергилия изрядно потускнел. Вергилий не отрицает, что Эдуард IV был необычайно популярен, издавал мудрые законы и был очень любим на-

³² *Polydore Vergil Anglica Historia*. Liber XXIII, 48.

³³ *Ibid.* Liber XXIV, 10.

³⁴ *Ibid.* Liber XXII, 60.

³⁵ *Historiae Croylandensis Continuatio*. P. 547.

³⁶ *Polydore Vergil Anglica Historia*. Liber XXIV, 17.

³⁷ *Ibid.* Liber XXIII, 48.

³⁸ *Ibid.* Liber XXIV, 3.

родом³⁹. Однако для Вергилия гораздо важнее другое: Эдуард IV был клятвопреступником⁴⁰, он был ответственен за убийства «благочестивейшего» Генриха VI и принца Эдуарда Ланкастера⁴¹, он приказал казнить родного брата⁴². Наконец, проживи Эдуард IV дольше, он непременно стал бы ужасным тираном⁴³.

Разумеется, больше всего черной краски досталось Ричарду III. В «Истории Англии» этот король превращается в некий эталон отрицательного правителя. Вергилий не устает повторять, что Бог лишил власти династию Йорков именно из-за преступлений Ричарда III. Итак, Ричард Глостер собственноручно убил принца Эдуарда Ланкастера и «пронзил мечом» беззащитного Генриха VI⁴⁴. Едва узнав о смерти Эдуарда IV, Ричард якобы загорелся желанием получить корону⁴⁵, «одержимый властолюбием» он приказал бросить в тюрьму или убить всех, кто мешал его планам. Он умертвил родных племянников⁴⁶ и отравил жену, намереваясь вступить в кровосмесительный брак с сестрой убитых им принцев — Елизаветой Йорк⁴⁷. Вергилий также «поработал» над внешностью Ричарда III. Как известно, единственным заметным недостатком внешности Ричарда Глостера был сколиоз. Вергилий отмечает, что король был «мал ростом, его тело было деформировано, одно плечо выше другого, с квадратным и грубым лицом, которое выдавало его злобу и ясно говорило о хитрости и лживости»⁴⁸.

Неумеренное прославление династии Ланкастеров в «Истории...» Полидора Вергилия проявляется, в том числе, в искажении фактов военной истории. Вергилий утверждает, что в каждом сражении Войн Роз Йорки имели значительный численный перевес, и только поэтому им удавалось одерживать победы над не столь многочисленными, но гораздо более доблестными сторонниками Ланкастеров⁴⁹. Полидор Вергилий не устает повторять, что любовь народа всегда принадлежала Ланкастерам, а Йоркам подчинялись «из страха»⁵⁰.

³⁹ Ibid. Liber XXIII, 47—51.

⁴⁰ В 1471 г. Эдуард поклялся, что вернулся в Англию лишь для того, чтобы потребовать только герцогство Йоркское, принадлежавшее ему по праву наследования. Вскоре эта клятва была нарушена и Эдуард IV вернул себе трон. Вергилий полагал, что Бог наказал клятвопреступника Эдуарда IV, позволив Ричарду III сместить с престола и убить его сыновей. Ibid. Liber XXIV, 12.

⁴¹ Ibid. Liber XXIV, 18.

⁴² Ibid. Liber XXIV, 26.

⁴³ Ibid.

⁴⁴ Ibid. Liber XXIV, 18.

⁴⁵ Ibid. Liber XXV, 1.

⁴⁶ Ibid. Liber XXV, 7.

⁴⁷ Ibid. Liber XXIV, 17.

⁴⁸ Ibid. Liber XV, 25.

⁴⁹ Ibid. Liber. XXIII—XXIV.

⁵⁰ Ibid. Liber XXIV, 12.

Очевидно, что такая «История Англии» вполне соответствовала желаниям Генриха VII. Насколько эта трактовка отвечала политическим интересам династии Тюдоров, вопрос гораздо более сложный. Ответ на него может дать рассмотрение исторических сочинений, созданных в правление Генриха VIII и Елизаветы.

Трудом Полидора Вергилия широко пользовался еще один выдающийся представитель английского Возрождения Томас Мор⁵¹. Но если Вергилий работал по заказу Генриха VII, то Мор создал знаменитую «Историю Ричарда III» после смерти основателя династии Тюдоров — в 1513—1517 гг. Можно с уверенностью утверждать, что смена царствования никак не повлияла на интерпретацию самого одиозного персонажа Войн Роз. Личность и правление Ричарда III Мор описал почти так же, как и Полидор Вергилий. Разумеется, некоторые отличия есть. Произведение Мора обогащено деталями, в нем гораздо больше речей «героев», присутствуют даже масштабные драматические сцены. Мор также добавил к портрету Ричарда III несколько новых черт. Он «установил», что Ричард Глостер начал мечтать о короне не после смерти Эдуарда IV, а еще при его жизни, «дорисовал» Ричарду III горб и высохшую левую руку⁵². Тем не менее, в смысловом отношении написанный Томасом Мором портрет идеального тирана почти не отличается от образа, созданного на страницах «Истории Англии».

Тем любопытнее, что Мор интерпретировал Войны Роз иначе, чем Вергилий. Отличия проявляются, прежде всего, в принципиально иных характеристиках Йорков. Томас Мор описывает Ричарда Йорка как «мужа благородного и могущественного, который некогда начал не войной, а законным путем добиваться короны, заявив о своем требовании в парламенте»⁵³. Эдуард IV и вовсе превратился в некий возвышенный идеал монарха — он был «сердцем — смел, рассудителен — в совете, никогда не падал духом при несчастьи, при успехе скорее бывал радостен, чем горд, во время мира — справедлив и милостив, в годину войн — жесток и беспощаден, на поле брани — отважен и смел, перед опасностями — дерзок, однако же не сверх разума. Кто внимательно рассмотрит его войны, тот не меньше подивится его благоразумию при неудачах, чем доблести в победах. Лицом он был красив, телом складен, крепок и силен», и «не было другого правителя, с бою захватившего венец и после этого столь сердечно любимого народом»⁵⁴.

Указанное изменение характеристик можно отчасти объяснить задачами, которые ставил перед собой Томас Мор. Создавая модель идеаль-

⁵¹ Hanham A. Op. cit. P. 153—155.

⁵² The Description of Richard the Thirde // *More Th.* The History of King Richard III.

⁵³ Richarde Duke of Yorke // *Ibid.*

⁵⁴ Description of Edwarde the fourth // *Ibid.*

ной тирании, он, разумеется, должен был противопоставить убийце и узурпатору образ благородного правителя. Однако в данном случае нельзя не учитывать изменений в политической ситуации. Со смертью Генриха VII позиция властей в отношении Йорков значительно смягчилась. В жилах Генриха VIII текла кровь и Йорков, и Ланкастеров, поэтому молодому королю не было нужды принижать одну из сторон и возвеличивать другую. Скорее, он был заинтересован в том, чтобы все его предки были описаны с должным почтением. Собственно, Мор сделал именно это — он не пожалел светлых красок не только для Йорков, но и для образа «благородного короля» Генриха VI⁵⁵. Единственный человеком, выпадающим из своеобразного единения и примирения Йорков и Ланкастеров, остался Ричард III, воспринимавшийся как враг обеих династий.

В середине—второй половине XVI в. перевод последних глав Вергилия и «История Ричарда III» были опубликованы в составе хроник Холла и Холиншеда⁵⁶. В данном случае вполне возможно говорить о позиции, общей для Холла и Холиншеда, т.к. эти тексты очень близки. Господствующая в историографии точка зрения гласит, что указанные хронисты интерпретировали Войны Роз в духе концепции, предложенной Полидором Вергилием⁵⁷. Более детальный анализ показывает, что это не вполне так.

Разумеется, Холл и Холинshed сохранили то, что можно назвать смысловой основой мифа о Войнах Роз. Хронисты датируют конфликт Йорков и Ланкастеров 1399—1485 гг. и подчеркивают, что воцарение Тюдоров явилось не просто слиянием двух королевских домов, оно положило конец всем беспорядкам. Данная схема, созданная пропагандистами еще в первые месяцы правления Генриха VII, оставалась неизменной на протяжении всей эпохи Тюдоров. Однако в оценке Йорков и Ланкастеров хронисты середины — второй половины XVI в. существенно отступают от точки зрения Полидора Вергилия. Холинshed и Холл крайне благожелательно описывают Ричарда Йорка и Эдуарда IV⁵⁸. Генрих VI не раз называется святым, а вот его супруга Маргарита Анжуйская ничем не напоминает благочестивую, героическую королеву, о которой рассказывал Полидор Вергилий. Она вновь становится злобной женщиной, неверной женой и плохой правительницей. Именно на королеву Маргариту возлагается вина за начало гражданской войны⁵⁹.

⁵⁵ The Death of King Henry the Sixt // Ibid.

⁵⁶ *Candido J.* Op. cit. P. 139.

⁵⁷ *Kendall P.M.* Richard III: The Great Debate. L., 1965. P. 12—18; *Барг М.А.* Указ. соч. С. 100—113.

⁵⁸ *Hall E.* The Union of the Two Noble and Illustrate Families of Lancastre and Yorke. L., 1548. P. 240—260; *Holinshed R.* The Chronicles of England, Scotland and Ireland. L., 1587. Режим доступа: <http://sceti.library.upenn.edu> P. 663—670;

⁵⁹ *Hall E.* The Union. P. 243—245; *Holinshed R.* The Chronicles. P. 655—661.

Такая точка зрения вполне объяснима. Конфликт Йорков и Ланкастеров в 1450—1470 гг. невозможно было описать без отрицательных героев. Маргарита Анжуйская превосходно подходила на роль «козла отпущения» — она не являлась кровной родственницей Тюдоров, поэтому ее можно было критиковать без риска вызвать неудовольствие властей.

Необходимо отметить еще одну любопытную особенность. В хрониках середины XVI в. появляется необычайное количество вымышленных деталей, превращающих историю Войн Роз в кровавую драму. Особенно показательна в этом отношении хроника Эдуарда Холла с говорящим названием «Союз двух благородных и достойных родов Ланкастеров и Йорков». Холл вкладывает в уста своих «героев» длиннейшие речи, пересказывает все сплетни и слухи времен Войн Роз и добавляет множество новых подробностей.

В качестве примера можно привести рассказ Холла о битве при Уэйкфилде (1460 г.), в которой погибли Ричард Йорк и его 17-летний сын герцог Ретленд. Холл существенно снижает возраст герцога Ретленда, 17-летний юноша (по меркам XV века его уместнее было бы назвать молодым мужчиной) на страницах хроники превращается в 12-летнего мальчика. Холл сообщает, что юный герцог находился под покровительством священника, которому почти что удалось вывести ребенка с поля боя, когда их настигли враги Йорков. Герцогу Ретленду не повезло — он попал в руки лорда Клиффорда, имевшего все основания для мести (отец лорда Клиффорда незадолго до этого был убит Ричардом Йорком). С душераздирающими подробностями Холл рассказывает о том, как мальчик, онемел от ужаса, как он плакал и взглядом умолял о пощаде, но «жестокосердный Клиффорд» так и не смягчился⁶⁰.

Указанная тенденция к драматизации истории завершилась созданием «Исторических хроник» Шекспира. Именно Шекспир завершил формирование мифа о Войнах Роз. Вплоть до конца XIX в. историки ссылались на его произведения как на исторический источник, утверждая, что гениальный драматург абсолютно верно передал если не детали, то дух эпохи⁶¹. Что же нового добавил Шекспир к т.н. мифу Тюдоров?

Прежде всего, только после появления «Исторических хроник» конфликт Йорков и Ланкастеров начал осмысливаться именно как война двух роз. Шекспир начинает противостояние династий с вымышленной сцены в саду Темпля, где главы «партий» Йорков и Ланкастеров (Ричард Йорк и герцог Сомерсет) выбирают, соответственно, белую и алую розы. В «исторических хрониках» розы становятся не просто абстракт-

⁶⁰ Hall E. Op. cit. P. 250—251.

⁶¹ Gardner J. History of the Life and Reign of Richard the Third to Which is Added the Story of Perkin Warbesk. Cambridge, 1898. P. 5.

ными геральдическими эмблемами, участники конфликта клянутся носить их до тех пор, пока не одержат победу⁶².

Далее, Шекспир использует гораздо более близкую к современной датировку конфликта. Драматург начинает его не с 1399 г., а со сцены выбора роз, т.е. с момента, когда Ричард Йорк решает предъявить права на королевский трон (точной даты Шекспир, конечно же, не называет).

Не менее важно то, что в «Исторических хрониках» середина—вторая половина XV в. описывается как единая эпоха смут и беспорядков. Для создания наибольшего драматического эффекта мирные периоды (например, вторая часть правления Эдуарда IV — 1471—1483 гг.) были попросту выброшены из повествования. Шекспир всячески подчеркивал чудовищный, братоубийственный характер эпохи Войн Роз. В сцену битвы при Таутоне (1461) драматург вводит двух персонажей — сына, убитого отца и отца, убитого сына. Осознав, что они совершили, герои приходят в ужас и клянут «чудовищные, безумные времена»⁶³. Думается, восприятие Войн Роз как эпохи гражданских войн было обусловлено не только пропагандой, это был взгляд относительно стабильной елизаветинской Англии на мрачную, кровавую эпоху заката Средневековья.

Шекспир не отступает от трактовки исторических персонажей, утвердившейся в сочинениях Холла, Холиншеда и др. Тем не менее, в «Исторических хрониках» содержится одно важное уточнение. Над противостоянием Йорков и Ланкастеров царит мрачная, гротескная фигура злого гения эпохи — Ричарда III. Шекспир удлинняет срок жизни Ричарда III, заставляя его принимать деятельное участие во всех событиях Войн Роз. Ричард Глостер уговаривает отца начать гражданскую войну, сражается во всех без исключения битвах, лично убивает Генриха VI и Эдуарда Ланкастера, ободряет вдову Эдуарда Ланкастера Анну Невиль прямо над гробом Генриха VI, губит своего брата герцога Кларенса, велит убить «принцев в Тауэре», травит жену, намеревается жениться на племяннице и, наконец, гибнет в битве при Босворде от руки спасителя Англии — Генриха VII Тюдора. Для Шекспира эпоха Войн Роз заканчивается на поле Босворда, где основатель династии Тюдоров восклицает: «Нет больше распрей, кончилась вражда, да будет мир на долгие года!». Нам представляется, что итоговый образ кровавой эпохи, кошмарного смутного времени был попыткой тюдоровской Англии осмыслить свое прошлое и через это осмысление осознать перемены, произошедшие в правление новой династии.

В заключение необходимо отметить, что финальный штрих на созданную Йорками и Тюдорами картину истории Англии был нанесен в

⁶² *Shakespeare W. The First Part of King Henry VI (The New Cambridge Shakespeare). Cambridge, 1990. Act II. Scene 4.*

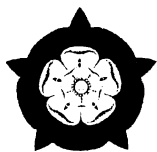
⁶³ *Shakespeare W. The Third Part of King Henry VI (The New Cambridge Shakespeare). Cambridge, 1990. Act II. Scene 5.*

эпоху романтизма. Только тогда конфликт Йорков и Ланкастеров начали именовать «Войной Роз». Этим названием мы обязаны еще одному гениальному литератору — сэру Вальтеру Скотту⁶⁴. Придуманное Скоттом словосочетание оказалось настолько удачным, что уже в 30-х гг. XIX в. его начали использовать профессиональные историки.

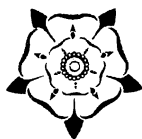
Таким образом, при ближайшем рассмотрении миф о Войнах Роз оказывается расплывчатым и трудноуловимым. В течение второй половины XV—XVI вв. представление об истории Англии перекраивалось пять раз. Каждая смена власти влекла за собой существенное изменение представлений об эпохе противостояния Йорков и Ланкастеров. В 60-х гг. XV в. был создан т.н. миф Йорков, начинавший историю конфликта с воцарения династии Ланкастеров в 1399 г. и заканчивавший «восстановлением справедливости» после восшествия на престол Эдуарда IV. После короткой реставрации Ланкастеров в 1470—71 гг. миф Йорков был скорректирован. Утверждалось, что Бог предоставлял Ланкастерам возможность одуматься, но т.к. они снова попытались занять английский трон, все мужчины этого рода были уничтожены. Следующая, уже третья по счету трансформация произошла после воцарения династии Тюдоров. Борьба династий продлевалась до 1485 г., теперь ее завершением стали считать приход к власти Генриха VII и его брак с наследницей Эдуарда IV. Модель истории Англии, созданная в правление Генриха VII, может быть условно названа мифом Ланкастеров и Тюдоров, т.к. в те годы было принято прославлять Ланкастеров и критиковать Йорков. Больше всего историки и пропагандисты потрудились над образом тирана и убийцы Ричарда III. При Генрихе VIII картина изменилась в четвертый раз, все предки династии Генриха VIII превратились в «положительных персонажей», роль антигероев была отведена Маргарите Анжуйской и Ричарду III. Наконец, в «Исторических хрониках» Шекспира конфликт Йорков и Ланкастеров осмысливался как чудовищная, кровавая эпоха гражданских войн, бесконечно далекая от счастливого царствования Елизаветы.

На наш взгляд, попытки конкретизировать т.н. тюдоровский миф вряд ли можно считать оправданными. Проведенный анализ показал, что миф о Войнах Роз никогда не существовал как завершенная, четко сформулированная концепция. Перед нами скорее непрерывно меняющийся процесс осмысления недавнего исторического прошлого, который можно условно отграничить фигурами Ричарда Йорка и Шекспира.

⁶⁴ Название «Война Роз» появилось в повести Вальтера Скотта «Анна Гейрштейнская», написанной в 1829 г.

Глава IV
Войны Роз
в зеркале
историографии

Противостояние Йорков и Ланкастеров в англоязычной историографии

Историю изучения Войн Роз очень трудно свести к историографии в узком смысле слова. Шекспир так мастерски нарисовал картину «черных времен», что созданные им образы обрели самостоятельную жизнь. Святой король Генрих; черствая, мстительная Маргарита Анжуйская; горбун, убийца и клятвоступник Ричард известны гораздо лучше, чем их исторические двойники. В данном случае уместно говорить не о взаимовлиянии, а о взаимопроникновении историографии и литературы. Для огромного большинства эпоха Войн Роз до сих пор остается временем, когда банальная борьба за престол поднялась до уровня шекспировской трагедии.

Неудивительно, что первые два века противостояние Йорков и Ланкастеров осмысливалось исключительно в логике «Исторических хроник». С. Дениэл, Е. Бьонди, В. Дагдейл, Т. Карт, Д. Юм и другие писали, что вторая половина XV столетия стала едва ли не самым ужасным периодом в истории Англии, когда брат шел на брата, и даже дети не чувствовали себя в безопасности¹. Еще более показателен следующий факт — в 1674 г. найденные под лестницей в Тауэре скелеты были сочтены останками принцев в первую очередь потому, что так писал Шекспир².

Даже само словосочетание «Войны Роз» появилось благодаря гениальному драматургу. Термин Шекспир не употреблял, зато выдумал знаменитую сцену, в которой Ричард Йорк и герцог Сомерсет выбирают розы в саду Темпля:

«Сомерсет

Пусть тот, кто... искренне стоять за правду хочет,
Со мною розу алую сорвет...
Врагов узнаешь по цветам, — их будут
Мои друзья носить тебе на зло

Ричард Йорк

Клянусь душою, бледный, гневный розан
В знак ненависти, сердца кровь сосущей,
Носить я стану и друзья мои,

¹ *Daniel S.* The Civill Wares Betweene ye Howses of Lancaster and York. L., 1609. P. 146; *Biondi F.A.* History of the Civil Warres in England. L., 1641. P. 39; *Dugdale W.* Baronage of England. In 2 vol.. Oxford, 1675. Vol. I. P. 304; *Carte T.* General History of England. L., 1750. P. 741; *Hume D.* The History of England. In 6 vol. Indianapolis, 1983. Vol. II. P. 469.

² Подробнее на эту тему см. *Браун Е.Д.* Ричард III и его время. М., 2016.

Пока со мной в могиле не увянет
Иль не достигнет пышного расцвета»³.

Вложив эти слова в уста герцогов Йорка и Сомерсета, Шекспир радикально пересмотрел значение геральдических роз. Из абстрактных эмблем эти цветы превратились в зримое воплощение противостояния Йорков и Ланкастеров, необходимый символ принадлежности к той или другой партии. Популярность, растиражированность «Исторических хроник» привела к тому, что политические катаклизмы второй половины XV столетия начали восприниматься как «война Алой и Белой розы».

К середине XVIII столетия это представление прочно укоренилось в умах обывателей и ученых. В научной литературе конфликт Йорков и Ланкастеров впервые назвали «Войной Роз» в 1761 г. Это словосочетание появилось в фундаментальной «Истории Англии» известнейшего философа, историка и экономиста Дэвида Юма⁴. Стоит отметить, что термин прижился не сразу, и дело опять не обошлось без художественной литературы. В начале XIX из-под пера Вальтера Скотта вышла повесть, «Анна Герштейнская», в которой вновь использовалось предложенное Юмом словосочетание. И сама повесть, и «ботаническое», романтизированные название конфликта настолько понравились широкой публике, что термин «Война Роз» в считанные годы закрепился на страницах научных трудов.

Шекспировская трактовка Войн Роз оставалась историографической нормой вплоть до конца XIX в. В качестве наиболее яркого примера можно привести серию популярных книг Джекоба Эббота в которых вторая половина XV столетия рассматривалась как кровавая эпоха братоубийственных войн, прекратившихся только с воцарением Тюдоров⁵. Джеймс Гарднер пошел еще чуть дальше — он подчеркивал, что Шекспир не был точен в отношении фактов, но абсолютно верно передал сущность эпохи⁶.

Можно выделить несколько причин, способствовавших устойчивому воспроизведению тюдоровского мифа. Прежде всего, до начала XX в. история Средневековья в значительной степени сводилась к истории королевской власти. В этой связи датировка Войн Роз (фактически по царствованиям) и трактовка их хода (как борьбы за престол) безупречно соответствовали господствовавшим в то время принципам научности.

Кроме того, при изучении истории Войн Роз до середины XIX в. использовались преимущественно сочинения известных гуманистов (Томаса

³ Шекспир У. Генрих VI / Пер. Е. Бируковой. Часть I, акт 2, сцена 4 // Шекспир У. Полное собрание сочинений в восьми томах. М., 1957. Т. I.

⁴ Hume D. Op. cit.

⁵ Abbot J. Margaret of Anjou. N.Y.;L., 1900; Abbot J. Richard III. N.Y.;L., 1901.

⁶ Gardner J. History of the Life and Reign of Richard the Third to Which is Added the Story of Perkin Warbesk. Cambridge, 1898. P. IV.

Мора, Полидора Вергилия и других). Преклонение перед вкладом деятелей эпохи Возрождения в развитие культуры автоматически распространялось и на их исторические сочинения. Неудивительно, что предложенная Мором и Вергилием версия событий считалась наиболее достоверной; средневековые хроники, напротив, виделись собранием чудес и вымыслов.

Необходимо обратить внимание на еще один важный аспект восприятия Войн Роз. Долгое время этот конфликт осмысливался как драма героев. При этом трактовка «главных персонажей» заметно изменилась; пересмотр оценок Войн Роз шел именно по этой линии.

Любопытно, что почти все герои этой грандиозной исторической пьесы к началу XX столетия стали выглядеть заметно лучше, чем во времена создания тюдоровского мифа. Отчасти это можно объяснить влиянием романтизма, отчасти естественной для любого народа идеализацией далекого прошлого, отчасти введением в научный оборот новых источников и пересмотром отношения к старым. К середине XIX в. протоколы заседаний парламента, государственные бумаги, хроники, официальная корреспонденция королей и другие комплексы документов были опубликованы и прочно вошли в научный оборот.

Самым ярким примером в данном случае может послужить изменение отношения к главному антигерою эпохи Войн Роз — Ричарду III. В 1619 г. т.е. менее чем через три десятилетия после создания одноименной трагедии Шекспира, английский антиквар Джордж Бак создал первую апологетическую биографию Ричарда III. Бак доказывал, что король Ричард не был ни уродом, ни тираном. Любопытно, что по признанию самого Бака, первопричиной его исследований послужило убеждение — созданный Шекспиром монстр слишком ужасен для того, чтобы существовать в действительности⁷.

К середине XVIII в. появился целый ряд апологетических работ, в том числе хрестоматийный труд Горация Уолпола⁸. Было доказано, что исторического Ричарда III никак нельзя считать тираном, он не убивал принца Эдуарда Ланкастера и Генриха VI, наконец, у него не было никакого горба. «В активе» последнего короля из дома Йорков остались обвинения в узурпации, тирании, казни лордов, мешавших ему захватить трон, и убийстве племянников⁹.

Впрочем, вина Ричарда III в этом последнем, самом страшном преступлении также была поставлена под сомнение. «Ричардианцы» предложили несколько альтернативных версий. Г. Уолпол заявлял, что принцы не были убиты в Тауэре, по приказанию Ричарда III их якобы увезли за границу.

⁷ Buck G. The History of King Richard the Third. Gloucester, 1979. P. 9.

⁸ Carte Th. History of England to 1654 inclusive. L., 1753; Walpole H. Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the Third. L., 1768.

⁹ Buck G. Op. cit. P. 1—2; Walpole H. Op. cit. P. 1—3.

Более того, знаменитый Перкин Уорбек, поставленный во главе восстания йоркистов против Генриха VII Тюдора в 1496—1497 гг., якобы являлся младшим сыном Эдуарда IV — Ричардом герцогом Йоркским¹⁰. А. Легге, напротив, полагал, что принцы были убиты в 1483 г., но не Ричардом III, а герцогом Бэкингемом и его сообщниками Кэтсби и Рэтклифом (двумя дворянами из окружения Ричарда III)¹¹. М. Клементс утверждал, что сыновья Эдуарда IV были умерщвлены Тиреллом в 1486 г. по приказу Генриха VII¹². Стоит отметить, что благодаря усилиям Клементса тема «принцев в Тауэре» приобрела новое звучание. Он настаивал, что т.н. тюдоровский миф о злодее и тиране Ричарде III Глостере был создан только для того, чтобы сделать более убедительной легенду о смерти «принцев в Тауэре»¹³.

Важно отметить, что защитники Ричарда III в основном были не профессиональными исследователями, а любителями. Несмотря на похвальный энтузиазм и полемический задор к концу XIX столетия им удалось лишь чуть-чуть расшатать традиционную точку зрения. В обобщающих работах и академических биографиях Ричарда Глостера по-прежнему изображали таким, каким его описали Полидор Вергилий, Томас Мор и Шекспир¹⁴.

Еще раз подчеркнем, начавшийся сразу же после угасания династии Тюдоров процесс реабилитации Ричарда III — явление отнюдь не единичное. Сходным образом поменялось восприятие едва ли не всех участников Войн Роз.

Маргарита Анжуйская пострадала от деятельности тюдоровских «баснописцев» едва ли не больше Ричарда III, однако уже в начале XIX столетия к ее стали описывать совершенно иначе. Пожалуй, наиболее показательным будет сравнение двух литературных Маргарит — шекспировской и созданной воображением Вальтера Скотта. Маргарита из «Исторических хроник» — женщина с «сердцем тигрицы»¹⁵ и весьма сомнительной внешностью; это жестокая, циничная интриганка, неверная жена и, наконец, ведьма (во всяком случае ее проклятия обладают удивительной силой). Вальтер Скотт описал Маргариту Анжуйскую как Королеву в полном смысле слова — гордую, умную, решительную, удиви-

¹⁰ *Walpole H.* Op. cit. P. 125—131.

¹¹ *Legge A.O.* The Unpopular King. Life and Times of Richard III. In 2 vol. L., 1885. Vol. II. P. 96—105.

¹² *Clements M.* Op. cit. P. 269.

¹³ *Ibid.*

¹⁴ *Gardner J.* History of the Life and Reign of Richard the Third to Which is Added the Story of Perkin Warbesk. Cambridge, 1898. P. 96—122; *Abbot J.* Richard III. N.Y.;L., 1858. P. 301—302; *Heneage J.* Memoirs of King Richard the Third and Some of His Contemporaries, with an Historical Drama on the Battle of Bosworth. In 2 vol. L., 1862. Vol. I. P. 23—34; *Legge A.D.* The Unpopular King: the Life and Times of Richard III. In 2 vol. L., 1885. Vol. II. P. 56—69.

¹⁵ *Shakespeare W.* Henry VI. Part III / Ed. by M. Hattevey. Cambridge, 1993. Act I, Scene 4.

тельно сильную духом и в то же время женственную, сострадательную, красивую даже в пятьдесят лет. Шекспировская Маргарита сама виновата в своих несчастьях; персонаж Вальтера Скотта — просто жертва роковых обстоятельств. Наконец, на страницах повести «Анна Герштейнская» с Маргаритой произошла еще одна метаморфоза — она чудесным образом преобразилась в настоящую англичанку (даже после гибели единственного сына королева всей душой болеет за судьбу династии Ланкастеров, не раз называет Англию самой прекрасной страной на свете и подчеркивает, что именно в Британии прошли лучшие годы ее жизни)¹⁶.

Литературные аналогии в данном случае вполне уместны. В середине—второй половине XIX в. появилось две апологетических биографии Маргариты Анжуйской¹⁷. Их авторы — Агнесса Стрикленд и Мэри Хукхем — полагали, что жизнь Маргариты была намного интереснее похождениям любой романтической героини¹⁸. Возможно, поэтому обе дамы предпочли занимательность научности и создали очень похожие повести о злоключениях гордой, обаятельной, талантливой и очень несчастной королевы. В остальных работах (кстати, вышедших из-под пера мужчин) супругу Генриха VI описывали несравненно менее эмоционально. Маргариту Анжуйскую по-прежнему обвиняли в чрезмерной жесткости, нередко возлагали на нее вину за развязывание Войн Роз; в то же время, историки подчеркивали, что Маргарита защищала законные права мужа и сына, а ее недостатки были следствием суровых нравов эпохи¹⁹.

Успехи защитников Создателя Королей были гораздо скромнее. В XVIII столетии его образ вдохновил нескольких апологетов аристократии, но чопорная и упорядоченная викторианская эпоха не нашла для мятежного лорда ни одного доброго слова. Например, Шерон Тернер описал Ричарда Уорвика как «плохого генерала, вспыльчивого и несдержанного, честолюбивого и неугомонного... слишком могущественного, чтобы быть лояльным вассалом... короля», но принужденного вечно оставаться за тронном, и потому вечно сеявшего смуты и мятежи²⁰. У. Стаббс и вовсе считал, что Создателя Королей аномалией, маргиналь-

¹⁶ *Scott Walter. Anne of Geierstein; or The Maiden of the Mist. By the Author of "Waverley". In 3 vol. Edinburgh—London, 1829. Vol. I (II—III).*

¹⁷ *Strickland A. Lives of the Queens of England. In 2 vol. L., 1885 (впервые эта книга была опубликована в 1840-м); Hookham M.A. The Life and Times of Margaret of Anjou. In 2 vol. L., 1872.*

¹⁸ *Strickland A. Op. cit. Vol. II. P. 162; Hookham M.A. Op. cit. P. 4. Vol. I. P. IX.*

¹⁹ *Turner S. History of England During the Middle Ages. L., 1823, Vol. III. P. 290—292; Gardner J. The Houses of Lancaster and York. L., 1874. P. 187—190; Abott, J. History of Margaret of Anjou, Queen of Henry VI of England. Reproduction of 1871 text by Kessinger Press, 2004. P. 4.*

²⁰ *Turner S. History of England During the Middle Ages. In 3 vol. L., 1823. Vol. III. P. 290.*

ным персонажем, который «выпадает из конституционного развития Англии»²¹. В итоге к началу XX столетия Уорвик серьезно потеснил Ричарда III с занимаемых позиций и превратился едва ли не в самого отрицательного персонажа эпохи Войн Роз. Причина настолько отрицательного отношения к Создателю Королей очевидна — его расценивали как яркого антигосударственника, живое воплощение смут и беспорядков.

Еще раз подчеркнем — в целом трактовка политических катаклизмов XV столетия почти не изменилась. «Портреты» королей, королев и аристократов также выглядели почти по-прежнему, их не переписывали, а лишь слегка ретушировали.

Первые попытки пересмотреть тюдоровскую версию истории Войн Роз были предприняты во второй половине XIX столетия. Любопытно, что побудительным мотивом стали не научные, а политические соображения. Представители т.н. вигской историографии оценивали политические катаклизмы XV столетия совершенно иначе, чем традиционалисты т.к. главным смысловым критерием для них была не смена династий, а степень развития конституционных свобод. В «Конституционной истории Англии» Уильям Стаббса²² Войны Роз вписаны в широкий исторический контекст. По мнению Стаббса, виновником конфликта был Эдуард III. Для того чтобы иметь возможность вести войну на континенте, этот король позволил амбициозным магнатам нанимать большие отряды и тем самым существенно ослабил королевскую власть. Это ослабление не было фатальным, и короли, правившие в ладу с парламентом (как Генрих IV и Генрих V), оказывались вполне успешными. Однако слабые монархи (как Генрих VI) уже не могли контролировать деструктивные устремления аристократов, и гражданская война становилась практически неизбежной. Эдуарду IV удалось на время утихомирить магнатов, но лишь при помощи интриг и насилия. Для того чтобы выбраться из этого кризиса, Англии потребовалось пройти через деспотизм Тюдоров. Непосредственно гражданские войны Стаббс оценивал как краткосрочный перерыв в развитии гражданских свобод и ограничивал 50-ми—началом 60-х гг. XV в., т.е. борьбой между Йорками и Ланкастерами, закончившейся воцарением Эдуарда IV²³.

Представление о XV столетии как о периоде всеобщего упадка, эпохе слабой королевской власти и чрезмерно могущественных, агрессивных и амбициозных магнатов, в полной мере воплотилось в работах Чарльза Пламмера. В 1885 г. он издал и прокомментировал трактаты Джона Фортеस्कью, и тем самым начал новый этап обсуждения царствования Генри-

²¹ *Stubbs W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development. In 3 vol. Oxford, 1897. Vol. III. P. 212.*

²² *Stubbs W. The Constitutional History of England in Its Origin and Development. In 3 vol. Oxford, 1897.*

²³ *Ibid. Vol. III. P. 294.*

ха VI. По его мнению, Войны Роз были вызваны тем, что многие аристократы оказались богаче, сильнее, влиятельнее короля и к тому же имели в своем распоряжении банды вооруженных сторонников. Стоит отметить, что Пламмер стал первым, кто широко использовал современные событиям источники (семейные архивы, эпистолярные комплексы, документы городских корпораций и т.д.). В результате он пришел к выводу об изменении характера взаимоотношений внутри дворянства. Пламмер подчеркивал, что в XV столетии прямые сеньориально-вассальные отношения заменила система свит или ливрей, в которой платой за службу стал не феодал, а денежное вознаграждение. Для обозначения этой ситуации Пламмер ввел в научный оборот термин «бастардный» или, в метком переводе советских историков, «ублюдочный феодализм»²⁴.

Укоренившийся еще со времен Шекспира взгляд на Войны Роз был впервые оспорен в «Истории английского народа» Д.Р. Грина. Как и представители вигской историографии, Грин оценивал «Войну Роз» как кризис непрочной власти Ланкастеров, который привел к воцарению дома Йорков. Результатом конфликта явился новый государственный строй — абсолютная монархия, начало которого Д.Р. Грин относил к воцарению Эдуарда IV Йорка (1461 г.). Неограниченную королевскую власть Грин рассматривал как абсолютное зло, соответственно, не только сама «Война Роз», но и царствования Эдуарда IV, Генриха VII и Генриха VIII оценивались как «период конституционного регресса»²⁵. С другой стороны, Д.Р. Грин подчеркивал, что вышеупомянутый «конституционный регресс» никоим образом нельзя приравнять к описанному предыдущими историками глубокому и всеобъемлющему кризису; напротив, борьба за престол не так уж сильно повлияла на жизнь простых англичан²⁶.

Эта концепция была развита в исследованиях Чарльза Кингсфорда (1852—1926). Кингсфорд полагал, что негативное отношение к пятнадцатому столетию явилось результатом работы тюдоровских историков и пропагандистов. Ч. Кингсфорд видел этот период совершенно иначе — он писал о терпимом отношении к лоллардам, развитии литературы и искусства и т.п. Даже в беспорядках эпохи Войн Роз Кингсфорд видел нечто светлое — по его мнению, эти события закалили англичан, привили им стойкость и дух авантюризма, которые ярко расцвели во времена Уолтера Рэли и Френсиса Дрейка²⁷.

В первой половине XX столетия в британской историографии сформировалось достаточно сильное марксистское течение. В 1937 г. появилась

²⁴ Fortescue J. The Governace of England / Ed. by C. Plummer. Oxford, 1885. P. 2—26.

²⁵ Green J.R. A Short History of English People. L., 1878. P. 298—300.

²⁶ Ibid. P. 301.

²⁷ Kingsfor C.L. Prejudice and Promise in Fifteenth Century England. Oxford, 1925. P. 30—34.

книга Артура Лесли Мортон (1903—1987) «История Англии»²⁸. Как для любого марксиста, для Мортон важны, прежде всего, причины и последствия событий. В качестве причин «Войны Роз» (1455—1485) он отмечает поражение во Франции и восстание Джека Кэда, показавшее слабость правительства; в качестве результатов — установление монархии с новым соотношением классовых сил — абсолютизма Тюдоров, во многом предвосхищенного политикой Эдуарда IV²⁹. Таким образом, в изложении А.Л. Мортон «Война Роз» явилась конфликтом аристократии и более прогрессивных социальных сил, окончившимся в пользу последних.

Своего рода рубежом в исследовании истории Англии стала научная деятельность Джорджа Тревельяна (1876—1962). При создании «Социальной истории Англии» Д. Тревельян руководствовался методологической установкой — написать историю Англии без политики, то есть действительно социальную историю³⁰. Концепция Д. Тревельяна стала фундаментом для дальнейших исторических построений в рамках новой социальной истории. В качестве одной из основных причин начала «Войны двух Роз» (1455—1485)³¹ Тревельян указывал изгнание английской армии из Франции в 1453 г. Саму же войну Д. Тревельян понимал как «период общественных беспорядков, которые время от времени приводили к вспышкам настоящих войн», поскольку «вся социальная система была поражена вследствие дурного управления»³². Вред от этих вспышек насилия, по мнению Тревельяна, был столь силен, что лишь «сильные монархи из династии Тюдоров смогли обуздать знать и джентльменов»³³.

Подлинным прорывом в исследовании истории Англии XV в. можно считать научную деятельность К.Б. Макфарлайна (1903—1966). МакФарлайну удалось не только изменить представление о сущности Войн Роз; его работы положили начало научному направлению, в рамках которого до сих пор создается большая часть исследований упомянутой эпохи.

В центре научных изысканий МакФарлайна оказалась история английского дворянства. Прежде всего, МакФарлайн оспорил предложенное Пламмером понимание «ублюдочного феодализма» как периода социального и нравственного вырождения земельной аристократии. Исследовав семейные архивы и эпистолярные комплексы, Фарлайн пришел к выводу о том, что позднесредневековые бароны и джентри уважали право собственности, считали необходимым подчиняться королю и соблюдать рыцарский кодекс. Иной характер социально-политических связей внутри

²⁸ Мортон А. История Англии. М., 1965.

²⁹ Там же. С. 128—130.

³⁰ Тревельян Д.М. Социальная история Англии. М., 1959. С. 15.

³¹ Там же. С. 79.

³² Там же. С. 80.

³³ Там же.

дворянства при ближайшем рассмотрении также оказался не дегенерацией классического феодализма, а естественным приспособлением системы к изменившимся обстоятельствам. Соответственно, и Войны Роз не были проявлением системного кризиса; их главной причиной была неспособность Генриха VI управлять государством. Возобновление конфликта в 1469—1471 и 1483—1487 гг., в свою очередь, было вызвано конкретными политическими ошибками Эдуарда IV и Ричарда III. Таким образом, К.Б. МакФарлайн постулировал базовое для современных британских исследователей положение: Войны Роз нельзя рассматривать как единый конфликт. МакФарлайн выделил три отдельные войны, охватывавших соответственно 1450—1464, 1464—1471 и 1483—1487 гг.³⁴ И, конечно же, эта цепь случайностей не могла оказывать серьезного влияния на жизнь современников³⁵.

Концепция МакФарлайна была развита и доведена до логического завершения его многочисленными учениками и последователями. Во многом благодаря его научной деятельности в 70-х гг. XX в. произошел настоящий всплеск работ, посвященных истории Англии XV столетия, в том числе и Войнам Роз. В частности, появились монографии Д. Лоадса и Д.Р. Ландера. Если Д. Лоадс предлагает достаточно традиционный вариант датировки Войн Роз (1455—1485 гг.)³⁶ и их интерпретации как борьбы Йорков и Ланкастеров за корону Англии, то в монографии Д.Р. Ландера сформулирована оригинальная исследовательская концепция. Говоря о причинах Войн Роз, Д.Р. Ландер отмечает, что «ублюдочный феодализм» усилил могущество магнатов, доведя его до того опасного предела, когда удерживать их в повиновении мог только сильный король³⁷. В данном случае «неспособность Генриха VI управлять страной стала тем катализатором, который вывел соотношение политических сил в Англии середины XV в. из состояния неустойчивого равновесия»³⁸. Д. Ландер предложил относить к Войнам Роз период 1455—1487 гг., отмечая, что датировка явления, как и сам термин, является условной, более того, Войны Роз не оказывали сколько-нибудь заметного влияния на современное им общество, и «по меркам того времени, Англия второй половины XV в. была мирной и процветающей страной»³⁹.

³⁴ *McFarlain K.B. The Wars of the Roses // McFarlain K.B. England in the Fifteenth Century. L., 1981.*

³⁵ *McFarlane K.B. The Nobility of Later Medieval England. The Ford Lectures for 1953 and Related Studies. Oxford, 1973. P. 247—248.*

³⁶ *Loades D. Politics and the Nation 1450—1660. Obedience, Resistance and Public Order. Fontana, 1974. P. 21.*

³⁷ *Lander J.R. Crown and Nobility 1450—1509. L., 1976. P. 69.* Сравнительно недавно отечественному читателю стала доступна книга Д.Р. Ландера о Войнах Роз в русском переводе, см.: *Ландер Дж.Р. Войны Роз / Пер. А.А. Крапиной. СПб., 2013.*

³⁸ *Ibid.*

³⁹ *Lander J.R. Government and Community: England 1450—1509. L., 1980. P. 362.*

В монографии Д. Гиллингхэма «Войны Роз: мир и конфронтация в Англии пятнадцатого столетия» (1981) фактически воспроизводится точка зрения Макфарлайна. По Гиллингхему, «ублюдочный феодализм» — это не более чем неудачный термин», отсылающий нас к «системе связей между лордами, джентри и йоменами, которая была столь же характерна для XIV и XVI вв., как и для XV столетия»⁴⁰. Д. Гиллингхэм полагал, что Войны Роз были спровоцированы личными факторами — безумием Генриха VI, властолюбием Ричарда Йорка и т.п.

Оригинальную интерпретацию Войн Роз выдвинул А.Д. Поллард. Исследователь утверждает, что существовали две Войны Роз совершенно разного характера. Первые — это войны между Ланкастерами и Йорками (1459—1471); вторые — между Йорками и Тюдорами (1483—1487). «Вторые, — замечает А.Д. Поллард, — как раз и были тем, что современные историки описывают как Войны Роз — серией восстаний и битв со случайным исходом»⁴¹. Войны Ланкастеров и Йорков Поллард характеризует как гражданские войны. Вторая серия конфликтов, по мнению исследователя, явилась началом конфронтации Юга и Севера Англии⁴².

Наиболее отчетливо концепция Войн Роз как череды случайностей выражена в работах Э. Гудмана⁴³. В них Войны Роз рассматриваются как серия практически не связанных между собой выступлений магнатов и проявлений народного неповиновения, прерывавших правление английских королей второй половины XV в. Э. Гудман расширяет хронологические границы Войн Роз до 1452—1497 гг.⁴⁴ и отрицает обособленность данного периода истории Англии⁴⁵.

Итак, в целом, в англоязычной историографии 60—80 гг. XX в. постепенно закрепился взгляд на Войны Роз как на серию столкновений внутри политической элиты, не оказывавших сколько-нибудь заметного влияния на вполне благополучную жизнь англичан. Иными словами, от тюдоровского мифа исследователи пришли к его полной противоположности.

Примерно та же концепция Войн Роз присутствует в многочисленных исторических биографиях⁴⁶, однако, есть и нюансы. Наметившаяся ранее тенденция к оправданию основных участников конфликта в XX в.

⁴⁰ *Gillingham J. The Wars of the Roses: Peace and Conflict in Fifteenth—Century England. Baton—Rouge, 1981. P. 254.*

⁴¹ *Pollard A.J. The Wars of the Roses. N.Y., 1988. P. 111.*

⁴² *Ibid. P. 112.*

⁴³ *Goodman A. The Wars of the Roses: Military Activity and English Society (1452—1497). L., 1981. Idem. The Wars of the Roses: the Soldiers' Experience. L., 2005.*

⁴⁴ *Goodman A. The Wars of the Roses. P. 2.*

⁴⁵ *Ibid. P. 4.*

⁴⁶ *Tender D.R. Henry VI. L., 1976; Ross C.D. Edward IV. Berkley; N.Y., 1974; Chrimes S.B. Lancastrians, Yorkists and Henry VII. L., 1964; Haswell J. The Ardent Queen. Margaret of Anjou and Lancastrian Heritage. L., 1976; Kendall P.M. Richard the Third. L., 1972.*

достигла логического завершения. Как и в XIX столетии, самым ярким примером является трансформация отношения к Ричарду III. На протяжении XX в. чаша весов в т.н. «великом споре» о Ричарде III все больше склонялась в сторону защитников этого короля. В настоящее время даже самые ярые традиционалисты сомневаются, что Ричард Глостер убил Генриха VI и Эдуарда Ланкастера, отравил жену и т.д.⁴⁷ Тюдорианцы продолжают называть Ричарда III «вероломным тираном»⁴⁸, «самым ужасным человеком, который когда-либо занимал английский трон»⁴⁹, но единственными обвинениями, которые они могут предъявить последнему из Йорков, оказываются узурпация трона и убийство племянников.

В Англии, Америке и других англоговорящих странах действуют «Общества Ричарда III», главной целью которых является «окончательное оправдание» этого монарха. Ричардианцы добиваются признания того, что Ричард III не только не совершал ни одного из приписываемых ему преступлений, он и утверждает — он решился на государственный переворот исключительно под давлением обстоятельств, и вообще был лучшим королем в истории человечества. Статьи, претендующие на публикацию в печатном органе «Общества» — журнале «Ричардианец» — проходят специальную экспертизу, чтобы удостовериться — их авторы достаточно благосклонны к Ричарду III. В полной мере добиться желаемого сторонникам Ричарда III не удалось, и все же историографическая ситуация определенно складывается в пользу этого монарха.

Даже обстоятельства смерти «принцев в Тауэре» в настоящее время официально признаны слишком неясными для того, чтобы выдвигать конкретные гипотезы. В частности, П.М. Кендалл подчеркивал, что точная дата смерти сыновей Эдуарда IV неизвестна, а их убийцами «с равным успехом» могут быть и Ричард III, и Генрих VII, и Бэкингем⁵⁰; более того, «для современного историка совершенно некорректно и даже стыдно говорить, что Ричард III однозначно виновен, или пересказывать версию Томаса Мора» (напомним, что именно Томас Мор в деталях обрисовал сцену удушения принцев подручными Ричарда III)⁵¹.

Такая же метаморфоза произошла и с Маргаритой Анжуйской. В течение XX в. эта королева окончательно распрощалась с темным шекспировским прошлым. В середине столетия Маргариту еще описывали как бескомпромиссную и недалёковидную правительницу, чьи действия «сделали гражданскую войну практически неизбежной»⁵², но уже с 70-х гг. выходи-

⁴⁷ *Desmond S. Richard III: England's Black Legend. L., 1983. P. 156—159.*

⁴⁸ *Griffiths R.A., Thomas R.S. The Making of the Tudor Dynasty. Gloucester, 1985. P. 27—34.*

⁴⁹ *Desmond S. Op. cit. P. 4.*

⁵⁰ *Kendall P.M. Op. cit. P. 418.*

⁵¹ *Kendall P.M. Richard III. L., 1972. P. 418*

⁵² *Bagley J.J. Margaret of Anjou. L., 1948. P. 77.*

ли только апологетические биографии⁵³. Исследователи подчеркивали, что плохая репутация королевы явилась результатом целого ряда факторов; Маргариту оклеветали не только по политическим, но и по гендерным соображениям — в «мире мужчин» женщину было легче всего сделать «козлом отпущения»⁵⁴. К концу века было установлено, что Маргарита не была ни чрезмерно амбициозной, ни агрессивной; до начала Войн Роз она успешно вписывалась в стереотип «доброй королевы», и даже во время конфликта пыталась действовать в рамках закона и традиции⁵⁵.

Ричард Уорвик также был практически оправдан. После исследований МакФарлайна историки перестали воспринимать могущественных магнатов как воплощение эгоизма и неумеренных амбиций. В то же время, роль Уорвика в Войнах Роз стала казаться куда менее значительной. Его более не считали злым гением эпохи, подлинным «Создателем Королей». Например, в работе П.М. Кендалл Уорвик предстает как обычный, в сущности, аристократ — в меру воинственный и в меру щедрый, блестящий воин, хороший полководец, посредственный дипломат и никуда не годный царедворец⁵⁶.

Таким образом, авторам биографических исследований удалось скорректировать восприятие Войн Роз. Все без исключения персонажи этой грандиозной исторической драмы стали казаться подлинными героями — смелыми и гордыми, благородными и рыцарственными. Их недостатки нередко затушевывались, а достоинства преувеличивались. Как известно, биографии — самый читаемый жанр научной литературы. Авторы жизнеописаний редко делают научные открытия, но им удалось нечто не менее важное — создав живые, привлекательные, даже романтические образы Эдуарда IV, Ричарда III, Уорвика и других они изменили отношение к эпохе. XV столетие перестало казаться кошмарной чередой братоубийственных войн, его начали воспринимать как «закат Средневековья» — блестящий, жестокий и по-своему очень красивый.

В исследованиях 90-х гг. XX в. концепция Войн Роз как череды случайностей была подкорректирована. Большинство современных британских исследователей говорит о том, что Войны Роз затрагивали не только политическую элиту и настаивает на наличии взаимосвязи между событиями 50-х—80-х гг. XV в. В частности, К. Карпенгер полагает,

⁵³ Erlanger P. Margaret of Anjou. L., 1970; Haswell J. The Ardent Queen. Margaret of Anjou and Lancastrian Heritage. L., 1976

⁵⁴ Lee R.A. Reflection of Power: Margaret of Anjou and Dark Side of Queenship // Women in the Middle Ages and Renaissance. 1986, Quartely № 39. P. 183—217.

⁵⁵ Dunn D. Margaret of Anjou, Queen Consort of Henry VI: Reassessment of her Role in 1445—1453 // Crown, Government and People in the Fifteenth Century / Ed. by R.E. Archer. N.Y., 1995. P. 107—147.

⁵⁶ Kendall P.M. Warwick the Kingmaker. L., 1951.

что основной причиной Войн Роз стала сама система управления Англией, основанная на хрупком равновесии между интересами короны и аристократии. Войны Роз трактуются исследовательницей как затяжной политический кризис. К. Карпентер вообще предпочитает говорить не о Войнах Роз как таковых, а об эпохе Войн Роз (1437—1509 гг.), отмечая, что этот конфликт не имеет смысла рассматривать изолированно⁵⁷.

Майкл Хикс в своей монографии «Войны Роз. 1455—1485 гг.» возвращается к непопулярной в английской историографии трактовке причин Войн Роз. По его мнению, конфликт был вызван не столько внутренними, сколько внешними проблемами — потеря владений во Франции не позволила правительству Генриха VI преодолеть политический кризис и обуздать амбиции Ричарда Йорка. М. Хикс трактует 50-е—90-е гг. XV в. как самый длинный в истории Англии период гражданских войн⁵⁸. В то же время исследователь полагает, что Войны Роз были скорее серией войн (1459—1461, 1469—1471, 1483—1497 гг.), каждая из которых имела свои причины, особенности и действующих лиц.

Промежуточные итоги изучения Войн Роз британскими и американскими историками отражены в опубликованной в 2001 году «Энциклопедии Войн Роз»⁵⁹. В ней под Войнами Роз подразумеваются непосредственно военные столкновения между армиями Йорков и Ланкастеров. Выделяются три периода наибольшей военной активности: 1459—1461, 1469—1471, 1483—1485 или 1487 гг., промежутки мирной жизни между военными кампаниями освещаются вскользь, как необходимые для понимания Войн Роз, но не относящиеся к ним непосредственно. В «Энциклопедии...» также подчеркивается, что проблема Войн Роз еще далека от разрешения. Британские и американские историки спорят о хронологических рамках конфликта, о том, сколько этапов насчитывали Войны Роз, наконец, о степени влияния, оказываемого данной серией конфликтов на жизнь английского общества второй половины XV в.

В первые полтора десятилетия XXI в. историографическая ситуация мало изменилась. Немногочисленные работы, посвященные непосредственно Войнам Роз, рассчитаны на очень широкий круг читателей; их можно условно назвать повествовательными, т.к. указанные книги практически не содержат новых фактов или концепций⁶⁰. Единствен-

⁵⁷ *Carpenter Ch.* The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, c. 1437—1509. Cambridge, 1997.

⁵⁸ *Hicks M.* The Wars of the Roses 1455—1485. N.Y., 2003.

⁵⁹ *Wagner J.A.* Encyclopedia of the Wars of the Roses. Santa-Barbara, 2001.

⁶⁰ *Neilands R.* The Wars of the Roses. Hachette UK, 2006; *Royle T.* Lancaster Against York: The Wars of the Roses and the Foundation of Modern Britain. N.Y., 2008; *Weir A.* Lancaster and York: The Wars of the Roses. L., 2011; *Jones D.* The Wars of the Roses: The Fall of the Plantagenets and the Rise of the Tudors. L., 2014.

ное исследование, заслуживающее отдельного упоминания — «Краткая история Войн Роз» Дэвида Граммита⁶¹. Это классический пример обобщающей работы, в которой зафиксирована историографическая норма. Д. Граммит отмечает незначительное расширение хронологических рамок Войн Роз — 1455—1487 гг., т.е. верхним рубежом служит последнее крупное выступление сторонников Йорков уже в правление Генриха VII. Граммит также подчеркивает, что Войны Роз все же оказали заметное влияние на жизнь современников — аристократы, джентри, а нередко и горожане участвовали в них непосредственно, косвенным же образом конфликт повлиял на жизнь всего общества⁶².

Таким образом, наметившаяся еще пару десятилетий назад тенденция к пересмотру тезиса об изолированном характере Войн Роз и об отсутствии их влияния на жизнь современников получила дальнейшее развитие. Пожалуй, определяющую роль в данном случае сыграли работы, посвященные социальной истории, в первую очередь истории джентри. По-видимому, в данном случае речь идет о переходе количественных изменений в качественные. Активные исследования истории джентри были начаты еще в шестидесятые годы XX в. последователями МакФарлайна. Их научные взгляды наиболее полно выражены в серии сборников, среди которых можно назвать следующие: «Патронат, родословная и власть в позднесредневековой Англии» (“Patronage, pedigree and power in Later Medieval England”); «Собственность и политика: исследования истории Англии в период Позднего Средневековья» (“Property and politics: essays in Later Medieval English History”); «Короли и аристократы в Позднее Средневековье» (“Kings and Nobles in the Later Middle Ages”)⁶³. Работы историков указанного направления представляют собой либо по возможности всесторонние реконструкции социальной жизни сообществ джентри какого-либо конкретного графства⁶⁴, либо анализ отдельных аспектов социальной, политической или культурной жизни отдельных графств⁶⁵.

⁶¹ Grummitt D.A. Short History of the Wars of the Roses. L., 2014

⁶² Ibid. P. 154—155.

⁶³ Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England / Ed. by Ch. Ross. Gloucester; N.Y., 1979; Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A. J. Pollard. N.Y., 1984; Kings and Nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherborne. N.Y., 1986.

⁶⁴ Acheson E.A. Gentry Community: Leicestershire in the Fifteenth Century. c. 1422—1485. Cambridge, 1992; Pollard A.J. The Richmondshire Community of Gentry during the Wars of the Roses // Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England... P. 37—55.

⁶⁵ Flaming P.W. Charity, Faith, and the Gentry of Kent // Property and Politics...; Dockray K. The Political Legacy of Richard III in Northern Ireland // Kings and Nobles in the Later Middle Ages... P. 213—222; Castor H. “Walter Blound was gone to serve traytours”: the Sack of Elvasted the Politics of the North Midlands in 1454 // Midland History. Birmingham, 1994. Vol. XIX. P. 21—39, etc.

Вышеуказанные работы, а также исследования А. Поллард⁶⁶, Е. Ачесон⁶⁷ и других показали, что сложившаяся к XV столетию система социальных связей не позволяла джентри дистанцироваться от политических катаклизмов. Более того, в годы борьбы за корону жизнь локальных сообществ заметно менялась. Примерно та же мысль содержится и в работах последних лет⁶⁸. Иными словами, в начале XXI в. полученный исследовательский материал достиг «критической массы» и повлиял на трактовку одной из ключевых проблем, связанных с изучением Войн Роз.

Свою лепту внесли и ученые, работающие в рамках военной истории. Исследования Энтони Гудмана, Питера Барли и других показали, что в XV столетии английское общество было достаточно военизированным, а «солдатами Войн Роз» становились представители едва ли не всех социальных групп⁶⁹.

Одним из наиболее востребованных и бурно развивающихся остается биографическое направление. Майкл Хикс создал целую серию классических, фундированных жизнеописаний, среди которых «Ричард III», «Анна Невиль», «Эдуард V», «Уорвик Создатель Королей» и другие⁷⁰. Арлена Окерланд работает в рамках гендерной истории⁷¹, Хелен Мюррей — на стыке гендерной проблематики и истории идей⁷², монография Энтони Корбета близка к военной истории⁷³.

Стоит отметить следующее любопытное обстоятельство. Историческая биография — это всегда портрет на фоне эпохи. В начале XXI столетия внимание исследователей стало смещаться с «портрета» на «фон», с частного на общее. Вероятно, главной причиной этих изменений стало стремление историков получить новые факты путем экстраполяции. Попытки создания биографий людей, чья жизнь крайне плохо документирована (например,

⁶⁶ Pollard A.J. North-Eastern England during the Wars of the Roses: Lay Society, War, and Politics, 1450—1500. Oxford, 1990.

⁶⁷ Acheson E.A. Gentry Community: Leicestershire in the Fifteenth Century. c. 1422—1485. Cambridge, 1992.

⁶⁸ Paying S. War and Peace: Military and Administrative Service amongst English Gentry in the Reign of Henry VI // Solgers, Nobles and Gentlemen / Ed. by P. Coss and Ch. Tyerman. Woodbridge, 2009. P. 240—260; Mercer M. The Medieval Gentry: Power, Leadership and Choice during the Wars of the Roses. L., 2010. P. 25—33; Rollison D.A. Commonwealth of the People: Popular Politics and England's Long Social Revolution 1066—1649. Cambridge, 2010. P. 138—141.

⁶⁹ Goodman A. The Wars of the Roses: the Soldiers' Experience. L., 2005; Burley P., Elliott M., Watson H. The Battles of St Albans. Barnsley, 2007.

⁷⁰ Hicks M. Warwick the Kingmaker. Oxford, 2002; Hicks M. Richard III. L., 2003; Hicks M. Anne Neville: Queen to Richard III. L., 2007; Hicks M. Edward V. L., 2003.

⁷¹ Okerlund A. Elizabeth: England's Slandered Queen. L., 2006.

⁷² Maurer H. Margaret Anjou. Queenship and Power in Late Medieval England. Woodbridge, 2003.

⁷³ Corbet A. Edward IV, England's Forgotten Warrior King. Bloomington, 2015.

Эдуарда V или членов семьи Вудвилей⁷⁴) оказываются успешными только в том случае, если исследователь заполняет «белые пятна» индивидуального портрета общими, типическими чертами. Необходимо подчеркнуть, что, несмотря на значительный прогресс в биографических исследованиях, переоценки роли «главных героев» или самих Войн Роз не произошло. Авторы жизнеописаний Ричарда III по-прежнему делятся на ричардианцев (например, Дэвид Болдуин)⁷⁵ и антиричардианцев (например, Майкл Хикс), биографы Елизаветы Вудвиль все также пытаются оправдать эту королеву⁷⁶ и т.д. Столь же стабильным остается и обобщенный взгляд на Войны Роз — они по-прежнему трактуются как серия отдельных битв и узурпаций, вызванная частными факторами и закончившаяся с воцарением Тюдоров.

Войны Роз в отечественной исторической науке

В отечественной историографии проблема Войн Роз освещена несравненно менее полно. В дореволюционной исторической науке это явление практически не рассматривалось. Войны Роз упоминаются в работах В. Александренко и К.А. Кузнецова⁷⁷, однако сами авторы указывали на то, что в освещении политических катаклизмов второй половины XV в. опирались исключительно на разработки британских коллег⁷⁸. В целом, в русской историографии XIX—начала XX в. воспроизводилась тюдоровская трактовка Войн Роз — они воспринимались как кровавые гражданские войны, сопровождавшиеся политическим, экономическим и социальным кризисом.

Первые исследования, посвященные непосредственно Войнам Роз, в отечественной исторической науке появились только в конце 1950-х. До этого времени в обобщающих изданиях сохранялась слегка модернизированная тюдоровская версия конфликта. Поскольку в советской исторической науке были пересмотрены хронологические рамки средневековья и его окончание стали относить ко времени Английской или же Французской буржуазной революции, то «Война Роз» (термин продолжал употребляться в единственном числе)⁷⁹ стала рассматриваться

⁷⁴ Higginbotham S. *The Woodvilles: The Wars of the Roses and England's Most Infamous Family*. L., 2013.

⁷⁵ Baldwin D. *Richard III*. Stroud, 2012.

⁷⁶ Baldwin D. *Elizabeth Woodville Mother of the Princes in the Tower*. Gloucester, 2010.

⁷⁷ Александренко В. Английский тайный совет и его история. Варшава: б.и., 1890; Кузнецов К.А. Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII вв.). Владивосток: б.и., 1913.

⁷⁸ Александренко В. Указ. соч. С. 165.

⁷⁹ Петрушевский Д.М. Восстание Уотта Тайлера, М., 1934. С. 345.

как феодальная война в рамках феодальной же формации, «последний взрыв анархии перед установлением абсолютизма»⁸⁰.

Первым исследователем, посвятившим себя изучению Войн Роз, стал Е.В. Кузнецов. В трудах Кузнецова преимущественное внимание было уделено становлению абсолютной монархии в Англии XV в., начало которой автор относил к царствованию Эдуарда IV. Войны Роз рассматривались Е.В. Кузнецовым как проявление глобального кризиса английского общества соответствующего периода. Говоря о причинах Войн Роз, Е.В. Кузнецов подчеркивал влияние народных движений (прежде всего, восстания Джека Кэда) на начало военной фазы конфликта⁸¹. Не случайно, Кузнецов предложил датировать «Войну Роз» (термин звучит у него в единственном числе) — 1450—1502 гг., т.е. считать нижней хронологической границей конфликта именно восстание Кэда⁸². В работах Е.В. Кузнецова было опровергнуто распространенное в отечественной историографии мнение об опоре Ланкастеров на баронов экономически отсталого Севера, а Йорков — на сравнительно более развитый юго-восток страны и «новое дворянство». Исследователь говорил об отсутствии прямой зависимости между географическим положением владений того или иного дворянина и его политическими симпатиями⁸³.

Помимо работ Е.В. Кузнецова, непосредственно Войнам Роз в советской историографии была посвящена только кандидатская диссертация С.А. Сливко. В ней фактически повторяется концепция У. Стаббса. С.А. Сливко датирует Войны Роз 1455—1461 гг.⁸⁴ Войны Роз в интерпретации С.А. Сливко явились вооруженной борьбой за корону между Йорками и Ланкастерами, окончившейся с воцарением Эдуарда IV.

В единственном в отечественной историографии обобщающем исследовании по истории средневековой Англии⁸⁵, принадлежавшем перу В.В. Штокмар, основными причинами Войн Роз называются соперничество баронов за власть, неспособность партии Ланкастеров справиться

⁸⁰ Советская историческая энциклопедия. М., 1961. Т. I. С. 414.

⁸¹ Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в. (к проблеме возникновения английского абсолютизма). М., 1958. С. 20.

⁸² Там же. С 13—14.

⁸³ Он же. Борьба магнатских партий в Англии в 50—е гг. XV в. Политическая программа Йоркской партии // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1959. Вып. 46. С. 142.

⁸⁴ Сливко С.А. Социальная борьба в Англии в конце XV в и формирование английского абсолютизма. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1965. С. 16.

⁸⁵ В 2007 г. текст работы В.В. Штокмар с незначительными добавлениями из исследований Е.А. Косминского и Д.М. Петрушевого был перепечатан под фамилией профессора Адыгейского государственного университета С.П. Марковой. (Маркова С.П. Англия эпохи Средневековья и раннего Нового времени: Учеб. пособие. М., 2007). Данное «Учебное пособие» являет собой один из наиболее ярких примеров откровенной нечистоплотности и пренебрежения авторским правом.

с глубоким кризисом и восстание Джека Кэда. События 1450—1454 гг. В.В. Штокмар рассматривает как «канун баронских войн». Внутри самих Войн Роз Штокмар выделяет следующие периоды: 1455—середина 1459 г., вторая половина 1459—1461 гг., 1469—1471 гг. и, наконец, 1483—1485 гг. Приход к власти Генриха VII В.В. Штокмар считает концом Войн Роз и началом абсолютной монархии. В целом, Войны Роз рассматриваются В.В. Штокмар как «жестокая борьба двух баронских клик», время «разорения и смуты»⁸⁶.

Несколько работ советских историков были посвящены царствованию Ричарда III. К слову, этот монарх оказался единственным, кого советская историография «заметила» и даже реабилитировала. В исследованиях М.А. Барга (1972)⁸⁷, Т.Г. Ложкиной (1978)⁸⁸, и А.А. Петросьяна (1992)⁸⁹ Войны Роз трактуются как высшее проявление глубокого социально-экономического и политического кризиса, а Ричард III описан как невинная жертва тюдоровской пропаганды.

В отличие от британских коллег, российские историки не склонны были интерпретировать Войны Роз как серию битв со случайным исходом. Для них финал противостояния Йорков и Ланкастеров определялся глобальными социально-экономическими и политическими факторами.

Н.И. Басовская обращает внимание на взаимосвязь Столетней Войны и Войн Роз, подчеркивая существование прямой зависимости событий англо-французского противостояния и политической смуты в Англии второй половины XV в. В частности, всплеск военной активности англичан на континенте в 1452—1453 гг. относится автором уже к Войнам Роз⁹⁰; тем самым отмечается европейское значение конфликта.

Еще одна группа причин Войн Роз рассматривается в исследованиях, посвященных сословно-представительной монархии⁹¹. Е.В. Гутнова констатирует постепенное уменьшение значения парламента, возрас-

⁸⁶ Штокмар В.В. История Англии в средние века. СПб, 2005. С. 130.

⁸⁷ Бург М.А. Ричард III сценический и исторический // Новая и новейшая история. 1972. № 4. С. 147; Он же. Шекспир и история. М., 1979..

⁸⁸ Ложкина Т.Г. К вопросу о социальных и политических отношениях в Англии в период правления Ричарда III // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978. Вып. II. С. 55.

⁸⁹ Петросьян А.А. Ричард III: миф и реальность // Вопросы истории. 1992. № 11—12. С. 179—184.

⁹⁰ Басовская Н.И. Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. С. 136.

⁹¹ Гутнова Е.В. Английское феодальное государство в XIV—XV вв. // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 59—75; Савельев В.А. Изменения в структуре власти в Англии в период сословно—представительной монархии XIII—XV вв. // Сословно—представительные монархии: государственность — право — идеология. М., 1987. С. 7—16.

тание мощи королевской власти и обострение социальных противоречий, ставшее особенно явным к середине XV столетия⁹². В.А. Савельев подчеркивает постепенное усиление роли и властных полномочий Королевского Совета на протяжении XIII—XV вв.⁹³ Оба автора отмечают экономические предпосылки Войн Роз и их социальные — расхождение интересов «старого» и «нового» дворянства.

В российской историографии конца XX—начала XXI в. следует отметить исследования научной школы Е.В. Кузнецова. Ученица Е.В. Кузнецова Т.Б. Меркулова занимается изучением Северной Англии в эпоху Войн Роз⁹⁴; Т.Г. Минеева разрабатывала историю английского парламента в Позднее Средневековье⁹⁵. В работах школы Е.В. Кузнецова сохраняется концепция Войн Роз, предложенная этим исследователем еще в 50-е—70-е гг. XX в.⁹⁶ Это касается и хронологических рамок Войн Роз (1450—1502 гг.), и склонности к преимущественно социально—экономическому объяснению исторических событий⁹⁷, и даже трактовки образов английских монархов⁹⁸. Даже самые последние разработки учеников Е.В. Кузнецова воспроизводят штампы советской эпохи. В частности, в докторской диссертации Т.Г. Минеевой (2011 г.) «война Алой и Белой розы» трактуется как «кровопролитная гражданская война... столкновение разных политических сил, в котором победили сторонники неограниченных прав монарха, что привело к установлению абсолютизма в конце XV в.»⁹⁹.

Таким образом, в отечественной исторической науке XX в. Войны Роз рассматривались как проявление системного кризиса английского общества, вызванного целым комплексом причин социально-экономического и политического характера. Напомним, что представление о «Войне Алой и Белой Розы» являло собой симбиоз взглядов английских историков XIX в. (они «сохранились», т.к. советские историки зачастую физически не имели

⁹² Гутнова Е.В. Указ. соч. С. 56, 64.

⁹³ Савельев В.А. Указ. соч. С. 7—16.

⁹⁴ Меркулова Т.Б. Север Англии в политической жизни страны второй половины XV века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999; Она же. Английский Север: региональная специфика в эпоху средневековья // Англия и Европа. Проблемы истории и историографии. Улан—Батор, 2001. С. 79—86;

⁹⁵ Минеева Т.Г. Конституционное развитие Англии в XIV—XV вв. Арзамас, 2005.

⁹⁶ Англия и Уэльс в эпоху Позднего Средневековья / Отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас, 1999.

⁹⁷ В частности, женитьба Эдуарда IV на Елизавете Вудвиль объясняется стремлением короля нивелировать влияние аристократии, в первую очередь Невилей. (Там же. С. 29).

⁹⁸ К таким «казусам» можно, отнести, в частности, почти шекспировскую версию царствования Ричарда III, «убившего наряду с соперниками и врагами, своих собственных племянников». (Там же. С. 31).

⁹⁹ Минеева Т.Г. Развитие государственно-правовых институтов в Англии XIV—XV вв. Автореф. дисс... д-ра юр. наук. Н. Новгород, 2011. С. 9.

возможности ознакомиться с новейшими разработками) и марксистских штампов. Иными словами, указанная концепция сформировалась под влиянием вненаучных факторов. Неудивительно, что после падения железного занавеса и отказа от марксистской методологии предложенная советской историографией трактовка Войн Роз оказалась нежизнеспособной.

Наиболее успешные исследования последних лет в концептуальном плане близки к работам британских и американских ученых. В.И. Золотов видит корни Войн Роз в параличе системы местного управления, полностью захваченной магнатами, что открывало им дорогу к узурпации короны¹⁰⁰. Кроме того, он считает, что Войны Роз были непосредственно инспирированы «мелкими и малозначащими стычками, нападениями отдельных дворян на маноры и усадьбы своих соседей»¹⁰¹. Практически та же концепция содержится и в кандидатской диссертации ученицы В.И. Золотова — Н.А. Пономаревой¹⁰². А.Г. Праздников отмечает слабую вовлеченность городов в Войны Роз¹⁰³; А.Г. Румянцев доказывает, что Войны Роз нанесли существенный урон высшей знати, но она вовсе не сошла с исторической сцены; больше того, от эпидемий аристократия страдала куда сильнее, чем от политических катаклизмов, т.е. «тезис о вымирании старой знати, так прочно вошедший в историографию и используемый чуть ли не как главное доказательство радикальности перемен в верхах английского позднесредневекового общества, на деле порожден мифом»¹⁰⁴. Та же точка зрения высказана и в статье И.В. Казакова¹⁰⁵. Е. Бакалдина опровергает расхожее представление о жестокости Войн Роз и подчеркивает, что Эдуард IV всячески стремился «примирить враждующие стороны» и принял к себе на службу немало сторонников Ланкастеров¹⁰⁶.

Тем более досадно, что в ВУЗовских и школьных учебниках Войны Роз описаны в худших традициях советской историографии. Сове-

¹⁰⁰Золотов В.И. Английское общество накануне «Войны Роз». Брянск, 1996; *Он же*. К вопросу о местном управлении в законодательстве первых парламентов Генриха VI (1422—1433) // Англия в XIV—XVII вв. Горький, 1974. Вып. II. С. 120—135; *Он же*. Снова о социальных аспектах «Войны Роз» // Историческая мысль и история идей. Брянск, 1998. Вып. VI. С. 79—88.

¹⁰¹Золотов В.И. Английское общество накануне «Войны Роз»... С. 89.

¹⁰²Пономарева Н.А. Джентри и горожане в Англии в 60—80 гг. XV в. Автореф. дис... канд. ист. наук. Брянск, 2002. С. 16.

¹⁰³Праздников А.Г. Участие английских городов в Войнах Роз // Вопросы истории. М., 2009. № 7. С. 155—159.

¹⁰⁴Румянцев А.Г. Английская социальная элита в XV веке. Дис... канд. ист. наук. СПб, 2003. С. 156—188.

¹⁰⁵Казаков И.В. О формах и методах становления тюдоровского абсолютизма // Самарский научный вестник. 2013 (4). С. 87—90.

¹⁰⁶Бакалдина Е.В. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал. Дис... канд. ист. наук. СПб, 2011. С. 145.

менным школьникам историю Средних веков преподают по морально устаревшему, буквально мумифицированному тексту Е.В. Агибаловой и Д.М. Донского. В 2012 г. этот сомнительный шедевр образовательной мысли был переиздан в 20-й раз¹⁰⁷, но, несмотря на громкие заявления об очередной переработке и соответствии всем мыслимым стандартам, внутреннее наполнение осталось почти таким же, как в первом издании 1963 г.¹⁰⁸ Присутствующий в издании 2012 г. короткий рассказ о «Войне Алой и Белой розы» словно сошел со страниц учебников середины XX в. Авторы с нажимом рассказывают об удивительной жестокости конфликта, якобы нацеленного на полное истребление аристократических родов и подчеркивают, что «в Войне Роз... убивали даже детей»¹⁰⁹.

К сожалению, та же тяга к консерватизму характерна и для учебников высшей школы. В «Истории средних веков» под редакцией С.П. Карпова (вне зависимости от года издания) до запятой перепечатывается текст Е.В. Гутновой из более раннего учебника под редакцией С.Д. Сказкина¹¹⁰. Иными словами, студентам преподносятся давно устаревшие марксистские штампы. Достаточно процитировать рассказ о причинах «Войны Алой и Белой розы» (используется термин, который британские историки перестали употреблять еще в начале XX в.). Итак: «Разгром восстания Джек Кэда заставил богатых горожан и «новое дворянство» оставить надежду на широкое народное движение как на средство борьбы с господством крупных феодалов. Теперь они, возлагая свои упования на смену династии, в противовес Ланкастерам стали поддерживать Йорков»¹¹¹.

Вряд ли кто-то из членов редколлегии «Истории Средних веков» всерьез считает, что процитированная концепция не утратила актуальности. Просто раздел об истории Англии в Позднее Средневековье пока не переписан, и, вероятнее всего, из-за отсутствия обобщающих работ. В последние годы вышло несколько книг, в заглавии которых присутствует словосочетание «Войны Роз», но это научно-популярные издания, созданные непрофессионалами¹¹².

Сохраняется также печальная тенденция, наметившаяся еще в советские годы — заметную часть работ по истории Войн Роз составляют кандидатские диссертации и статьи, необходимые для допуска этих ра-

¹⁰⁷Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Ред. Е.В. Агибалова, Г.М. Донской. М., 2012.

¹⁰⁸История средних веков. Учебник для 6 класса / Ред. Е.В. Агибалова, Г.М. Донской. М., 1963.

¹⁰⁹Всеобщая история. История Средних веков. 6 класс: учеб. для общеобразоват. учреждений / Ред. Е.В. Агибалова, Г.М. Донской. М., 2012. С. 183.

¹¹⁰История Средних веков: учебник для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «История» / Отв. ред. С.П. Карпов. М., 2010. С. 365.

¹¹¹Там же. С. 364—365.

¹¹²Например: Таланов А.А. Война Роз: Йорки или Ланкастеры. М., 2001.

бот к защите. К сожалению, после защиты подавляющее большинство молодых исследователей либо прекращает научную деятельность, либо обращаются к изучению других проблем. Одним из самых ярких примеров такого рода является научная судьба Елены Вячеславовны Бакалдиной. В кандидатской диссертации Е.В. Бакалдина¹¹³ обратилась к сложной и малоизученной теме — должностной структуре двора Эдуарда IV и особенностям придворного церемониала. Используя очень непростой источник — т.н. «Черную книгу Эдуарда IV» Бакалдина создала по-настоящему удачное, фундированное исследование. Однако в последние годы она перешла к изучению документов Музея-института семьи Рерихов, в котором работает хранителем фонда фотоматериалов¹¹⁴.

Таким образом, в российской историографии не сложилось плодотворной научной традиции изучения Войн Роз, отсутствуют фундаментальные наработки в области истории Англии XV столетия; отдельные исследования существуют как бы изолированно и не формируют общего научного пространства.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Событийный ряд Войн Роз восстановлен более чем подробно, детально описан ход сражений, подсчитано даже количество участвовавших в них людей. В этом отношении возможности письменных источников почти исчерпаны — все тексты давно введены в научный оборот и скрупулезно изучены. Не случайно, сколько-нибудь заметные открытия в указанной сфере связаны с получением новых археологических данных. Например, только обнаружение останков Ричарда III положило конец длительным и практически бесперспективным спорам о внешности этого монарха.

И все же, в истории Войн Роз остается немало «белых пятен». Продолжается дискуссия по следующим вопросам: датировка конфликта, его характер, а также степень влияния Войн Роз на современное им общество. Сложилась весьма необычная историографическая ситуация. Исследователи признали существование указанных проблем и... временно отложили их решение, перейдя к изучению несобытийной истории. Успешно исследуется политический лексикон эпохи, гендерные стереотипы, есть интересные наработки в области истории ментальности, локальной истории, просопографии и т.д. Вполне возможно, в ближайшем будущем накопление новых фактов в этих областях приведет к пересмотру сложившейся картины Войн Роз.

¹¹³Бакалдина Е.В. Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал. Дисс. На соиск. учен. степени канд. ист. наук. СПб, 2011.

¹¹⁴Программа XV международной научно-практической конференции «Рериховское наследие». Режим доступа: <http://donntu.org/sites/default/files/documents/ph-2015.pdf>

Заключение

В данном исследовании были реконструированы несколько уровней восприятия Войн Роз. В результате получились три масштабных полотна: первое из них принадлежит кисти джентри XV в.; над вторым работали преимущественно интеллектуалы; над третьим — профессиональные историки.

Естественно, картина, нарисованная современниками, может похвастаться наибольшим количеством деталей. Собственно, это даже не единое полотно, а диптих. Одна его часть — это автопортрет джентри, вторая — обрисованная в письмах джентри картина Войн Роз. На первый взгляд, портрет джентри имеет лишь косвенное отношение к рассматриваемой теме. На самом деле он исключительно информативен. Вглядимся в черты указанного автопортрета, и проанализируем, что нового он дает для понимания истории конфликта Йорков и Ланкастеров.

Конечно же, джентри взирали на борьбу за престол со стороны, но они были в высшей степени заинтересованными наблюдателями. Проведенный анализ показал, что социальные и культурные связи джентри в основном ограничивались рамками их «страны», пространственное измерение которой совпадало с границами графства, а социальное — охватывало всех живущих в нем людей. Однако через систему покровительства джентри были связаны с самими могущественными магнатами. Рассмотрим эту систему чуть более подробно.

Прежде всего, необходимо отметить, что региональные сообщества джентри вовсе не были монолитными, они распадались на отдельные противоборствующие группировки. Ядром этого противостояния была борьба за земли, спровоцированная чрезвычайно зыбким механизмом наследования и слабостью судебной системы.

Схема социальных связей внутри региональных сообществ может быть уподоблена многоярусной ступенчатой пирамиде. Ее основой являлись взаимовыгодные объединения, основанные на общности земельных интересов и ориентированные на отстаивание этих интересов всеми возможными средствами. Члены таких объединений считали себя «друзьями», поэтому их вполне можно обозначить термином «дружеские союзы». «Дружеские союзы» также имели достаточно сложную внутреннюю структуру. На нижней ступени стояли люди, пользовав-

шиеся покровительством джентри (не обязательно благородного происхождения). Выше находились джентри, положение которых внутри «дружеского союза» определялось их социальным статусом (богатством, родственными связями и т.п.).

Следующий уровень системы социальных связей — это объединение нескольких «дружеских союзов» со схожими интересами. Современники обозначали их термином «партия». Поскольку в данном случае речь идет о структуре, ограниченной рамками графства, ее уместно обозначить термином «локальная партия». Во главе «локальной партии» стоял кто-то из лордов.

Главы «локальных партий» являлись членами аналогичных «дружеских союзов», существовавших уже в аристократической среде. «Партии», действовавшие на общенациональном уровне, представляли собой именно такие объединения аристократических «дружеских союзов». Этот порядок вещей сделал возможным складывание столь крупных и влиятельных объединений, как «партии» Йорков и Ланкастеров, столкновение которых вылилось в конфликт за корону Англии.

Исход сражений Войн Роз, перераспределение придворных и государственных должностей, иными словами, возвышение или падение глав «локальных партий» были жизненно важными событиями для джентри, ведь они коренным образом влияли на возможности магната защищать интересы своих сторонников.

Любопытно, что для джентри приверженность интересам собственной «локальной партии» оказывалась более важной, чем выполнение должностных обязанностей. Шерифы, бейлифы, судьи, присяжные и свидетели принимали решения и давали показания, исходя в первую очередь из интересов того «дружеского союза», членами которого они являлись. По-видимому, органы власти в эпоху Войн Роз функционировали как часть системы покровительства; и до тех пор, пока оказание помощи своим сторонникам не приводило к грубому нарушению законов, вспышкам насилия и т.п., такое положение вещей воспринималось современниками как естественное.

Как известно, многие джентри участвовали в битвах Войн Роз. Но даже те, кто оставался дома, являлись частью «партийной» системы и, таким образом, были кровно заинтересованы в исходе противостояния аристократических группировок. Таким образом, Войны Роз оказывали прямое, непосредственное влияние на жизнь даже самых мирных представителей провинциального дворянства.

Однако это влияние не было определяющим. Автопортрет джентри показывает, что представители этой социальной группы желали «жить в мире, как должно, в полном соответствии с собственным социальным статусом». Они были рачительными хозяевами, экономными, а иногда

и прижимистыми. Единственным ограничением в данном случае было еще более важное стремление соответствовать общепринятым «стандартам потребления» — у джентри ни в коем случае не должно было быть меньше слуг, мебели или драгоценностей, чем у соседей. Образование ценилось, но только приносящее практическую пользу; увлечение изящной словесностью, напротив, не поощрялись. Это был идеал мирного времени, да и сами джентри не проявляли излишней воинственности. Они должны были уметь защищать себя, но именно защищать. Эпистолярные комплексы не упоминают о том, что юношей серьезно готовили к войне. Джентри должны были уметь владеть оружием, но до постоянно тренировавшихся аристократов им было очень далеко. Пастоны, Стоноры и Пламптоны всеми силами уклонялись от участия в любых войнах и даже рыцарским турнирам относились с изрядным неодобрением.

Таким образом, Войны Роз не оказали заметного влияния на ценностные ориентации джентри, они не считали необходимым перестраивать жизнь на военный лад. Англия джентри была относительно мирной страной, т.е. интерпретировать политические катаклизмы второй половины XV в. как гражданскую войну не имеет смысла.

Итак, как же джентри воспринимали Войны Роз? Начать необходимо с того, что в своих письмах джентри ни разу не назвали противостояние Йорков и Ланкастеров войной, вероятно, они действительно так не думали. Для них это была не настоящая война, а жесткая борьба за власть и придворные должности.

Исходя из этих критериев, имеет смысл оценивать и политическую ситуацию в графствах. В 1452—1485 гг. в Англии было крайне неспокойно. Каждое обострение борьбы «партий» Йорков и Ланкастеров существенно дестабилизировало обстановку, в частности, в 1452—1461 гг. в графствах центра, юго-востока и севера Англии происходили столкновения вооруженных отрядов, насильственный захват спорных земель, убийства свитских джентри и самих дворян, грабежи и т.п. Обстановка заметно обострялась также и в 1470—1471, и в 1485—1487 гг.

Столкновение общенациональных «партий» неизбежно приводило к открытому противостоянию «дружеских союзов», которые являли собой «нижний ярус» объединений Ланкастеров и Йорков, т.е. к обострению земельных споров. В конфликты в среде джентри прямо или косвенно вовлекались не только они сами, но и их «свитские», их держатели и люди, пользовавшиеся их покровительством. В качестве наиболее рельефного примера разрастания земельных конфликтов можно привести следующий факт — преуспевающий купец Ричард Кале, пользовавшийся покровительством Пастонов, в 1471 г. занимался не только торговыми операциями, но и принимал самое непосредственное уча-

стие в обороне замка Пастонов, который осаждал отряд герцога Норфолка¹.

Таким образом, наличие существования прямой зависимости между общенациональными столкновениями и эскалацией напряженности на местах. Анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет прояснить характер этой взаимосвязи. Эта проблема теснейшим образом связана с вопросом о политических предпочтениях джентри. Армии Йорков и Ланкастеров, как и любые другие феодальные армии, формировались из отрядов, находящихся в непосредственном подчинении кого-либо из магнатов, а джентри составляли весомую часть этих отрядов. Именно этот факт в данном случае является ключевым. По-видимому, джентри (в частности, Пастоны, Пламптоны, Стоноры и их корреспонденты) поддерживали не Йорков, Ланкастеров или Тюдоров, а главу собственной «локальной партии». Джентри не принимали решение, на чьей стороне им участвовать в битве, а присоединялись к отряду «своего лорда», т.е. того, чьим покровительством они пользовались, иными словами, к отряду главы своей «партии». И уже глава «локальной партии» решал, на какой стороне он выступит в сражении. Эта гипотеза совпадает с выводами британских исследователей, которые единодушно отмечают, что исход сражений Войн Роз во многом зависел от того, к какой «партии» присоединялись те или иные лорды и их отряды².

Джентри не видели связи между отдельными эпизодами Войн Роз и даже к концу противостояния Йорков и Ланкастеров не считали происходящее единым конфликтом. Они принципиально не вникали в детали престолонаследия и всегда уважительно отзывались о коронованных особах. Большую часть вины за политические катаклизмы они возлагали на дурных советников короля, отмечая, что им «должно быть стыдно» за то, что те устроили в королевстве. Необходимо еще раз подчеркнуть — для джентри Войны Роз не были войной и тем более гражданской войной; они оценивали борьбу династий как затянувшееся немирье.

Итак, джентри воспринимали Войны Роз как не связанные между собой эпизоды противостояния аристократических кланов, которые самым прискорбным образом сказывались на положении дел в их родных графствах. Однако уже в середине XV столетия политическая элита предложила совершенно другую версию конфликта.

Как только Ричард Йорк предъявил права на корону, его сторонники начали работу над т.н. мифом Йорков. Причиной всех бедствий и неурядиц 50-х гг. XV в. объявили событие достаточно далекое — узурпацию престола Генрихом IV (первым королем из династии Ланкасте-

¹ The Paston Letters. Vol. II. P. 38.

² *Chrimes S.B. Lancastrians, Yorkists and Henry VII. L., 1964. P. 61.*

ров) в 1399 г. В рамках этой концепции смещенный с трона Ричард II был провозглашен едва ли не святым. Ранняя смерть Генриха V, безумие Генриха VI и вообще все проблемы, имевшие место в годы правления Ланкастеров, интерпретировались как Божья кара за совершенное основателем династии преступление. Воцарение Эдуарда IV расценивалось йоркистами как «восстановление справедливости» и окончание беспорядков.

После короткой реставрации Ланкастеров в 1470—1471 гг. миф Йорков был доработан. Утверждалось, что промысел Божий вовсе не предусматривал полного истребления Ланкастеров — они должны были всего лишь потерять незаконно захваченный престол. Но возгордившийся сверх меры несправедливый род не знал, что такое смирение, поэтому Бог наказал их, истребив всех мужчин, имевших отношение к династии.

Короткое царствование Ричарда III прибавило к существовавшим стереотипам немного. Он «объяснил» причину преждевременной смерти Эдуарда IV — короля свело в могилу дурное влияние безродной супруги (Елизаветы Вудвиль) и ее многочисленных родственников. Стоит отметить, что легенда о злой и жадной королеве Елизавете оказалась удивительно живучей — историки безуспешно опровергают ее до сих пор, но в обобщающих работах акценты расставлены столь же решительно, как во времена Ричарда III.

В годы правления Тюдоров события 50-х—80-х гг. окончательно связали в единый «клубок» интриг, сражений и неурядиц с наследованием престола. Принято считать, что т.н. тюдоровский миф был чем-то единым и неизменным. При ближайшем рассмотрении оказывается, что и при Тюдорах восприятие конфликта постоянно менялось.

Первые шаги к созданию тюдоровского мифа были сделаны еще до узурпации 1485 г. В прокламациях 1484—1485 гг. появились две идеи, впоследствии ставшие краеугольными камнями означенной мифологии. Во-первых, будущий брак дальнего родственника Ланкастеров Генриха Тюдора и дочери Эдуарда IV Йорка объявлялся естественным завершением конфликта династий. Во-вторых, последний король дома Йорков — Ричард III — провозглашался тираном, узурпатором и едва ли не воплощением вселенского зла. Соответственно, Генрих Тюдор выступал спасителем Англии.

В первые годы правления Генриха VII эта концепция оставалась неизменной. Более того, она обогатилась деталями и зримыми символами, самым известным из которых стали розы. Алая роза была объявлена основной эмблемой Ланкастеров, белая — Йорков, а красно-белый геральдический цветок — символом Тюдоров, знаком единения домов и прекращения распрей.

Чем дольше Генрих VII находился на престоле, чем прочнее становилась его власть, тем меньше он желал вспоминать, что обязан жене половиной короны. По заказу короля пропагандисты начали в очередной раз менять концепцию истории. Итогом их работы стало то, что можно условно назвать «мифом Ланкастеров». К началу XVI в. все короли этой династии оценивались более чем положительно, Генриха VI и вовсе попытались канонизировать. Политические катаклизмы 50-х—80-х гг. воспринимались как борьба благородных, человеколюбивых и заботящихся о благе Англии Ланкастеров с их несправедливыми, жестокосердными и эгоистичными соперниками. Лучшим доказательством того, насколько Йорки были неудобны Богу, стала гротескная фигура злодея и тирана Ричарда III, якобы умертвившего своих родных племянников. Итогом противостояния династий теперь объявлялась победа Ланкастеров — благочестивый Генрих VI якобы намеревался завещать трон своим родственникам Тюдорам, а перед смертью и вовсе предрек воцарение Генриха VII.

При Генрихе VIII картина в очередной раз изменилась. В жилах этого короля текла кровь и Йорков, и Ланкастеров, поэтому ему не нужно было принижать одну из сторон. Все предки Генриха VIII были объявлены прекрасными и благородными, а роль отрицательных персонажей отвели злой королеве Маргарите Анжуйской и Ричарду III (последнему к тому времени домыслили горб и приписали множество новых, неизвестных современникам преступлений).

Финальные штрихи были нанесены в эпоху Елизаветы. В «Исторических хрониках» Шекспира зафиксирован целый ряд пропагандистских «находок». Во-первых, борьба Йорков и Ланкастеров стала восприниматься как непрерывная череда кровавых усобиц, самое жуткое время в истории Англии. Во-вторых, Алая и Белая розы превратились в зримые воплощения конфликта — враждующие стороны якобы выбрали их в самом начале распри, йоркистов будто бы всегда можно было узнать по белым розам, сторонники Ланкастеров с тем же постоянством украшали алым ботаническим символом одежду, дома и даже утварь. Сложилась и образы действующих лиц. Ричард III превратился в зримое воплощение усобиц, в «урода, горбатого и телом, и душой», Генрих VI в святого, королева Маргарита — в мстительную фурию, и т.п.

Итак, при ближайшем рассмотрении тюдоровский миф оказывается весьма пластичным. Перед нами не законченная концепция, а непрерывный процесс переосмысления прошлого, который продолжился и после ухода династии Тюдоров.

В основных чертах шекспировская трактовка Войн Роз оставалась неизменной до конца XIX столетия. Причины «консервации» тюдоровской версии истории вполне понятны — это и привлекательность созданных Шекспиром художественных образов, и преклонение перед

гуманистами, работавшими над созданием мифа о Войнах Роз (самый яркий пример — почти слепое доверие к созданной Томасом Мором «Истории Ричарда III»). Свою роль сыграло и то, что в Британии существовал и до сих пор существует настоящий культ Тюдоров.

Тем не менее, уже в XVII в. оценки «главных героев» Войн Роз начали заметно меняться. Основным направлением указанных изменений было стремление оправдать тех, кто больше всего пострадал от рук (или перьев) тюдоровских пропагандистов — Ричарда III и Маргариту Анжуйскую. К середине XIX в. список их «прегрешений» существенно сократился, в частности Ричард III полностью лишился зримого символа своей дьявольской сущности — горба. Освободившееся место «главного злодея» в XIX столетии занял Создатель Королей, его описывали как чудовищно эгоистичного глупца, бездарного интригана и еще более бездарного полководца.

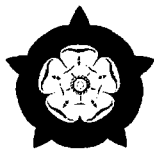
Первые попытки пересмотреть тюдоровскую версию Войн Роз были сделаны во второй половине XIX в., и опять побудительным мотивом стала политика. Историки-виги перестали видеть в противостоянии Йорков и Ланкастеров чудовищную эпоху братоубийственных войн. Впрочем, предложенная ими трактовка Войн Роз была столь же разрушительной и глобальной. По мнению вигов, конфликт был проявлением всеобъемлющего кризиса. Дегенерация системы феодальных связей, неограниченное могущество магнатов, нравственное вырождение земельной аристократии, коррупция всех органов управления; когда ко всему этому прибавилась неспособность Генриха VI управлять государством, началась война, закончившаяся почти полным истреблением старой аристократии и «деспотизмом Тюдоров».

Всё XX столетие ушло на преодоление этих двух мифов. Введение в научный оборот неопубликованных источников (например, городских архивов, собраний документов аристократических родов) привело к существенному пересмотру истории второй половины XV в. К.Б. Макфарлайну и его последователям удалось доказать, что Войны Роз вовсе не были братоубийственными войнами; аристократов (например, того же Уорвика) не стоит считать безнравственными властолюбцами; и вообще никакого системного кризиса во второй половине XV в. не было.

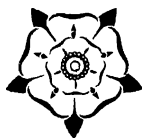
Как это часто бывает, преодоление глубоко укоренившейся идеи привело к заметным перехлестам. К концу XX в. исследователи ударились в противоположную тюдоровскому мифу крайность — они провозгласили, Англия второй половины XV столетия была мирной страной, ее экономика процветала, англичане жили в достатке и почти не замечали небольших неурядиц, связанных с наследованием престола. Даже сам термин Войны Роз предложили отменить как не отвечающий историческим реалиям.

Эта картина всеобщего мира и благоденствия была поставлена под сомнение в начале XXI в. Исследования локальной истории, истории идей, восстановление биографий многих аристократов, наконец, материалы археологических раскопок — все это свидетельствовало о том, что Войны Роз заметно повлияли на жизнь даже тех, кто не участвовал ни в одном сражении. Исследователи признали, что в истории конфликта есть целый ряд спорных моментов (точная датировка, оценки многих «действующих лиц» и т.д.), временно прекратили серьезные дискуссии и перешли к изучению несобытийной истории. В настоящее время самыми перспективными являются биографическое направление (к слову, теперь все без исключения персонажи Войн Роз полностью «амнистированы», критиковать кого-то из исторических деятелей в настоящее время считается неполиткорректным), история ментальностей, просопография, гендерная история, проводятся крайне интересные историко-лингвистические изыскания. Для того чтобы споры о Войнах Роз возобновились, необходимо получение качественно новых данных.

В заключение хотелось бы отметить, что за более чем пятьсот лет изучения представления о Войнах Роз сделали почти полный круг. Современники принципиально не вникали в детали престолонаследия, уважительно относились ко всем королям и королевам. Они сетовали, что борьба за престол не лучшим образом сказывается на положении дел в королевстве, но не считали происходящее катастрофой. В конце XV—XVI вв. конфликт Йорков и Ланкастеров все больше драматизировали, к тому же, если современники понимали далеко не все, то в эпоху Тюдоров картина становилась все более ясной, пока в правление Генриха VIII все окончательно не «разложили по полочкам». Шекспир прибавил полотну ярких красок, и следующие три столетия историки некритически воспроизводили драматическую версию тюдоровского мифа. В XX столетии стереотипы были сломлены, и в итоге исследователи пришли к тому же, что и современники. Как и людям XV в., нынешним историкам очень многое не ясно; подобно современникам они почти не критикуют участников конфликта; наконец, в оценке степени воздействия Войн Роз на повседневную жизнь исследователи теперь склонны полагаться на мнение очевидцев. Возможно, профессионалы на этом остановятся, но может быть это начало нового витка спирали и будущее предложит новую версию истории XV столетия.

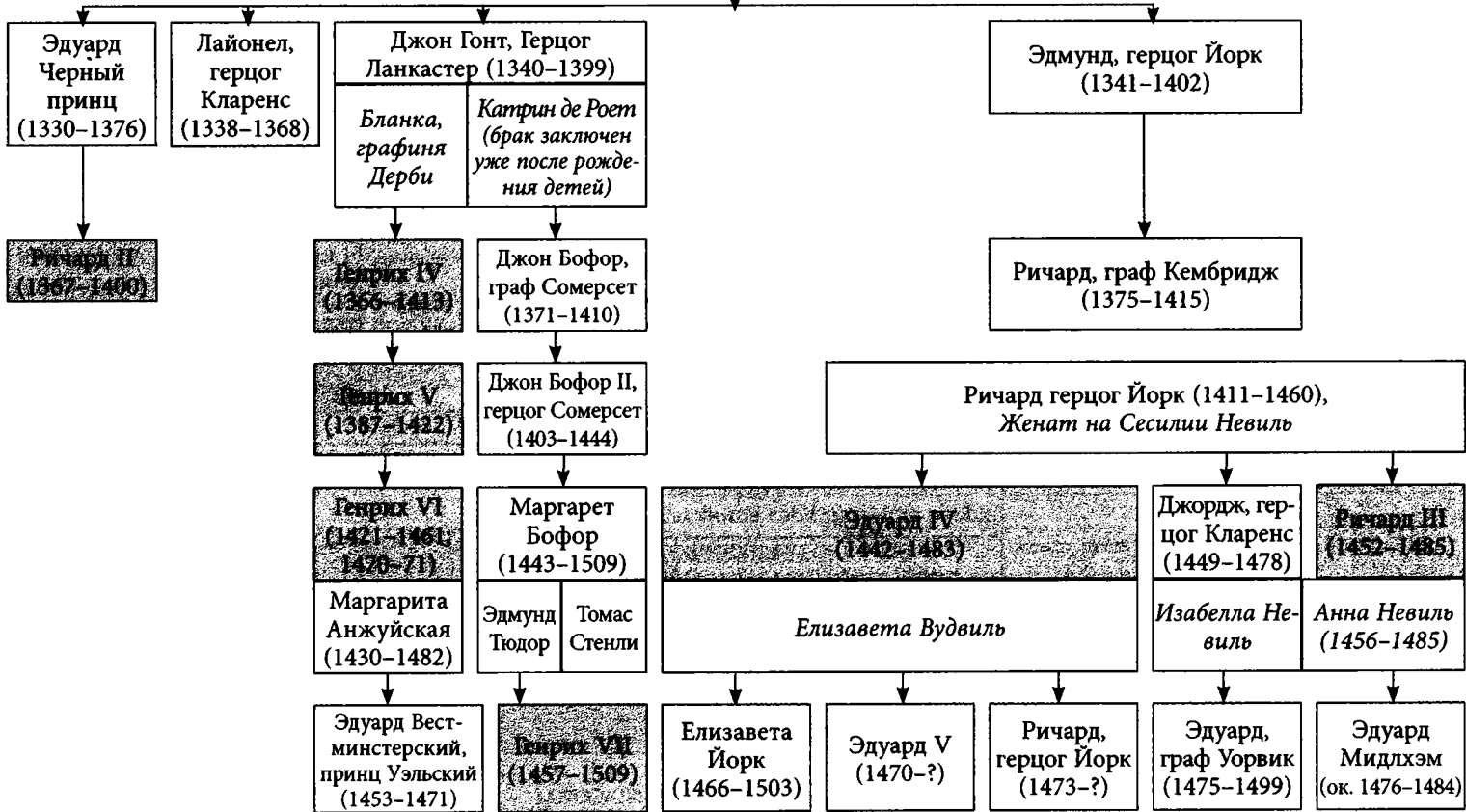

Приложения

Ланкастеры, Йорки, Тюдоры

Эдуард III Плантагенет (1312–1377)

Родословное древо семьи Пастонов

Клемент Пастон, ум. в 1419 г.
*Беатрис, дочь Джона де Сомертона,
 ум. до 1419 г.*

Уильям Пастон (1378–1444). Был судьей,
 получил дворянский титул в 1420 г.
*Агнесс, дочь и наследница сэра Эдмунда Берри
 ум. 1479 г.*

**Джон Пастон-старший, сквайр
 (1420–1466),
 получил наследство лорда Фастольфа**
*Маргарет, дочь и сонаследница
 Джона Моутеби (ум. в 1484 г.)*

Эдмонд
 Пастон
 (1425–1448)

Уильям Пастон
 Имел земельную тяжбу
 со своими племянниками

Клемент
 Пастон
 род. в 1442 г.

Элизабет Пастон,
 род. ок. 1429 г.

**Сэр Джон
 Пастон-
 младший
 (1440–1479)**

**Джон Пастон
 сквайр,
 с 1487 г. рыцарь,
 наследовал брату
 в 1479 г.,
 ум. в 1503 г.**
 Марджери,
 дочь Томаса
 Бреуса ум. в
 1495 г.

Уильям
 Пастон

Клемент
 Пастон

Вальтер
 Пастон
 (ум. 1479)

Эдмонд
 Пастон
 (ум. 1504)

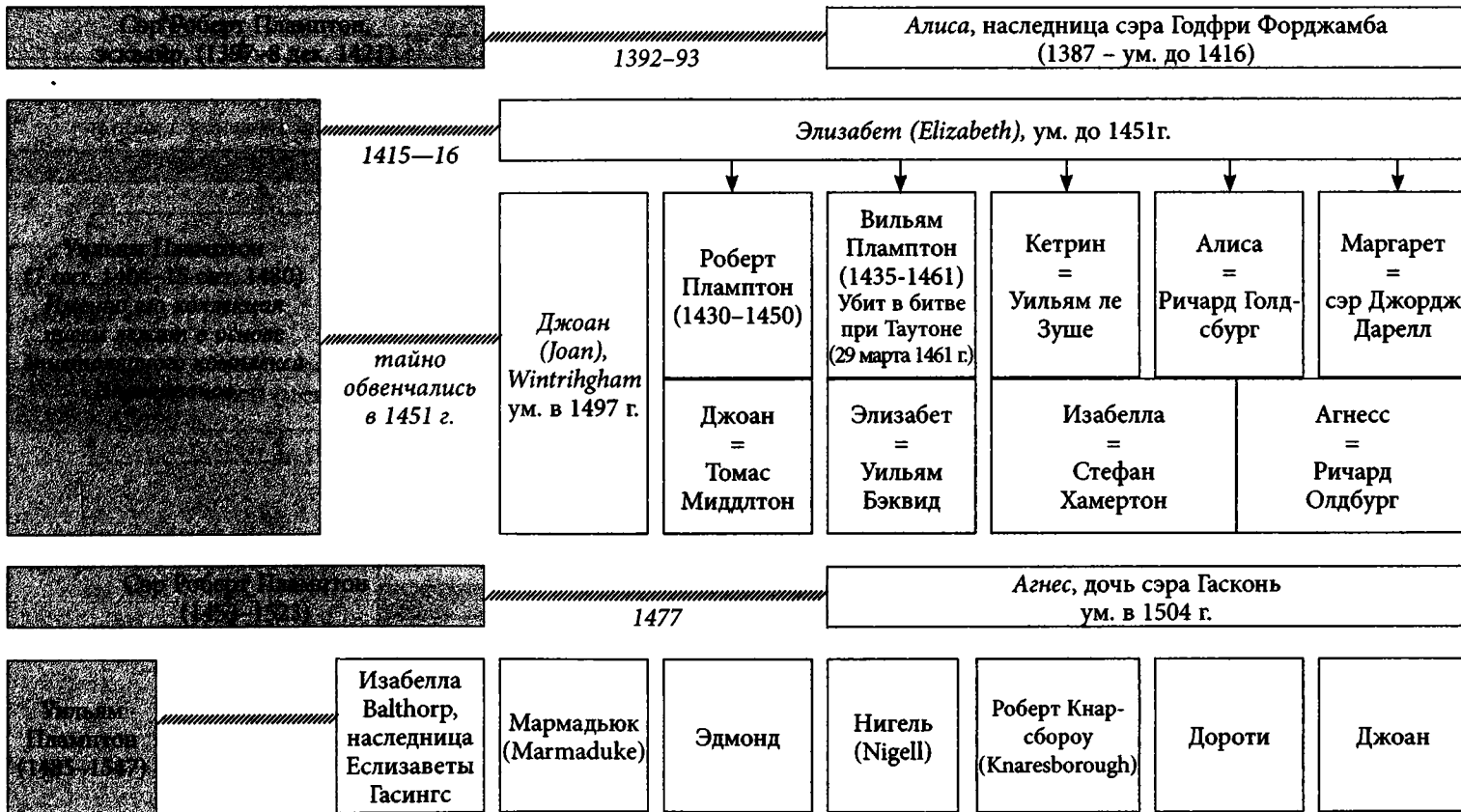
Анна

Марджери

Уильям
 Елвертон

Ричард Кале
 (купец, свитский
 Пастонов)

Генеалогическое древо семьи Пламптонов

Родословное древо Стоноров

Ричард Стонор, род. в 1290
Мargarет Хернбелл
Сэр Джон Стонор (до 1285–после 1354)
Мод Фицльюис
Эдмунд Стонор, ум. 1382
Мargarет ?
Сэр Ральф Стонор, ум. в 1394
Джоан Белкнап
Томас Стонор, ум. в 1431
Алиса Кирби (вторым браком вышла за Ричарда Драйтона)

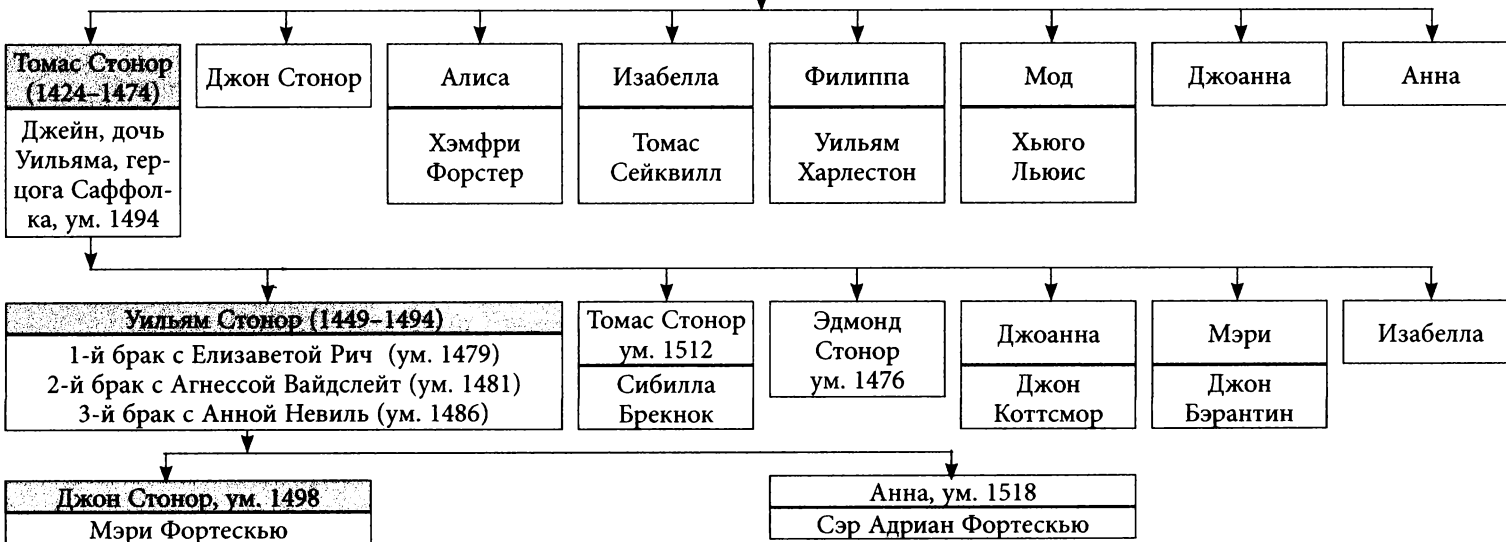
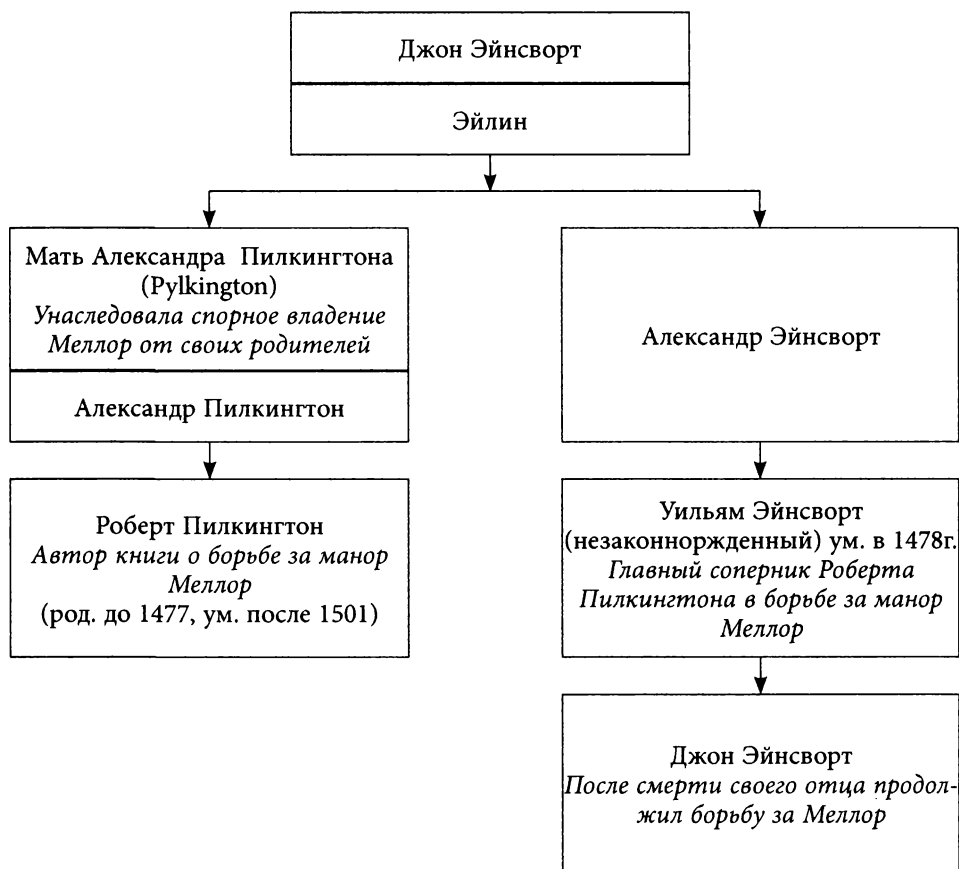

Схема родственных отношений фамилий Эйнсвортов и Пилкингтонов

«Свитские» Пастонов, Пламптонов и Стоноров

Цель данного приложения — показать, кто из корреспондентов Пастонов, Стоноров и Пламптонов обозначал себя словом «свитский», а своего адресата называл «господином». Для создания репрезентативной выборки вовсе не обязательно анализировать все без исключения документы имеющихся в нашем распоряжении семейных архивов. Будет достаточно в каждом из эпистолярных комплексов ограничиться письмами, адресованными к одному главе семьи. В данном случае это Джон Пастон-старший, Томас Стонор и Роберт Пламптон.

В приложении приводятся имена лишь тех людей, о которых удалось найти какие-либо дополнительные сведения, как-то: социальное положение, функции, выполняемые на службе дворянской семье и т.п.

1. «Свитские» Джона Пастона (глава семьи в 1450—1466)

- *Berney, John* — джентри. Единственное письмо от него содержит просьбу хлопотать за него перед королем для испрошения прощения за участие в одной из битв Войн Роз на стороне Ланкастеров. См. *The Paston Letters. Vol. I. P. 182.*
- *Bocking, John* — недворянского происхождения. Свитский лорда Фастольфа, затем — Пастонов. *Ibid. Vol. I. P. 130.*
- *Botoner, William (Worcester)* — джентри, владел одним манором, доходов с которого, по его собственному утверждению, не хватало и на неделю.¹ Принадлежал к свите лорда Фастольфа, выполнял его поручения, после смерти Фастольфа перешел под покровительство его наследников — Пастонов. *Ibid. Vol. I. P. 92, 106, 112, e.t.a.*
- *Cale, Richard* — недворянского происхождения. Кале был преуспевающим купцом, регулярно одалживавшим деньги своим покровителям — Пастонам. В 1472 г., несмотря на сопротивление родных невесты, Кале женился на Екатерине Пастон — дочери Джона Пастона. Этот брак не изменил его отношений с новым главой семьи — Джоном Пастоном-младшим, к которому Кале по прежнему обращался «господином»². *Ibid. Vol. I. P. 179, 193, e.t.a.*
- *Clopton, John* — джентри. В 1452г. занимал должность шерифа Норфолка и Саффолка. Джон Клоптон оказывал Пастонам юридическую, политическую и имиджовую поддержку в обмен на аналогичные услуги. *Ibid. Vol. I. P. 83, 85, 86, e.t.a.*
- *Cotyng, William* — недворянского происхождения, управляющий маноров Снайвелл (Snailwell). *Ibid. Vol. I. P. 24, e.t.a.*
- *Damme, John* — недворянского происхождения. Исполнял разного рода поручения Джона Пастона, в т.ч. вел переговоры с влиятельными людьми (например, герцогом Оксфордом) в отсутствие «господина». *Ibid. Vol. I. P. 29, e.t.a.*
- *Dawberney, Richard* — недворянского происхождения. Занимался преимущественно торговлей, пользовался неизменным покровительством Пастонов. *Ibid. Vol. I. P. 19, e.t.a.*
- *Debenham, Tymperley, White* — недворянского происхождения. Эти люди обороняли замок Пастонов, когда земельная тяжба их хозяев переросла в серию вооруженных столкновений. *Ibid. Vol. I. P. 53, 54, e.t.a.*
- *Denys, Thomas* — джентри. Пользовался неизменным покровительством Пастонов. Имел дом в Лондоне и имения в Норфолке, свою свиту, его дочь была мона-

¹ *The Paston Letters. Vol. I. P. 106.*

² *Ibid. Vol. II. P. 87, etc.*

- хиней Вестминстерского аббатства. Ibid. Vol. I. P. 42, 82, e.t.a.
- *Dollay, Robert* — сословная принадлежность не установлена. Свитский лорда Фастольфа — покровителя и родственника Пастонов. Ibid. Vol. I. P. 87.
 - *Fraiar Brackley* — по-видимому, благородного происхождения. Брат Бреклей был капелланом лорда Фастольфа, а также одним из его душеприказчиков. Ibid. Vol. I. P. 140, 141, 149.
 - *Friar John Mowth* — священник, служивший в церкви манора Хеллесдон (Hellesdon) во владениях Пастонов. Ibid. Vol. II. P. 33.
 - *Gloys, James* — во-видимому, недворянского происхождения. Клирик, помогал Пастонам в управлении именьями, исполнял также функции осведомителя. Ibid. Vol. I. P. 18, 109, e.t.a.
 - *Gresham, James* — недворянского происхождения. Джеймс Грехем был клерком судьи Пастона, и продолжал служить его наследникам. См.: The Paston Letters. Vol. I. P. 8, 12, 110, 174, e.t.a.
 - *Hansson, Christopher* — джентри, пользовался покровительством лорда Фастольфа. Ibid. Vol. I. P. 150, 152, e.t.a.
 - *Howes, Tomas* — джентри. Томас Хоуз пользовался покровительством «друга» Пастонов — судьи Элвертона (Yelverton). Велись переговоры и помолвке Хоуза с одной из дочерей Джона Пастона-старшего, но союз не состоялся. Ibid. Vol. I. P. 112, 115.
 - *Jenney, John* — джентри, пользовался покровительством герцога Норфолка, обеспечивал желательный для герцога исход выборов в Палату Общин. Ibid. Vol. I. P. 116.
 - *John, Prior of Bromholm* — священник, пользовавшийся неизменным покровительством Пастонов. Ibid. Vol. I. P. 158, e.t.a.
 - *Lomner, William* — недворянского происхождения. Постоянно проживал в Лондоне, но имел дом и в Норфолке. Писал письма под диктовку Маргарет Пастон, исполнял функции осведомителя. Ibid. Vol. I. P. 41, 53, 146, e.t.a.
 - *Osbern, John* — сословная принадлежность не установлена. Управляющий манором Драйтон (Draiton). Ibid. Vol. I. P. 55, e.t.a.
 - *Payn, John* — джентри. Пользовался покровительством сначала лорда Джона Фастольфа, а затем его наследников — Пастонов. Ibid. Vol. I. P. 45, 46, e.t.a.
 - *Playter, Thomas* — джентри. По-видимому, Томас Плейтер занимал какую-то незначительную должность при дворе. Он неизменно посылал Пастонам самые подробные сведения обо всем, что происходило в столице. Ibid. Vol. I. P. 180, e.t.a.
 - *Russe, John* — недворянского происхождения. Просил Джона Пастона доставить ему должность таможенного контролера в Ярмуте. Ibid. Vol. I. P. 214.
 - *Smith, John* — недворянского происхождения, клерк Джона Пастона. Ibid. Vol. I. P. 170, e.t.a.
 - *Strange, John* — джентри, называл Джона Пастона «господином», когда вел переговоры о свадьбе своего сына и его дочери. Ibid. Vol. II. P. 37.
 - *Taverham, Roger* — джентри. Оставив Джону Пастону полную доверенность на управление своими землями и взяв с него обещание заботиться о своем отце, Роджер Таверхем уехал в паломничество в Рим и другие святые места, откуда не планировал возвращаться. Ibid. Vol. I. P. 200, 204.
 - *Wayte, William* — недворянского происхождения. Уильям Вейт был клерком судьи Элвертона (Yelverton) — «друга» Джона Пастона. Ibid. Vol. I. P. 48, e.t.a.
 - *Windsor, Henry* — сословная принадлежность не установлена. Практикующий юрист, постоянно проживал в Лондоне. Ibid. Vol. I. P. 118, 132.

2. «Свитские» Томаса Стонора (глава семьи в 1432—1474)

- *Dogett, Henry* — джентри, пользовался покровительством Томаса Стонора. Генри Доггет имел также и собственную свиту, поскольку в его письмах фигурируют люди, которых он называет «своими свитскими» (“my servants”). См.: *Stonor Letters and Papers*. P. 237, e.t.a.
- *Elmes, John* — преуспевающий купец, ведущий торговлю преимущественно в городе Хенли (Henley). По-видимому, доходы Джона Элмса были достаточно велики, поскольку ему удалось женить своего сына на родственнице Стоноров, и после смерти Томаса Стонора, сын Джона Элмса — Вальтер Элмс обращается к новому главе семейства Стоноров — Уильяму уже на равных — «кузен».³ *Ibid.* P. 141, 106.
- *Ford, John* — по-видимому, недворянского происхождения. Джон Форд занимал должность бейлифа тогда же, когда Томас Стонор был шерифом (1469—1471). Исполнял также часть обязанностей управляющего землями Стоноров. Письмо 101 — его отчет о взимании ренты. *Ibid.* P. 194 e.t.a.
- *Frende, John* — джентльмен. Джон Френд был управляющим имениями Стоноров в Девоншире, исполнял другие поручения. В 1465 г., когда Томас Стонор был шерифом, Френд занимал должность бейлифа. *Ibid.* P. 143, 145, 151, 162, e.t.a.
- *Gate, Tomas* — джентри. Письмо, адресованное Томасом Гейтом Томасу Стонору, содержит просьбу помочь ему в разрешении земельной распри с родственником Стоноров. *Ibid.* P. 223.
- *Goodman, John* — недворянского происхождения. В его обязанности входил сбор ренты с арендаторов Томаса Стонора. *Ibid.* P. 142, e.t.a.
- *Mathew, Thomas* — бейлиф Эрмингтона. По-видимому, не входил в число свитских Томаса Стонора. В единственном письме сообщает, что люди из-за наводнения не могут выплатить ренту, о чем он уже написал и другим владельцам имений в пострадавшей зоне. *Ibid.* P. 218
- *Medford, Robert* — джентри, в 1465—1466 был помощником шерифа — Томаса Стонора. Кроме того, выполнял его поручения разного рода, например взыскание долгов. *Ibid.* P. 175, 343, e.t.a.
- *Mull, Thomas* — сводный брат Томаса Стонора, практикующий юрист. Несмотря на родственные отношения, обращался к Томасу Стонору — «господин», или «достопочтенный господин и брат» (“Right worshipfull Master and Broter”). *Ibid.* P. 150, 192, 203, 211, 214, 215, e.t.a.
- *Parishioners of Didcot* (имение Томаса Стонора) — в письме прихожан Дидкота, содержащем просьбу уладить конфликт со священником, также систематически употребляется обращение «господин». *Ibid.* P. 155.
- *Pratt, Thomas* — недворянского происхождения. Томас Пратт исполнял обязанности курьера, телохранителя, осведомителя и прочее. В письмах встречаются просьбы о деньгах. *Ibid.* P. 196, 197, e.t.a.
- *Swan, William* — джентри. Надзирал за имениями Томаса Стонора, однако постоянно проживал в собственном маноре. *Ibid.* P. 225, e.t.a.
- *Talyour, Thomas* — недворянского происхождения. Исполнял обязанности слуги и телохранителя. В одном из писем просит позволения отлучиться на несколько дней, чтобы проведать больного отца. *Ibid.* P. 226, e.t.a.
- *Unton H.* — сословная принадлежность не установлена. Практикующий юрист, вел несколько тяжб Томаса Стонора. *Ibid.* P. 149

³ В качестве примера такого обращения можно указать на письма 141, 263, 269, 282 и др.

- *Wadehill* — свитский Джона де ла Поля, герцога Саффолка, передает поручения от своего господина. Ibid. P. 204.
- *Weaver* — недворянского происхождения. Предположительно домоправитель. Им, в том числе, составлена опись одежды для Джейн Стонор (супруги Томаса Стонора). Ibid. P. 189, e.t.a.
- *Wendover, Nicolas* — недворянского происхождения. Надзирал за слугами. Его перу принадлежит опись с указанием кто и сколько служит, а также, сколько жалования получил. Ibid. P. 187.
- *Wittonstall, Oliver* — джентри. В своих письмах просит оказать ему покровительство в земельной тяжбе. Ibid. P. 198, 199, e.t.a.
- *Yeme, John* — джентльмен. Занимал должность бейлифа в бытность Томаса Стонора шерифом (1465—1466). Также взимал долги для своего «господина». Ibid. P. 165.

3. «Свитские» Роберта Пламптона (глава семьи в 1481—1503)

- *Abbot of Kirkestall* — благородного происхождения. Поддерживал Роберта Пламптона в его земельных тяжбах в обмен на аналогичные услуги. См.: *Plumpton Correspondence*. P. 63, e.t.a.
- *Artington, William* — джентльмен, профессиональный юрист, вел несколько земельных тяжб Пламптонов. Ibid. P. 82, e.t.a.
- *Barlow, Edward* — сословная принадлежность не установлена. Доверенное лицо Роберта Пламптона, Барлоу был послан в Лондон улаживать земельную тяжбу Роберта Пламптона и добывать для него необходимые документы. Ibid. P. 115, e.t.a.
- *Beck, Robert; Person, John* — недворянского происхождения, свитские Роберта Пламптона. Бэк и Персон исполняли функции телохранителей, курьеров и т.п. Ibid. P. 57, e.t.a.
- *Betanson, Thomas* — клирик, постоянно проживал в Лондоне, служил в церкви в Ньюгейте (Newgate). Томас Бетансон постоянно сообщал Роберту Пламптону о событиях в столице. Ibid. P. 46, 53, e.t.a.
- *Birtby, Edward, sir* — в своем письме просит оказать покровительство его родственнику. Ibid. P. 110.
- *Blakwall, Robert* — неблагородного происхождения. В 1500г. занимал должность клерка в парламенте, отвечающего за принятие петиций. Сообщает Роберту Пламптону о распределении должностей. Ibid. P. 148.
- *Catton, William, каноник церкви в Ньюбурге (Chanon of Newburg)* — (Ньюбург находился во владениях Пламптонов) — неблагородного происхождения. Ibid. P. 65.
- *Eleson, William* — сословная принадлежность не установлена. практикующий юрист, консультирует Роберта Пламптона. Ibid. P. 135, 136.
- *Eyre, Robert* — сквайр, брат Роберта Эйр, пользовался неизменным покровительством Пламптонов. Ibid. P. 70, e.t.a.
- *Eyre, Stephen* — джентри. Держал от Роберта Пламптона несколько маноров. Ibid. P. 59, e.t.a.
- *Green, Elizabeth* — супруга Ричарда Грина. Ibid. P. 81.
- *Green, Richard* — сквайр, профессиональный юрист, держатель Пламптонов. Ричард Грин пользовался неизменным покровительством Пламптонов. Ibid. P. 80, e.t.a.
- *Green, Robert* — джентри, сын Изабеллы и Ричарда Грина, придворный, приписанный к гардеробу короля Эдуарда IV. Сообщает Роберту Пламптону о событиях в столице. Ibid. P. 84, e.t.a.

- *Griffith, David* — джентри, заимодавец Роберта Пламптона. Ibid. P. 103.
- *Halnath, Malivery* — джентри, просил Роберта Пламптона оказать покровительство его сыну. Ibid. P. 47.
- *Heryu, David* — сословная принадлежность не установлена. Занимал должность секретаря при лорде Стрендже (Lord Strange), ссужал Роберта Пламптона деньгами. Ibid. P. 99.
- *Hudson, Henry* — недворянского происхождения, свитский герцога Нортумберленда, осведомитель Роберта Пламптона. Ibid. P. 52.
- *Leventhorpe, John* — сквайр, пользовался неизменным покровительством Роберта Пламптона. Ibid. P. 138.
- *Lyster, Thomas* — джентри, в письме улаживает конфликт Пламптона и своего родственника, который готов исправить ситуацию всеми доступными способами. Ibid. P. 133, 134.
- *Maister, Anthony* — небогатого происхождения, купец средней руки. Ibid. P. 79.
- *Morre, John* — джентри, осведомитель Роберта Пламптона. Ibid. P. 77.
- *Myning, John* — небогатого происхождения, свитский Роберта Пламптона, выполнял обязанности посыльного, телохранителя и прочее. Ibid. P. 77, e.t.a.
- *Plumpton, Edward* — племянник Роберта Пламптона. Несмотря на родство неизменно подписывался «ваш свитский» (“your servant”). По просьбе дяди выполнял различные поручения как в столице, так и в Дерби. Plumpton correspondence. P. 43, 44, 59, 87, e.t.a.
- *Prior of Newburg (приор церкви в Ньюбурге)* — (Ньюбург находился во владениях Пламптонов) джентри, пользовался постоянным покровительством Пламптонов, оказывал им политическую поддержку. Ibid. P. 62, e.t.a.
- *Pullan, John* — джентльмен, практикующий юрист. Пуллан постоянно проживал в Лондоне, консультировал Роберта Пламптона. Ibid. P. 133.
- *Pullar, John* — практикующий юрист, проживает в Лондоне, сообщает Роберту Пламптону новости из столицы. Ibid. P. 141, 143.
- *Roos, B.* — небогатого происхождения, исполнял функции посыльного и т.п. Жил на жалование, выплачиваемое Робертом Пламптоном. Ibid. P. 73.
- *Rowkshaw, William* — джентльмен, священник, пользовался неизменным покровительством Пламптонов в обмен на услуги осведомителя и политическую поддержку. Ibid. P. 83, 84, e.t.a.
- *Swale, John* — сквайр. Его письма к Роберту Пламптону содержат просьбы оказать покровительство другим людям. Ibid. P. 108, 109, e.t.a.
- *Taylor, John* — джентри, свитский лорда Джона Гастингса. Ibid. P. 136.
- *Thorp, Thomas sir, каноник и капеллан церкви в Ньюбурге (Chanon and chaplain of Newburg)* — (Ньюбург находился во владениях Пламптонов) джентри. Ibid. P. 67, e.t.a.
- *Walker, John* — джентльмен, практикующий юрист, в письме предлагает Роберту Пламптону воспользоваться его услугами в одной из тяжб. Ibid. P. 110.

Библиография*

Источники

- An English Chronicle of the Reigns of Richard II, Henry IV, Henry V, and Henry VI / Ed. by G. Davis. L., 1856.
- Andrea B.* *Historia Regis Henrici VII* / Ed. by J. Gardner. L., 1858.
- Chronicle of John Stone / Ed. by W.G. Searle. Cambridge, 1902
- Cotton Vitellius A—XVI. *Chronicles of London* / Ed. by Ch. Kingsford. Oxford, 1905.
- English Historical Documents* / Ed. by A.R. Myers. L., 1969.
- Fabian R.* *The New Chronicles of England and France* / Ed. by H. Ellis. L., 1811.
- Fortescue J.* *The Governance of England* / Ed. by C. Plummer. Oxford, 1885.
- Hall E.* *The Union of the Two Noble and Illustre Families of Lancastre and Yorke*. L., 1548.
- Historiae Croylandensis Continuatio // Rerum Anglicarum Scriptorum Veterum*. Oxford, 1684. Vol. I.
- Historical Poems of the Fourteenth and Fifteenth Centuries* / Ed. by R.H. Robbins. N.Y., 1959.
- Historie of the Arrivall of Edward IV, in England and the Finall Recouerye of His Kingdomes from Henry VI. A.D. M.CCCC.LXXI* / Ed. by John Bruce. Published for the Camden Society. Режим доступа: <http://www.r3.org/bookcase/arrival1.html>
- Holinshed R.* *The Chronicles of England, Scotland and Ireland*. L., 1587. Режим доступа: <http://sceti.library.upenn.edu>
- Joannis Rossi Antiquarii Warwicensis Historia Regum Angliae*. L., 1745.
- John Benet's Chronicle for the Years 1400—1462* / Ed. by G.L. Harriss, L., 1972.
- Lady Bessye // Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances* / Ed. by J.W. Hales & F.J. Furnivall. In 3 vols. L., 1868. Vol. III.
- Mancini D.* *De occupatione Regni Angliae* / Ed. by C.A. Armstrong. Oxford, 1936.
- Mémoires de Philippe de Commines // Mémoires: contenant l'histoire des rois Louys XI et Charles VIII*. Paris, 1747. Tome I.
- More Th.* *The History of King Richard III* / Online Edition Transcribed from W.E. Campbell's Facsimile of the Rastell Edition of 1557 by Richard Bear at the University of Oregon, January-March 1997.
- Narrative of Robert Pylkington // Report on Manuscripts in Various Collections* / Ed. by W.D. Macray. L., 1903. Vol. II. P. 28—56.
- Niclas von Popplau.* *Reisenbeschreibung Niclas von Popplau Ritters burtig von Breslau* / Ed. by P. Radzikowski. Wroclawiu, 1998.
- Plumpton Correspondence: a Series of Letters, Chiefly Domestic, Written in the Reigns of Edward IV, Richard III, Henry VII and Henry VIII* / Ed. by Stapleton Th. Camden Society. L., 1839.
- Political Poems and Songs Relating to English History* / Ed. by T. Wright. L., 1861. Vol. II.
- Political Poems of the Reigns of Henry VI and Edward IV* / Ed. by F Madden, L., 1862.
- Polydore Vergil Anglica Historia (1555 version)* / Ed. by D.J. Sutton. Irvine, 2005. Liber XXIV—XXV.
- Rastell J.* *The Pastime of People, or the Chronicles of divers Realms* / Ed. by T.F. Dibden. L., 1811.
- Rotuli Parliamentorum* / Ed. by J. Strachey et al. L., 1832. Vol. 5 (1439—1468). Vol. 6 (1472—1503).

* Список использованной и рекомендуемой литературы.

- Shakespeare W.* Henry VI. Part III / Ed. by M. Hattveey. Cambridge, 1993.
- Shakespeare W.* The Tragedy of Richard the Third. From Mr. William Shakespeares comedies, histories, & tragedies: published according to the true originall copies. L., 1623.
- Stonor Letters and Papers 1290—1483 / Ed. by C. Carpenter. Cambridge, 1996.
- The Arrival, or the History of the Arrival of Edward IV in England and the Finall Recoverie of his Kingdoms from Henry VI // Three chronicles of the reign of Edward IV / With an introd. by R. Dockray. Gloucester, 1988. P. 199—233.
- The Ballad of Bosworth Field // Bishop Percy's Folio Manuscript. Ballads and Romances / Ed. by J.W. Hales and F.J. Furnivall. In 3 vols. L., 1868. Vol. III.
- The Chronicle of the Rebellion in Lincolnshire // Three Chronicles of the Reign of Edward IV / With an introd. by R. Dockray. Gloucester, 1988. P. 136—198.
- The Crowland Chronicle Continuations: 1459—1486 / Ed. by Nicholas Pronay a. John Cox. L., 1986.
- The Great Chronicle of London / Ed. by A.H. Thomas & J.D. Thornley L., 1938.
- The Most Pleasant Song of Lady Bessy / Ed. by Th. Heywood. L., 1829.
- The Paston Letters / Ed. by J. Warrington. N.Y.;L., 1956. Vol. I—II.
- The Paston Letters 1422—1509 A.D. A New Edition Containing Upwards of Four Hundred Letters & Hitherto Unpublished / Ed. by James Gardner. L, 1872—1875. Vol. I—III.
- Warkworth J.A.* Chronicle of the First Thirteen Years of the Reign of King Edward the Fourth by John Warkworth, Master of St. Peter's College, Cambridge // Three Chronicles of the Reign of Edward IV / With an introd. by R. Dockray. Gloucester, 1988.
- Waurin J.* Anciennes et Nouvelles Chroniques d'Angleterre. British Library Royal Ms. 15 EIV f 148.
- Waurin J.* Recueil des croniques et anchiennes istories de la Grant Bretagne, a present nomme Engleterre, from A.D. 1399 to 1471. L., 1891.
- Уильям Шекспир.* Генрих VI / Пер. Е. Бируковой // *Уильям Шекспир.* Полное собрание сочинений в восьми томах. М., 1957. Т. I.

Литература

- Александренко В.Н.* Английский тайный совет и его история. Варшава, 1888. Т. I, Часть I.
- Англия и Уэльс в эпоху Позднего Средневековья / Отв. ред. Е.В. Кузнецов. Арзамас, 1999.
- Бакалдина Е.В.* Английский королевский двор при Эдуарде IV. Институты, слуги, церемониал. Дисс... канд. ист. наук. СПб, 2011.
- Барг М.А.* Ричард III сценический и исторический // Новая и новейшая история, 1972. № 4. С. 112—119.
- Барг М.А.* Шекспир и история. М., 1979.
- Бархатова О.Н.* Переписка Пастонов как источник по социально-экономической и политической истории Англии XV в. М., 1975.
- Басовская Н.И.* Политическая борьба в Англии и Франции первой половины XV в. и Столетняя война // Идеино-политическая борьба в средневековом обществе. М., 1984. С. 120—140.
- Бахитов С.Б.* Эволюция культа королевской власти в Англии под влиянием континентальных традиций (теоретико-методологический и историографический аспекты) Автореф. дисс... канд. ист. наук. Томск, 1998.
- Браун Е.Д.* Визуальный образ Ричарда III в XV—XVIII вв. // Человек и общество перед судом истории. М., 2013. С. 115—144.

- Браун Е.Д. Войны Роз в графстве Норфолк // Новый исторический вестник, 2001. № 2 (4). С. 212—222.
- Браун Е.Д. Войны Роз глазами джентри // Конфликты и компромиссы в истории мировых цивилизаций. Сб. статей. М., 2009. С. 423—438.
- Браун Е.Д. Войны Роз: сравнительный анализ подходов российской и англоязычной историографии // Вестник РГГУ. Серия «Исторические науки. Всеобщая история». № 18 (61)/10. М., 2010. С. 243—257.
- Браун Е.Д. Мир джентри эпохи Войн Роз: социальное измерение // Социальная история. 2001/2002. Ежегодник. М., 2003. С. 551—572.
- Браун Е.Д. Особенности семейных архивов и частной переписки в Англии XV в. (на материалах семейных архивов Пастонов, Стоноров и Пламптонов) // Дело-производство. Информационно-практический журнал. М., 2001. № 1. С. 69—72.
- Браун Е.Д. Представления о королевской власти англичан XV в. (на материале коронации Ричарда III) // Зеркало истории: личность в истории. Сб. статей участников кружка истории Древности и Средневековья. М., 2000. С. 67—77.
- Браун Е.Д. Ричард III и «принцы в Тауэре»: рождение легенды // Одиссей. Человек в истории'2012. М., 2012. С. 113—138.
- Браун Е.Д. Ричард III и его время. М., 2016.
- Браун Е.Д. Создание мифа о Войнах Роз (от Ричарда Йорка до Шекспира) // История. Электронный научно-образовательный журнал. М., 2012. Вып. 3 (11). Режим доступа: <http://mes.igh.ru>
- Браун Е.Д. Создание стереотипов правителей в «Новых хрониках Англии и Франции» Роберта Фабиана // Люди и тексты. Исторический альманах. М., 2012. С. 149—170.
- Винокурова М.В. Англия // История Европы. М., 1993. Т. III.
- Грин Дж.Р. История английского народа. М., 1869.
- Гриффитс Р.А., Томас Р. Становление династии Тюдоров. Ростов н/Д, 1997.
- Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов». М., 1993
- Гутнова Е.В. Английское феодальное государство XIV—XV вв. // Средние века. М., 1987. Вып. 50. С. 58—76.
- Золотов В.И. Английское общество накануне «Войны Роз». Брянск, 1996.
- Золотов В.И. К вопросу о местном управлении в законодательстве первых парламентов Генриха VI (1422—1433) // Англия в XIV—XVII вв. Горький, 1974. Вып. II. С. 120—135.
- Золотов В.И. К.Б. МакФарлайн и современные подходы к изучению социальной истории Англии XV в. // Проблемы социальной истории Европы: от античности до нового времени. Брянск, 1995. С. 118—134.
- Золотов В.И. Общество и власть в позднесредневековой Англии. Брянск, 2010.
- Золотов В.И. Предпринимательская деятельность королевских чиновников в Англии XV в. // Феодальный город. Брянск, 1993. Вып. 1. С. 67—84.
- Золотов В.И. Снова о социальных аспектах «Войны Роз» // Историческая мысль и история идей. Брянск, 1998. Вып. 6. С. 79—88.
- Источниковедение: Теория, история, метод. М., 1998.
- Казаков И.В. О формах и методах становления тюдоровского абсолютизма // Самарский научный вестник, 2013 (4). С. 87—90.
- Казаков И.В. Генрих VII Тюдор: «Новый» король и его двор // История и историография зарубежного мира в лицах. Самара, 1996. Вып. 1. С. 42—53.
- Казаков И.В. Северный совет, совет Уэльса и Западный совет: их роль в процессе укрепления абсолютизма в Англии // Личность. Общество. Государство: сборник трудов молодых ученых. Самара, 1996. С. 115—127.
- Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего

- Средневековья. М., 2010.
- Каменецкий Б.А. Социально-политические взгляды Джона Фортескью (из истории политической мысли в Англии XV в.) // Очерки социально-экономической и политической истории Англии и Франции XII—XVIII вв. М., 1960. С. 49—78.
- Колесницкий Н.Ф. Феодалное государство. М., 1967.
- Кузнецов Е.В. Борьба магнатских партий в Англии в 50-е гг. XV в. Политическая программа Йоркской партии // Ученые записки Горьковского государственного университета. Горький, 1959. Вып. 46. С. 123—144.
- Кузнецов Е.В. Кентское восстание 1471 года (из истории политического кризиса в Англии второй половины XV в.): Учебное пособие. Горький, 1973.
- Кузнецов Е.В. Некоторые вопросы экономической политики королевской власти в Англии 1461—1485. // Средние века. М., 1962. Вып. 21. С. 185—200.
- Кузнецов Е.В. Общественно-политическая борьба в Англии второй половины XV в. (К проблеме возникновения английского абсолютизма). М., 1958.
- Кузнецов Е.В. Экономическое развитие Англии в XIV—XV вв. Горький, 1981.
- Кузнецов К.А. Опыты по истории политических идей в Англии (XV—XVII вв.). Владивосток, 1913.
- Ландер Дж.Р. Войны Роз / Пер. А.А. Кралиной. СПб., 2013.
- Ложкина Т.Г. К вопросу о социальных и политических отношениях в Англии в период правления Ричарда III // Проблемы социальной структуры и идеологии средневекового общества. Л., 1978. Вып. II. С. 50—55.
- Майорова Н.О. Английские парламентарии XV в. о месте и значении парламента // Власть и политическая культура в средневековой Европе. М., 1992. Часть 1. С. 187—197.
- Малинин Ю.П. Королевская троика во Франции в XIV—XV вв. // Одиссей. Человек в истории'1995. М., 1995. С. 19—34.
- Малинин Ю.П. Филипп де Коммин и его «Мемуары» // Филипп де Коммин. Мемуары. М., 1986. С. 387—397.
- Маркова С.П. Англия эпохи Средневековья и раннего Нового времени: Учеб. пособие. М., 2007.
- Меркулова Т.Б. Английский Север: региональная специфика в эпоху средневековья // Англия и Европа. Проблемы истории и историографии. Улан-Батор, 2001. С. 79—86.
- Меркулова Т.Б. Север Англии в политической жизни страны второй половины XV века. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Н. Новгород, 1999.
- Минеева Т.Г. Конституционное развитие Англии в XIV—XV вв. Арзамас, 2005.
- Минеева Т.Г. Политика и власть. Англия трех Генрихов (1399—1471). Н. Новгород, 2001.
- Минеева Т.Г. Развитие государственно-правовых институтов в Англии XIV—XV вв. Автореф. дисс. ... д-ра юр. наук. Н. Новгород, 2011.
- Мионов В.В. Основные направления английской внешней политики конца XV—XVI вв. в современной отечественной историографии // Исторический ежегодник'1996. Омск, 1996. С. 97—104.
- Мортон А. История Англии. М., 1965.
- Муха М.В. «Война монет» в Англии в конце XV в. // Эрмитаж. Труды. Л., 1986. Т. XXVI. С. 31—34.
- Осиновский И.Н. Томас Мор и его время // Томас Мор. Утопия. Эпиграммы. История Ричарда III. М., 1998. С. 305—368.
- Педьков В. Парламентский строй в Англии (до XIX в.) СПб., 1906.
- Петросьян А.А. Ричард III: миф и реальность // Вопросы истории, 1992. № 11—12. С. 179—184.

- Петрушевский Д.М.* Очерки истории английского государства и общества в средневеке. М., 1937. 224 с.
- Пономарева Н.А.* Джентри и горожане в Англии в 60—80 гг. XV в. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Брянск, 2002.
- Пономарева Н.А.* Джентри и аристократия в земельных сделках «Войны Роз» // Англия, Франция, Германия, мусульманский Восток. Межвуз. сб. науч. тр. Брянск, 2000. С. 5—16.
- Праздников А.Г.* Участие английских городов в Войнах Роз // Вопросы истории, 2009. № 7. С. 155—159.
- Румянцев А.Г.* Английская социальная элита в XV веке. Дисс... к.и.н., СПб, 2003.
- Савельев В.А.* Изменения в структуре власти Англии в период сословно-представительной монархии XIII—XV вв. // Сословно-представительные монархии: государственность — право — идеология. М., 1987. С. 7—16.
- Сливко С.А.* К вопросу об условиях и путях формирования английского абсолютизма в конце XV в. (начало правления Генриха VII Тюдора) // Ученые записки Омского педагогического института. Омск, 1965. Вып. XXII. С. 203—236.
- Сливко С.А.* Социально-политические итоги «Войны роз» // Ученые записки Омского педагогического института. 1958. Вып. XI. С. 85—114.
- Согрин В.В., Зверева Г.И., Репина Л.П.* Современная историография Великобритании. М., 1991.
- Стогова А.В.* Феномен дружбы в представлениях и социальной практике европейский интеллигентов XVII в. Дисс... канд. ист. наук. М., 2000.
- Таланов А.А.* Война Роз: Йорки или Ланкастеры. М., 2001.
- Тремельян Д.М.* Социальная история Англии. М., 1959.
- Уваров П.Ю.* Париж XV в.: События, оценки, мнения... общественное мнение? // Одиссей. Человек в истории'1993. М., 1993. С. 175—189.
- Ульянов Ю.Р.* Новая вотчина в Англии в XIV—XV вв. // Аграрная история эпохи феодализма. Ижевск, 1982. С. 28—43.
- Ульянов Ю.Р.* Рост нового дворянства в Англии в XV в. // Из истории средневековой Европы (X—XVIII вв.). М., 1957. С. 131—151.
- Ульянов Ю.Р.* Экономическое развитие манора Стонор в XIV—XV вв. // Средние века. М., 1986, 1987. Вып. 49—50.
- Филимонова О.Н.* К социально-психологической характеристике английского нового дворянства // Проблемы экономического и политического развития стран Европы в античную эпоху и Средние века. М., 1975. С. 312—335.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья. М., 1997.
- Чернова Л.Н.* Правящая элита Лондона в XV—XVI вв. Саратов, 2005.
- Штокмар В.В.* История Англии в Средние века. М., 1973.
- Ярошевич И.Б.* Изучение идеальных образов королевской власти в Англии XIII—XV вв. в современной британской историографии // Гуманитарное знание. Серия «Преемственность». Ежегодник. Омск, 2001. Вып. V. С. 90—96.
- Abbot J.* Margaret of Anjou. N.Y.;L., 1900
- Abbot J.* Richard III. N.Y.;L., 1901.
- Acheson E.* A Gentry Community: Leicestershire in the Fifteenth Century. c. 1422—1485. Cambridge, 1992.
- Allan A.* Yorkist Propaganda: Pedigree, Prophecy, and the “English History” in the Reign of Edward IV // Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England / Ed. by Ch. Ross. Gloucester — N.Y., 1979. P. 171—189.
- Anderson J.H.* More's Richard III: History and Biography // Biographical Truth: The Representation of Historical Persons in Tudor-Stuart Writing. New Haven, 1984. P. 75—109.

- Archer R.E.* Rich Old Ladies: The Problem of Late Medieval Dowagers // Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984. P. 15—36.
- Armstrong Ch.A.* England, France and Burgundy in the Fifteenth century. L., 1983.
- Armstrong Ch.A.* Some Examples of Distribution and Speed of News in England in the Time of the Wars of the Roses // Studies in Medieval History. Oxford, 1948. P. 429—454.
- Arnold C.* The Commission of the Peace for the West Riding of Yorkshire // Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984. P. 116—132.
- Arthurson T.* The Perkin Warbesk Conspiracy 1491—1499. Gloucester, 1994.
- Bagley J.J.* Historical interpretation. Sources of English Medieval History (1066—1540). Newton Abbey, 1972.
- Bagley J.J.* Margaret of Anjou. L., 1948.
- Baldwin D.* Richard III. Stroud, 2012.
- Baldwin D.* Elizabeth Woodville Mother of the Princes in the Tower. Gloucester, 2010.
- Barber R.* The Pastons. A Family in the Wars of the Roses. Woodbridge, 1986.
- Bean G.M.* The Financial Position of Richard, Duke of York // War and Government in the Middle Ages. Cambridge, 1984. P. 182—198.
- Bearman P.* Relations into Rhetoric (Local Elite Social Structure in Norfolk, England, 1540—1640). New Brunswick, 1993.
- Beer B.L.* Rebellion and Riot: Popular Disorder in England During the Reign of Edward IV. N.Y., 1982.
- Bennets P.* The Lords of Lancaster. N.Y., 1973.
- Bennett M.J.* Henry VII and the Northern rising of 1489 // English Historical Review, 1990. № 414. P. 34—59.
- Bennett M.J.* The Battle of Bosworth. Gloucester, 1985.
- Bennett M.S.* Careerism in Late Medieval England // People, Politics and Community in the Late Middle Ages / Ed. by J. Rosental and C. Richmond. N.Y.;L., 1987. P. 19—36.
- Bennett M.S.* Community, Class and Careerism: Cheshire and Lancashire Society in the Age of Sir Gawaine and the Green Knight. Cambridge, 1983.
- Bennett M.S.* The Pastons and Their England. Cambridge, 1932.
- Biondi F.A.* History of the Civil Warres in England. L., 1641.
- Bradfield M., Laver J.* Historical Costumes of England from the Eleventh to Twentieth Century. L., 1938.
- Britnell R.* The Closing of the Middle Ages?: England 1471—1529. Oxford, 1997.
- Buck G.* The History of the Life and Reign of Richard the Third. L., 1647.
- Bullough G.* The Uses of History // Shakespeare's World / Ed. by J. Sutherland & J. Hurtsfield. N.Y., 1964. P. 89—103.
- Burley P., Elliott M., Watson H.* The Battles of St Albans. Barnsley, 2007.
- Candido J.* Thomas More. The Tudor Chroniclers and Shakespeare's Altered Richard // English Studies, 1987. № 68. P. 137—141.
- Carpenter C.* The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, c.1437—1509. Cambridge, 1997.
- Carpenter C.* Gentry and Community in Medieval England // Journal of British studies, 1994. Vol. XXXIII. № 4. P. 340—381.
- Carpenter C.* Locality and Polity: A Study of Warwickshire Landed Society, 1401—1499. Cambridge, 1992.
- Carpenter C.* The Fifteenth-Century Gentry and Their Estates // Gentry and Lesser Nobility in Late Medieval Europe / Ed. by M. J. Gloucester. N.Y., 1986. P. 36—61.
- Carpenter C.* Who Ruled the Midlands in the Later Middle Ages? // Midland History. Birmingham, 1994. Vol. XIX. P. 1—20.

- Carpenter C.* The Wars of the Roses. Politics and the Constitution in England, c. 1437—1509. Cambridge, 1997.
- Carte T.* General History of England. L., 1750.
- Carte T.* History of England to 1654 inclusive. L., 1753
- Castor H.* "Walter Blound was gone to serve traytours": the Sack of Elvasted the Politics of the North Midlands in 1454 // *Midland History*. Birmingham, 1994. Vol. XIX. P. 21—39.
- Cheetham A., Fraser A.* The Wars of the Roses. Berkeley—Los Angeles, 2001.
- Chrimes S.B.* Lancastrians, Yorkists and Henry VII. L., 1964.
- Chrimes S.B.* The Reign of Henry VII // *Fifteenth-Century England 1399—1509. Studies in Politics and Society*. Barnes, 1972. P. 67—86.
- Clements M.* Richard III — His Life and Character. Portway-Bath, 1968.
- Clive M.* This Sun of York (A biography of Edward IV). L., 1973.
- Condon M.* An Anachronism with Intent? Henry VII's Council Ordinance of 1491/2 // *Kings and Nobles in the Later Middle Ages* / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherborne. N.Y., 1986. P. 228—254.
- Condon M.* Ruling Estates in the Reign of Henry VII // *Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England* / Ed. by Ch. Ross. Gloucester—N.Y., 1979. P. 109—143.
- Corbet A.* Edward IV, England's Forgotten Warrior King. Bloomington, 2015.
- Coss P.R.* The Formation of English Gentry // *Past and Present*. Oxford, 1995. № 147. P. 38—64.
- Crawford A.* The Private Life of John Howard: a Study of a Yorkist Lord, His Family and Household // *Richard III: Loyalty, Lordship and Law* / Ed. by P.W. Hammond. L., 1986. P. 6—37.
- Curry A.* The First English Standing Army? Military Organization in Lancastrian Normandy 1420—1450 // *Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England* / Ed. by Ch. Ross. Gloucester—N.Y., 1979. P. 193—214.
- Daniel S.* The Civill Wares betweene ye howses of Lancaster and York. L., 1609.
- Davis W.* William Waynfflete and the Educational revolution in the XV century // *People, Politics and Community in the Late Middle Ages* / Ed. by J. Rosental and C. Richmond. N.Y.;L., 1987. P. 37—56.
- Desmond S.* Richard III: England's Black Legend. L., 1983.
- Dobson R.B.* Richard III and the Church of York // *Rings and Nobles in the Later Middle Ages*. N.Y., 1986. P. 130—154.
- Dockray K.* Richard III and the Yorkshire Gentry, c 1471—1485 // *Richard III: Loyalty, Lordship and Law* / Ed. by P.W. Hammond. L., 1986. P. 38—49.
- Dockray K.* Richard III: Myth and Reality. L., 1992.
- Dockray K.* The Political Legacy of Richard III in Northern Ireland // *Rings and Nobles in the later Middle Ages*. N.Y., 1986. P. 213—222.
- Dockray K.* Why Did Fifteenth-Century English Gentry Marry? The Pastons, Plumpton and Stonors Reconsidered // *Gentry and Lesser Nobility in Late Medieval Europe* / Ed. by M. Jones. Gloucester—N.Y., 1986. P. 61—81.
- Drewett R., Redhead M.* The Trial of Richard III. Gloucester, 1984.
- Duer C.* Standards of Living in the Later Middle Ages. Cambridge, 1989.
- Duffy E.* The Stripping of the Altars: Traditional Religion of England. c. 1400—1580. L., 1992.
- Dufournet J.* Angelo Cato et le Mémoires de Ph. de Comynnes // *Mélanges de langue et de littérature médiévales offerts à Pierre Le Gantil*. Paris, 1973. P. 213—222.
- Dugdale W.* Baronage of England. In 2 vols. Oxford, 1675. Vol. I.
- Dunn D.* Margaret of Anjou, Queen Consort of Henry VI: Reassessment of Her Role in 1445—1453 // *Crown, Government and People in the Fifteenth Century* / Ed. by R.E. Archer. N.Y., 1995. P. 107—147.

- Edwards J.G.* The Huntingdonshire Parliamentary Election of 1450 // *Essays in Medieval History Presented to Bertie Wilkinson* Toronto, 1969. P. 383—395.
- English Court Culture in the Later Middle Ages.* L., 1983.
- Erlanger P.* Margaret of Anjou. L., 1970.
- Fields B.* Royal Blood: Richard III and the Mystery of the Princes. N.Y., 1998.
- Fifteenth-Century Attitudes. Perceptions of Society in Late Medieval England* / Ed. by R. Horrox. Cambridge, 1994.
- Fifteenth-Century England 1399—1509. Studies in Politics and Society.* Barnes, 1972.
- Flaming P.W.* Charity, Faith, and the Gentry of Kent // *Property and Politics. Essays in Later Medieval English History* / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984. P. 36—59.
- Gardner J.* Henry the Seventh. N.Y.;L., 1892.
- Gardner J.* History of the Life and Reign of Richard the Third to Which is Added the Story of Perkin Warbesk. Cambridge, 1898.
- Gardner J.* The Houses of Lancaster and York. L., 1874.
- Gentry and Lesser Nobility in Late Medieval Europe* / Ed. by M. Jones. Gloucester—N.Y., 1986.
- Gillingham J.* The Wars of the Roses: Peace and Conflict in Fifteenth—Century England. Baton-Rouge, 1981.
- Goodman A.* The Wars of the Roses: Military Activity and English Society (1452—1497). L., 1981.
- Goodman A.* The New Monarchy. England, 1471—1534. Oxford—N.Y., 1988.
- Goodman A.* The Wars of the Roses: the Soldiers' Experience. L., 2005.
- Gransden A.* Historical Writing in England: c. 1307 to the Early Sixteenth Century. L., 1996.
- Grant P.* Thomas More's Richard III: Moral Narration and Humanist Method // *Language and the Discovery of Method in the English Renaissance.* L., 1985. P. 19—47.
- Green J.R.* A Short History of English People. L., 1878.
- Griffiths R.A.* Public and Private Bureaucracies in England and the Wales in the Fifteenth Century // *Transactions of The Royal Historical Society. 5-th series.* L., 1980. Vol. XXX. P. 109—130.
- Griffiths R.A.* The Crown and the Royal Family in Later Medieval England // *Kings and Nobles in the Later Middle Ages* / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone. N.Y., 1986. P. 15—23.
- Griffiths R.A.* The Hazards of Civil War: The Mountford Family and the Wars of the Roses // *Midland History*, 1979. Vol. V. P. 1—19.
- Griffiths R.A.* The Reign of Henry VI: The Exercise of Royal Authority 1422—1461. L., 1981.
- Griffiths R.A.* The Sense of Dynasty in the Reign of Henry VI // *Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England* / Ed. by Ch. Ross. Gloucester—N.Y., 1979. P. 15—36.
- Griffiths R.A., Thomas R.S.* The Making of the Tudor Dynasty. Gloucester, 1985.
- Grummitt D.A.* Short History of the Wars of the Roses. L., 2014
- Gunn S.J.* The Courtiers of Henry VII // *English Historical Review*, 1993. Vol. 108. № 426. P. 23—49.
- Guth J.* Richard III, Henry VII and the City // *Kings and Nobles in the Later Middle Ages* / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone. N.Y., 1986. P. 167—185.
- Halsted C.A.* Richard III, as Duke of Gloucester and King of England. Philadelphia, 1844.
- Hampton W.E.* Sir James Tyrell: With Some Notes on the Austin Friars London and Those Buried There // *Ricardian, Journal of the Richard III Society.* 1978. Vol. IV. № 63. P. 9—22.
- Hanham A.* Richard III and His Early Historians, 1483—1535. L., 1975.
- Harriss G.L.* Cardinal Beaufort: A study of Lancastrian Ascendancy and Decline. Oxford, 1988.

- Harvey I.M.* Jake Cade's Rebellion of 1450. Oxford, 1991.
- Haswell J.* The Ardent Queen. Margaret of Anjou and Lancastrian Heritage. L., 1976.
- Helmhelz R.N.* The Sons of Edward IV: a Canonical Assessment of the Claim That They Were Illegitimate // Richard III: Loyalty, Lordship and Law / Ed. by P.W. Hammond. L., 1986. P. 91—102.
- Heneage J.* Memoirs of King Richard the Third and Some of his Contemporaries, With an Historical Drama on the Battle of Bosworth. In 2 vols. L., 1862.
- Hicks M.* Richard III. L., 2000.
- Hicks M.* Edward V. L., 2003.
- Hicks M.* Anne Neville: Queen to Richard III. L., 2007
- Hicks M.* Piety and Lineage in the Wars of the Roses: the Handerford Experience // Kings and Nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone. N.Y., 1986. P. 90—109.
- Hicks M.* Richard III and His Rivals: Magnates and Their Motives in the Wars of the Roses. L., 1991.
- Hicks M.* The Changing Role of the Woodeviles in Yorkist Politics // Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England / Ed. by Ch. Ross. Gloucester—N.Y., 1979. P. 60—87.
- Hicks M.* The Wars of the Roses 1455—1485. N.Y., 2003.
- Hicks M.* Warwick the Kingmaker. Oxford, 2002.
- Higginbotham S.* The Woodvilles: The Wars of the Roses and England's Most Infamous Family. L., 2013.
- Hookham M.A.* The Life and Times of Margaret of Anjou. In 2 vols. L., 1872.
- Horrox R.* Richard III: a Study of Service. Cambridge, 1989.
- Houbrooke R.A.* The English Family 1450—1700. L., 1984.
- Hubers H.* Studies in English Official Historical Documents. N.Y., 1969.
- Hughes A.* The Origins and Descent of the Fourth Resention of the English Coronation // Coronations Barkley. Barkley, 1990. P. 197—216.
- Hume D.* The History of England. In 6 vols. Indianapolis, 1983.
- Jacob E.F.* The Fifteenth Century, 1399—1485. Oxford, 1961.
- Jenkins E.* The Princes in the Tower. L., 1978.
- Jewell R.E.* Central and Local Government. L., 1970.
- Jones D.* The Wars of the Roses: The Fall of the Plantagenets and the Rise of the Tudors. L., 2014.
- Keen M.N.* England in the Later Middle Ages (a Political History). L., 1973.
- Ken M.N.* Chivalry. L., 1984.
- Kendall P.M.* Richard III: the Great Debate. L., 1965.
- Kendall P.M.* Warwick the Kingmaker. L., 1957.
- Kendall P.M.* Richard the Third. L., 1972.
- Kings and Nobles in the Later Middle Ages* / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherborne. N.Y., 1986.
- Kingsfor C.L.* Prejudice and Promise in Fifteenth Century England. Oxford, 1925.
- Kinney D.* Kings' Tragicomedies: Generic Misrule in More's History of Richard III // Moreana, 1985. № 86. P. 128—150.
- Lamb V.B.* The Betrayal of Richard III. L., 1979.
- Lander J.R.* Bonds, Coercion and Fear: Henry VII and the Peerage // Florilegium Historiale. Toronto, 1971. P. 328—367.
- Lander J.R.* Conflict and Stability in Fifteenth-Century England. L., 1969.
- Lander J.R.* Crown and Nobility 1450—1509. L., 1976.
- Lander J.R.* Family, "Friends" and Politics in Fifteenth-Century England // Kings and Nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone. N.Y., 1986. P. 27—41.

- Lander J.R.* Government and Community: England 1450—1509. L., 1980.
- Lander J.R.* The Wars of the Roses. Gloucester, 2007.
- Lapsley G.* Crown, Community and Parliament in the Later Middle Ages: Studies in English Constitutional History. Oxford, 1951.
- Lee R.A.* Reflection of Power: Margaret of Anjou and Dark Side of Queenship // Women in the Middle Ages and Renaissance, 1986. № 39. P. 183—217.
- Legge A.D.* The Unpopular King: the Life and Times of Richard III. In 2 vols. L., 1885.
- Loades D.* Politics and the Nation 1450—1660. Obedience, Resistance and Public Order. Fontana, 1974.
- Luckett D.A.* Crown, Patronage and Political Morality in Early Tudor England: The Case of Giles, Lord Daubeney // Journal of British studies. Chicago, 1995. Vol. XXXIV. № 1. P. 112—118.
- Marius R.* Thomas More. Harvard, 1999.
- Mason P.* The English Gentlemen (the Rise and Fall of an Ideal). L., 1982.
- Massey R.* The Land Settlement in the Lancastrian Normandy // Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984. P. 75—89.
- Maurer H.* Margaret Anjou. Queenship and Power in Late Medieval England. Woodbridge, 2003.
- McFarlain K.B.* England in the Fifteenth Century: Collected Essays. L., 1981.
- McFarlain K.B.* The Wars of the Roses // *McFarlain K.B.* England in the Fifteenth Century. L., 1981.
- McFarlane K.B.* The Nobility of Later Medieval England. The Ford Lectures for 1953 and Related Studies. Oxford, 1973.
- Mercer M.* The Medieval Gentry: Power, Leadership and Choice during the Wars of the Roses. L., 2010.
- Mertes R.G.* The Household as a Religious Community // People, Politics and Community in the Late Middle Ages / Ed. by J. Rosental and C. Richmond. N.Y.;L., 1987. P. 122—137.
- Moreton C.E.* A Social Gulf? The Upper and Lesser Gentry of Later Medieval England // Journal of Medieval History, 1991. Vol. XVII. № 3. P. 255—262.
- Morgan D.A.* The House of Policy: The Political Role of the Late Plantagenet Household // The English Court: From the Wars of the Roses to the Civil War. L., 1987. P. 25—71.
- Morgan D.A.* The Individual Style of the English Gentlemen // Gentry and Lesser Nobility in Late Medieval Europe / Ed. by M. Jones. Gloucester—N.Y., 1986. P. 15—36.
- Neilands R.* The Wars of the Roses. Hachette, 2006.
- Okerlund A.* Elizabeth: England's Slandered Queen. L., 2006.
- Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England / Ed. by Ch. Ross.* Gloucester—N.Y., 1979.
- Paying S.J.* War and Peace: Military and Administrative Service Amongst English Gentry in the Reign of Henry VI // Solgers, Nobles and Gentlemen / Ed. By P. Coss and Ch. Tyerman. Woodbridge, 2009. P. 240—260
- Payling S.J.* Law and Arbitration in Nottinghamshire 1399—1461 // People, Politics and Community in the Late Middle Ages / Ed. by J. Rosental and C. Richmond. N.Y.;L., 1987. P. 138—150.
- Payling S.J.* Murder, Motive and Punishment in Fifteenth-Century England: Two Gentry Case-Studies // English Historical Review, 1998. Vol. 113, № 450. P. 117—134.
- People, Politics and Community in the Late Middle Ages / Ed. by J. Rosental and C. Richmond.* N.Y.;L., 1987.
- Pollard A.J.* Richard III and the Princes in the Tower. Gloucester, 1991.
- Pollard A.J.* North-Eastern England during the Wars of the Roses: Lay Society, War, and Politics, 1450—1500. Oxford, 1990

- Pollard A.J.* The Richmondshire Community of Gentry During the Wars of the Roses // Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England / Ed. by Ch. Ross. Gloucester—N.Y., 1979. P. 37—55.
- Pollard A.J.* The Wars of the Roses. N.Y., 1988.
- Pollard A.J.* St. Guthbert and the Hog: Richard III and the Country Palatine of Durham, 1471—1485 // Kings and Nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone. N.Y., 1986. P. 109—129.
- Potter J.* Good King Richard? An Account of Richard III and His Reputation 1483—1983. L., 1983
- Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984.
- Pugh T.B.* Henry VII and the English Nobility // The Tudor Nobility / Ed. by T. Pugh. Manchester—N.Y., 1992. P. 49—110.
- Pugh T.B.* The Magnates, Knights and Gentry in Later Medieval England // Fifteenth-Century England 1399—1509. Barnes, 1972. P. 73—99.
- Radcliffe C.* Baronial Counsels in the Later Middle Ages // Patronage, Pedigree and Power in Later Medieval England / Ed. by Ch. Ross. Gloucester—N.Y., 1979. P. 84—105.
- Richard III: Loyalty, Lordship and Law. L. 1986.
- Richard III: A Medieval Kingship. L., 1993.
- Richmond C.* 1485 and All That, or What Was Going at the Battle of Bosworth // Richard III: Loyalty, Lordship and Law / Ed. by P.W. Hammond. L., 1986. P. 172—191.
- Richmond C.* Quantitative Methods: The Nobility and the Wars of the Roses // Journal of Historical Sociology. Oxford—N.Y., 1996. Vol. IX. № 4. P. 395—409.
- Richmond C.* Religion and the Fifteenth-Century English Gentleman // The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century. Gloucester—N.Y., 1984. P. 193—208.
- Richmond C.* The English Gentry and Religion, c 1500 // Religious Belief and Ecclesiastical Careers in Late Medieval England. Woodbridge, 1991. P. 121—151.
- Robertson M.L.* “Sires, remember we are neyghboures...”: English Gentry Communities in the Fifteenth Century // Journal of British Studies. Chicago, 1995. Vol. XXXIV. № 1. P. 112—118.
- Rollison D.A.* Commonwealth of the People: Popular Politics and England’s Long Social Revolution 1066—1649. Cambridge, 2010.
- Rosental J.T.* Patriarchy and Families of Privilege in Fifteenth-Century England. Philadelphia, 1991.
- Roskell J.S.* Parliament and Politics in Late Medieval England. L., 1981. Vol. I—II.
- Ross C.D.* Edward IV. Berkley—N.Y., 1974.
- Ross C.D.* The Reign of Edward IV // Fifteenth-Century England 1399—1509. Studies in Politics and Society. Barnes, 1972. P. 45—66.
- Rossiter A.P.* Angel With Horns: The Unity of Richard III // Shakespeare: The Histories / Ed. E.M. Waith. Englewood Cliffs, 1961.
- Rowney I.* Resources and Retaining in Yorkist England: Lord Hastings and the Honor of Tutbury // Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984. P. 139—151.
- Rowse A.L.* Bosworth Field and the Wars of the Roses. L., 1966.
- Royle T.* Lancaster Against York: The Wars of the Roses and the Foundation of Modern Britain. N.Y., 2008.
- Scofield C.* The Life and Reign of Edward IV, King of England and France and Lord of Ireland. In 2 vols. N.Y., 1967.
- Scott Walter.* Anne of Geierstein; or The Maiden of the Mist. By the Author of “Waverley”. In 3 vols. Edinburgh—London, 1829. Vol. I (II—III).
- Simons E.* The Reign of Edward IV. L., 1966.

- Smith A.* Litigation and Politics: Sir John Fastolf's Defense of His English Property // Property and Politics. Essays in Later Medieval English History / Ed. by A.J. Pollard. N.Y., 1984. P. 58—74.
- Stone L.* Family, Sex, and Marriage in England 1500—1800. L., 1977.
- Storey R.L.* The End of the House of Lancaster. Gloucester, 1986.
- Strickland A.* Lives of the Queens of England. In 2 vols. L., 1885.
- Stubbs W.* The Constitutional History of England in Its Origin and Development. In 3 vols. Oxford, 1897.
- Sutton A.F.* "A Curious Searcher for Our Weal Public": Richard III Piety, Chivalry, and the Concept of the "Good Prince" // Richard III: Loyalty, Lordship and Law / Ed. by P.W. Hammond. L., 1986. P. 61—78.
- Tender D.R.* Henry VI. London, 1976.
- The Church, Politics and Patronage in the Fifteenth Century England / Ed. by B. Dobson. Gloucester—N.Y., 1984.
- The English Court: From the Wars of the Roses to the Civil War. L., 1987.
- Tomson J.A.* The Transformation of Late Medieval England, 1370—1529. N.Y.;L., 1983.
- Tuck A.* Crown and Nobility 1272—1461 (Political Conflict in Late Medieval England). Totowa, 1985.
- Turner S.* History of England During the Middle Ages. L., 1823.
- van Cleave A.M.* The First of the Tudors: A Study of Henry VII and His Reign. L., 1981.
- Wagner J.A.* Encyclopedia of the Wars of the Roses. Santa-Barbara, 2001.
- Walpole H.* Historic Doubts on the Life and Reign of King Richard the Third. L., 1768.
- Walters G.* Rewriting History: the Portrayal of Richard III. Gloucester, 2000.
- Watt D.* "No Writing for Writing's Sake": The Language of Service and Household Rhetoric in the Letters of Paston Women // Dear Sister. Medieval Woman and the Epistolary Genre. Philadelphia, 1993. P. 122—138.
- Webster B.* The Wars of the Roses. L., 1998.
- Wedgwood J., Holt A.* History of Parliament. Biographies of the Members of the Commons House. 1439—1509. L., 1936.
- Weir A.* Lancaster and York: The Wars of the Roses. L., 2011.
- Weir A.* The Princes in the Tower. L., 1992.
- Whitaker E.* Reading the Paston Letters Medically // English Language Notes, 1993. Vol. XXXI. № 1. P. 19—27.
- Williamson A.* The Mystery of the Princes. Gloucester, 1978.
- Wolffe B.R.* Henry VI. L., 1983.
- Wolffe B.R.* The Personal Rule of Henry VI // Fifteenth-Century England 1399—1509. Studies in Politics and Society. Barnes, 1972. P. 29—44.
- Wood C.T.* Queens, Quaens, and Kingship: An Inquiry into Theory of Royal Legitimacy in Late Medieval England and France // Order and Innovation in the Middle Ages. Princeton, 1987. P. 409—431.
- Wood Ch.T.* Richard III, William Lord Hastings and Friday the Thirteenth // Kings and Nobles in the Later Middle Ages / Ed. by R.A. Griffiths & J. Sherbone. N.Y., 1986. P. 130—154.
- Workman K.J.* Manorial Estate Officials and Opportunity in Later Medieval English Society // Viator, 1995. Vol. XXVI. P. 223—240.

Научное издание

Елена Давыдовна Браун

Войны Роз:

История. Мифология. Историография

Макет и оформление Ю.В. Балабанов
Издательский редактор И.В. Румянцева
Корректор Н.С. Головин

Предложения и вопросы можно присылать на электронный адрес серии:
medieval.books@mail.com

Подписано в печать 12.06.2016. Формат 70×100/16. Заказ № 3588.
Тираж 500 экз. 13,0 п.л. 16,0 уч.-изд. л.

Отпечатано в АО

«Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область,

г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru,

тел. 8(499)270-73-59

По издательским вопросам обращаться:

«**Центр гуманитарных инициатив**»

e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра П.В. Соснов

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб».

«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему спектру
гуманитарных наук — философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии.

Вы можете приобрести у нас по издательским ценам продукцию ведущих
научно-гуманитарных издательств России.

Контакты:

в Санкт-Петербурге: Тел. (812) 640-08-71, e-mail: uknigal@westcall.net

в Москве: ООО «Университетская книга-СПб». Тел. (495) 915-32-84,

e-mail: ukniga-m@libfl.ru

Книжные новинки издательства всегда представлены
в киоске Государственного института искусствознания:
Москва, Большой Козийский переулок, д. 5 (ст. метро «Чеховская»),
выход в сторону Музыкального театра им. К.С. Станиславского
и В.И. Немировича-Данченко).

Тел./факс: (495) 692-29-39, e-mail: kiosk_gii@sias.ru

Рассылка по России:

Интернет-магазин Лабиринт.ру: <http://www.labyrinth.ru/>

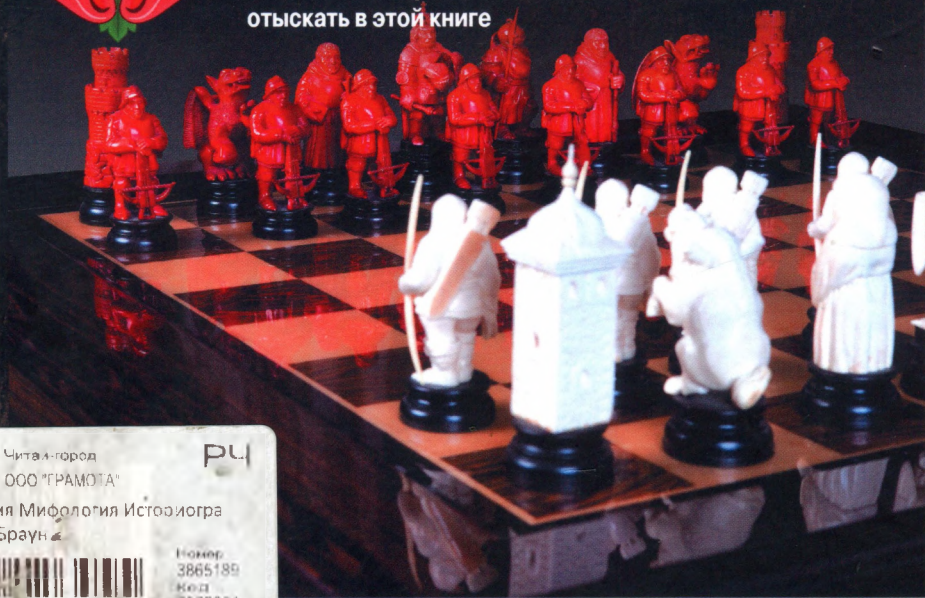
Е.Д. Браун

Войны Роз:

История.
Мифология.
Историография

Войны Роз (1452—1485) длились как минимум три десятилетия, хотя о точных датах истории спорят. За эти годы произошло шестнадцать сражений, престол пять раз переходил из рук в руки; и все же это классический пример придуманной войны. Современники не считали происходящее единым конфликтом и никогда не осмысливали его как войну Алой и Белой розы. Что думали англичане о противостоянии Йорков и Ланкастеров? Была ли это гражданская война или просто серия неурядиц с наследованием престола? Влияли ли Войны Роз на жизнь современников? Когда и для чего были изобретены Розы? Почему историографические дискуссии продолжают даже через пятьсот лет после окончания конфликта? Ответы попытаемся отыскать в этой книге

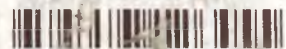

17

Чел Читал-город
12.07.2016 ООО "ГРАМОТА"

PC4

Войны роз История Мифология Историография (MediaeValia) Браун

9785987126455

Цена 590 руб.

9 785987 126455

Номер
3865189
Мод
2529034
ТЭК
11 7112